

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Владимир Шигин

**Герои Черноморского флота
XVIII–XIX веков**

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Владимир ШИГИН

Герои Черноморского флота XVIII–XIX веков

Документальные повести

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе
Москва
2020

УДК 821-311
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш55

Шигин В.В.

Ш55 Герои Черноморского флота XVIII–XIX веков : документальные повести / Владимир Шигин. – М. : Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2020. – 176 с. (Будущему воину. Библиотека ратного подвига: книжная серия ЦДРА)

Книга ведущего редактора военно-художественной студии писателей ЦДРА капитана 1 ранга Владимира Шигина «Герои Черноморского флота XVIII-XIX веков» посвящена подвигам моряков-черноморцев разных эпох.

Первая документальная повесть «Из рода Сенявиных» рассказывает о выдающемся адмирале Алексее Сенявине – одном из основателей Черноморского флота и о его первых победах над турками.

Повесть «За мной, кто в Бога верует!» посвящена подвигу капитана 2 ранга Остен-Сакена, пожертвовавшему собой ради спасения товарищей. Его подвигом восхищались Суворов и Потемкин, а турки при одном упоминании его имени спускали свои флаги...

В повести «Всеми забытый Веревкин» Владимир Шигин рассказывает еще об одном герое – капитане 2 ранга Андрее Веревкине, незаслуженно обогнанном завистниками и вынужденном отстаивать свое доброе имя.

Много ли сегодня тех, кто знает, что совсем небольшой отряд русских моряков-десантников в 1800 году освободил от французов Неаполь и Рим? А ведь имя командира этого отряда капитана 2 ранга Григории Белли когда-то знал каждый мальчишка! В его честь называли боевые корабли! О судьбе этого удивительного офицера и рассказывает Владимир Шигин в повести «Освободитель Неаполя».

Герой следующей повести адмирал Семен Пустошкин был храбрым и скромным моряком, настоящим незаметным тружеником, одним из тех, на чьих плечах держался и держится наш флот. Судьбе этого моряка посвящена повесть «Старательный Пустошкин».

Известно ли вам имя молодого русского офицера, которого сам император Наполеон считал личным врагом? Именно таким был лейтенант Иван Скаловский. Почему именно его объявил Наполеон своим личным врагом, и какова была судьба этого незаурядного человека, вы узнаете, прочитав повесть «Личный враг французского императора».

Повесть «Душою чист и любит море» рассказывает о жизненном пути и флотских подвигах адмирала Павла Степановича Нахимова.

Книга предназначена для детей среднего и старшего школьного возраста, допризывников, курсантов и слушателей высших военных образовательных учреждений, преподавателей учреждений среднего и высшего образования, командиров и их заместителей по военно-политической работе, армейских и флотских культпросветработников, широкого круга читателей.

12+

© Шигин В.В.

© Кабин А.В. – дизайн обложки

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	4
Из рода Сенявиных.....	6
За мной, кто в Бога верует!.....	16
Всеми забытый Веревкин.....	23
Освободитель Неаполя.....	47
Старательный Пустошкин.....	69
Личный враг французского императора.....	84
Душою чист и любит море.....	113

ОБ АВТОРЕ

Владимир Виленович Шигин – современный российский писатель-маринист. Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Родился 12 марта 1958 года в Севастополе, военный моряк в 5-м поколении. В 1975 г. окончил школу в г. Лиепая. Трудовую деятельность начал слесарем механосборочных работ на оборонном заводе. В 1976-1977 гг. служил матросом на Балтийском флоте. В 1977 г. поступил, а в 1981 г. окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище.

С 1981 по 1988 г. служил на Балтийском флоте заместителем командира малого противолодочного корабля и заместителем командира дивизиона тральщиков 118-й бригады кораблей ОВР. Участник маневров «Запад-81» и восьми боевых служб.

В 1991 г. окончил научно-педагогический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина по специализации политиче-

ская история. С 1991 по 1996 год – заместитель начальника пресс-центра Главного командующего ВМФ. С 1996 по 2009 год – редактор отдела литературы журнала Министерства обороны Российской Федерации «Морской сборник». С 2013 года – ведущий редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

В Вооружённых силах СССР и России прослужил 33 календарных года.

Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Автор более 80 книг по истории России и ВМФ.

Награждён Орденом Почёта, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» 1-й, 2-й степеней, медалями «Адмирал Кузнецов», «Адмирал Горшков», другими ведомственными наградами.

Лауреат литературных премий:

- Международной литературной премии союза писателей-баталистов и маринистов имени Валентина Пикуля 1994 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России имени Александра Невского 2011 г.
- Всероссийской общественно-литературной премии имени святого праведного воина Федора Ушакова 2012 г.
- Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова 2013 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Имперская культура» 2013 г.
- Литературной премии г. Севастополя имени Л.Н. Толстого 2015 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России и ВПК «Щит и меч Отечества» 2015 г.
- Московской областной губернаторской литературной премии имени Михаила Пришвина 2018 г.

ИЗ РОДА СЕНЯВИНЫХ...

Вице-президент Адмиралтейств-коллегий Мордвинов большими шагами вошел в совещательную залу, бросил в кресло шляпу и трость:

– Господа! В связи с началом войны турецкой велено государыней возродить флотилию для действия на море Азовским, а после завоевания оно и на море Черном! Ура!

– Виват! Виват! Виват! – троекратно прокричали ему в ответ российские адмиралы.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Речь Мордвинова вызвала среди членов коллегии сильное оживление. Когда шум стих, начался разговор, по существу. Прикинули сроки приготовления флотилии, определили примерные штаты на первое время, посмотрели, во что это предприятие для казны обойдется.

Затем перешли к вопросу многотрудному и щепетильному: кому доверить пост командующего. Судили и так и этак. Будущий флагман азовский должен был отвечать требованиям многим: иметь опыт плаваний морских и чин соответствующий, чтобы старшинство в чинах не нарушить, разбираться в делах бумажных и кораблестроительных (ведь флотилию только еще предстояло создать!). Наконец адмиралы остановили выбор на двух кандидатах: начальнике кронштадтском вице-адмирале Григории Спиридове и начальнике эскадренном контр-адмирале Алексее Сенявине.

Однако насчет Спиридова имелись соображения другие. Вице-адмиралу предстояло возглавить эскадру средиземноморскую, проложить дорогу к Дарданеллам, чтобы оттуда подпалить Оттоманскую Порту. И члены коллегии остановились на втором кандидате.

За Сенявина голосовали единогласно. Лишь старый адмирал Льюис, склонившись к уху сидевшего рядом гидрографа Нагаева, прошипел ядовито:

Двинули-таки кверху ентого молокососа, а за какие, спрашивается, заслуги?

Но Нагаев не поддержал, отмахнулся:

– Будет тебе! Как порешили, так и порешили.

Алексей Сенявин, сухощавый и подтянутый, встал с кресла. Контр-адмирал без лишних слов заявил, что костыми ляжет, а через три года выйдет с новостроенным флотом в море Азовское, а там и далее. Слыша такие речи, покачал напудренными буклями отставной адмирал Милославский, бурча недоверчиво:

– Вот ведь как нынче такие дела решаются. Раньше бы уж точно с полгода заседали, а тут раз – и флот строить в полчаса. Да возможно ли такое?

В конце концов, было решено следующее:

«1. Употребить оной коллегии всевозможное старание примыслить род вооруженных военных судов... 2. К рассуждению и сочинению в силу сего указа призвать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина, ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать...»

Род Сенявиных на Российском флоте известен давно. Родоначальник его – Наум Сенявин одержал победу в Эландском сражении 1719 года и числился в лучших капитанах у Петра. Обращаясь к нему, государь любил приговаривать: «Дерзай, чадо!»

Пришло время, и ступил на корабельную палубу сын – Алексей Наумович. За пятьдесят два года, отпущенных жизнью, многое довелось повидать и испытать младшему Сенявину. Еще в мичманском чине совершает он свое дальнее плавание из Архангельска в Кронштадт. В турецкую войну 1735-1739 годов состоит адъютантом при отце на Днепровской флотилии; через три года снова воюет, на этот раз со шведами. В войну Семилетнюю, уже в чине капитана 2 ранга, успешно командует кораблем «Александр Невский». Выказывает отменную храбрость при штурме прусской крепости Кольберг и, несмотря на сильную контузию, не покидает шканцев. В победной реляции его подвиг отмечен особо: «...Прошел под жесточайшим огнем противника вдоль крепостных укреплений, подавляя метким огнем своих пушек одну прусскую батарею за другой».

Вследствие контузии Сенявин вынужден на несколько лет покинуть капитанский мостик. Еще не закончив лечение, он вновь возвращается на службу, сперва генерал-казначеем, а затем и эскадренным начальником.

И вот теперь новое назначение, да какое! Велик груз ответственности, велик спрос, но велика и честь быть первым флагманом зарождающегося южного флота России!

Пред отъездом на юг Сенявина приняла императрица Екатерина II.

– Ваша и Средиземного моря экспедиция есть детища мои, под сердцем лежащие, исход их благополучный вижу я во снах своих! – говорила она контр-адмиралу. – Таганрог и Азов, эти два драгоценных камня, должны получить достойную оправу – вашу флотилию, адмирал. Разумеете ли вы это?

– Разумею, государыня, только тесно мне будет среди берегов азовских!

– Придет время, – улыбнулась Екатерина, – и увидит российский флаг не только море Азовское, но Понт Эвксинский с Боспором! Я ж, как и все россияне, буду ждать от вас подвигов на морях южных! Ведь на нас вся Европа смотрит. Вот что вчера я из Франции получила от одного из своих друзей.

Екатерина неторопливо подошла к стоявшей на низком столике шкатулке и, открыв ее, достала письмо. Щуря близоруко глаза, зачитала по-французски: «Дай Бог, чтобы ваше величество успели завести на Черном море сильный флот. Вы, конечно, не удовольствуетесь продолжением оборонительной войны, и я весьма уверен, что Мустафа будет побит на суше и на море».

Это пишет наш друг Вольтер, – проговорила она, положив письмо обратно в шкатулку, – мы все будем молиться за ваш успех!

Не пощажу живота своего! – склонил голову Сенявин и, печатая шаг, покинул залу.

Глава российской Адмиралтейств-коллегии граф Иван Чернышев напутствовал командующего Азовской флотилии с теплотой душевной:

– Бога ради, постарайся быть достойным имени сына Наума Акимовича. Дерзай, чадо!

Через несколько часов перекладной возок уже трясся по ухабам российских дорог. За оконцем метелило всюю. Продышав на замерзшем стекле глазок, смотрел адмирал на стоящие под снегом леса.

– Ну-ка, Микола, – толкнул он в бок храпевшего денщика, – раскинь умом, что для предохранения обшивки корабельной от древесных гнилей надежней будет: шерсть со стеклом толченым вперемешку или мазь смоляная с порохом в пропорциях известных?

Сонный Микола нехотя высунул из-под душного тулупа голову.

– Не, пороху не надоть, от ентной гадости завсегда одна беда!

Так и ехали: за Москвой – Калуга, за Калугой – Воронеж. Воронежский губернатор Маслов настойчиво отговаривал Сенявина от дальнейшей поездки в одиночку, ссылаясь на шайки бродящих по степи татар. Но контр-адмирал был в своих намерениях тверд:

– Мне флот строить надобно, а не ждать, пока война кончится!

Пара заряженных пистолетов, резвые кони да российская удаль – что еще надобно? Вперед!

На татар все же напоролись, но смогли отбиться и от погони оторвались. Через несколько дней Сенявин был уже в Таганроге. Спрыгнув с возка на черный весенний лед, скинул с плеч шубу, лом в руки – и за дело. Пока местные начальники сбегались, он уже с дюжину лунок прорубил. Тщательные промеры гавани подтвердили предварительные данные: корабли базироваться на Таганрог могут, хотя и с трудом.

Но настоящая работа еще только начиналась. Сенявин трудился днем и ночью, ел в седле, спал где придется. Заготавливал лес для будущих фрегатов, создавал гавани, выбивал пополнения экипажам кораблей, обговаривал с купцами условия поставки пушек... Работая как каторжный, требовал того же контр-адмирал и от других. Нелегко жилось мастеровому люду на южных верфях. Болезни и смерти были делом столь обыденным, что на них и внимания-то не обращали. Помер, так помер, нового работника искать надобно, да поскорее: работа стоит!

Результаты адова труда дали плоды намного скорее, чем того ожидали в Санкт-Петербурге. Уже 1 марта 1770 года был спущен на воду первый корабль новой конструкции. Через две недели второй, затем еще и еще. Эти суда имели весьма сильную артиллерию и малую осадку, что делало их незаменимыми для боевых действий на мелководном Азовском море. Имена им давали со значением – в память побед, одержанных русским флотом в Средиземноморье: «Модон», «Корон», «Морея»...

К концу апреля на донских волнах качалось уже десять способных к плаванию кораблей. Готовя их к выходу в море, Сенявин в разговоре со своим главным помощником капитаном 1 ранга Сухотиным сетовал на мелкость Таганрогской гавани:

– Вот ты, Яша, как гидрограф наш наипервейший, скажи мне: можно ли оную гавань достаточно углубить? А то будут наши новострой не стоять, как порядочным кораблям положено, а карасями в грязи валяться!

– Всю гавань углубить сил не хватит, – отвечал всегда невозмутимый Сухотин, – надо фарватер рыть!

– Вот ты этим и займись, а я отправлюсь глядеть крепость и порт Азовский!

Но выехать в Азов Сенявину не удалось – свалила лихорадка, пошла горлом кровь. Отправляя в Санкт-Петербург адъютанта Апраксина с отчетами о проделанной работе, командующий наставлял его:

– О сей болезни жене моей, Анне Никитичне, не сказывай, а ежели она от кого о том сможет проведать, то прими на себя труд уверить ее, что я здоров.

Выходя, адъютант столкнулся в дверях с армейским офицером. То был курьер от командующего Второй армией. Генерал Румянцев ставил перед флотилией первые боевые задачи: «Операции вашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы пройдете со своими судами в Черное море и отрежете всю помощь крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме».

– Пиши ответ! – тут же велел курьеру Сенявин. – Отходя от Таганрога при остовых ветрах, можно прийти до крепости Еникале в трое суток, ежели надо будет идти далее, то при тех же ветрах до Константинополь ходу нам дней на семь...

Контр-адмирал прикрыл глаза. За морем Азовского виделись ему уже просторы черноморские.

НА МОРЕ АЗОВСКОМ

Азовское море – самый дальний угол Европы. И, казалось бы, кому до него дело, кроме Петербурга и Стамбула! Но нет, «союзники» России проявили к экспедиции Сенявина самый живой интерес. Государственный канцлер Австрии Кауниц выговаривал турецкому послу в Вене:

– С потерей берегов Черного моря в Европе вы потеряете и отдадите России выгоду драгоценную – обладание устьями значительных рек, по которым приходят из отдаленных краев материалы для постройки их южного флота!

В тот же день посол оповестил султана: Австрия негласно всячески готова поддержать турок в борьбе за Крым и Азов. Мустафа III велел весь остаток своего флота, потерпевшего сокрушительное поражение в июне 1770 года в Чесменской бухте, отправить в Азовское море, дабы испелелить и уничтожить немногие суда дерзких москвитов.

Наступало время испытаний для молодой Азовской флотилии, время первых морских сражений, время тревог и побед!

К весне 1771 года обстановка на сухопутном фронте уже окончательно изменилась в пользу русской армии. Потерпев ряд сокрушительных поражений от армии генерала Румянцева, турки перешли к обороне. А в июне 1771 года, взяв Перекоп, в Крым вступила армия Василия Долгорукова. Теперь Азовской флотилии предстояло оказывать помощь рус-

ским войскам в овладении Еникале – мощной крепостью, контролирующей вход в Керченский пролив.

Алексей Сенявин поднял свой флаг на корабле «Хотин» 20 апреля. Собрав на шканцах команду, он объявил:

– Покажем желаемые успехи да дадим почувствовать сей стихии силу и действие премудрой нашей монархини! Сделаем скоро известным наш флаг в здешних водах!

Матросы отвечали дружным «ура». Офицеры салютовали шпагами.

Курс флотилии контр-адмирал проложил к Керченскому проливу, где по данным лазутчиков находилась сильная турецкая эскадра. Шли двумя отрядами. Первый отряд, состоящий из кораблей, вел капитан Сухотин, второй, из мелких судов да казачьих лодок, – капитан Скрыплев. Сам командующий – на «Хотине» под белым брейд-вымпелом.

Осторожно, делая промеры глубин, вошли в пролив. Штормило. Вскоре обнаружили и турок. Неприятель держался под берегом. Русские корабли, едва наполнив свои паруса, немедленно устремились вперед. Не приняв вызова, турецкие суда на парусах и на веслах старались оторваться от неожиданного противника. Внезапный шквал из дождя и тумана накрыл противоборствующие стороны. Туркам это было на руку.

Едва погода улучшилась, русская флотилия возобновила атаку. Турки, не сделав и выстрела, пустились в бегство, преследуемые кораблями Сенявина. Погоня продолжалась целые сутки, пока турецкие суда не нашли себе прибежище под стенами Еникальской крепости. Так турецкий флот был изгнан из Азовского моря, изгнан навсегда!

В своем донесении в столицу Сенявин писал: «Выгнанных из Азовского моря судов больших и малых, как-то: шебек и полугалер видно было 14, а теперь в заливе Керченском до 30; по сей час я могу уверить... что милостию Божию на Азовском море владычествует флаг все-русский императрицы, с чем и имею честь... поздравить».

Заслуги Сенявина без внимания императрицы не остались. За успешное и скорое строительство флотилии он был пожалован орденом Святой Анны, а за бескровную победу при Еникале получил орден Святого Александра Невского, второй по значению в империи!

Сам же флагман Азовской флотилии столь щедрые награды расценивал как аванс, а оттого трудился не покладая рук. На Хоперских верфях заложил Сенявин сразу два 32-пушечных фрегата для будущих действий на море Черном. С названиями не мудрствовал: первый из фрегатов назвал «Первым», второй же – «Вторым». Изыскивал адмирал и способы борьбы с червями-древоточцами, что в южных водах изъедают

корабельную обшивку. Самолично травил их всяческими отравами и в банках стеклянных отсылал в Адмиралтейств-коллегию для обозрения.

А в конце июля 1771 года под ударами русских войск пали Еникале и Керчь. Отныне путь в Черное море был для русских кораблей свободен!

– Теперь нам надобны настоящие линейные корабли! – сетовал Сенявин. – Без оных с флотом турецким совладать нам трудно будет!

Однако старые верфи строить суда столь большие не могли. И все же командующий нашел выход. Он велел закладывать фрегаты, но размеров больших, чем прежде. Сидя ночами над чертежами и расчетами, добился Алексей Наумович и того, что разместил он на тех фрегатах до 58 пушек, почти столько, сколько несли на себе корабли линейные.

Кампанию следующего, 1772 года азовцы начали с дозоров вдоль всего крымского побережья, надежно прикрывая его от возможных турецких десантов. Отряды контр-адмирала Баранова, капитанов Кингсбергена и Сухотина непрерывно крейсировали на подходах к полуострову. Сам же Сенявин с сильным резервом находился на якорях у Керчи, готовый по первому сигналу броситься на пересечку неприятельской эскадре.

В течение всего года турки так и не решились напасть на русские корабли, ограничиваясь лишь разведкой да мелкими вылазками. Сенявин же, не теряя времени даром, сколачивал экипажи, готовя флотилию к грядущей борьбе за обладание Черным морем. Ни у кого сомнений не было, что нынешнее затишье временное: турки Черного моря без боя не отдадут.

Весной 1773 года Сенявин объявил своим капитанам:

– Детство и отрочество наше позади. Теперь настала пора возмужания, а посему мы переходим к действиям наирешительным!

Сказано – сделано. Вскоре каперанг Сухотин обнаружил отряд неприятельских судов в устье реки Кубани. Немедленно последовало нападение. Потеряв в ожесточенной перестрелке два судна, турки бежали. А через несколько дней новый успех: на этот раз Сухотин разгромил турецкий отряд, спешивший на помощь первому. И снова неприятель недосчитался нескольких судов.

Но главные события кампании 1773 года были впереди. Основные силы турецкого флота еще только нацеливали форштевни своих кораблей в сторону Крыма. И 23 июня неприятель был обнаружен неподалеку от селения Балаклава. Турки держались к ветру. Командир российского отряда капитан Кингсберген на своей «Короне» атаковал с ходу, не отставал от флагмана и шедший следом «Таганрог». Сражение длилось более

шести часов. «В продолжение сего с обеих сторон чрезвычайного огня... были от них в море многое число убитых... от такого неустрашимого сопротивления ощущал неприятель великий вред и пришел уже в крайнее изнеможение, принужден был уступить и, поворота, поднял все паруса, бросился в бег тем же самым следом, откуда пришел...» Сам Кингсберген был краток:

– Честь сего боя я приписываю прежде всего храбрости моих команд! С этими молодцами я выгнал бы и черта из ада!

Едва Сенявину стало известно о Балаклавской баталии, он поспешил на помощь Кингсбергену. Тем временем храбрый кавторанг выдержал еще одно ожесточенное сражение с турками: 23 августа он решительно атаковал с расстояния картечного выстрела турецкую эскадру в восемнадцать вымпелов. В ее составе было три линейных корабля и четыре фрегата. Не выдержав напора, турки отошли под защиту крепости Суджук-Кале. А вскоре подошел с несколькими кораблями Сенявин, и тогда объединенная русская эскадра повторила нападение. Документы донесли до нас рассказ самого Алексея Наумовича о том сражении: «...И я построил свой флот на той же линии, на коей и они шли, имея на кораблях новоизобретенного рода все паруса, пошел на них, что неприятель усмотрел и, хотя имел превосходство в числе и величине своих кораблей... сколько можно иметь парусов, побежал к Анатолии: мы гнались за ними до самой ночной темноты...»

А спустя несколько дней, Керчь с музыкой и пушечной пальбой встречала победителей. Морская кампания была завершена блестяще! Российские моряки надежно прикрыли крымские берега от турецких посягательств. Отныне Андреевский флаг развевался над просторами черноморскими. Так начала сбываться мечта многих поколений россиян...

Но успокаиваться было рано. В следующем году турки предприняли еще одну отчаянную попытку прорваться через Керченский пролив и нанести удар по Таганрогу. Для этой цели был собран весь оставшийся после чесменского погрома флот: пять линейных кораблей, десяток фрегатов, множество галер и мелких судов. Вел флот сам Гассан-паша, любимец султана и обладатель почетнейшего титула «крокодил морских сражений». Гассан-паша в успехе дела был уверен, перед отплытием из Стамбула он обещал султану:

– Клянусь небом, о великий из великих, что я не оставлю камня на камне от морского прибежища московитов – Таганруха! Самого ж их предводителя Сеняфина обезглавлю, а голову доставлю в Стамбул, чтобы бросить на прокорм бродячим псам!

Но едва на салингах турецких кораблей стали различимы керченские берега, турки сделали неприятное открытие: дорогу им заступили суда контр-адмирала Василия Чичагова. Еще совсем недавно Чичагов бороздил воды средиземноморские и вот теперь принял под начало отряд судов на Черном море. Несколько попыток окружить свой отряд Чичагов отбил, а затем умелым маневром отсек турок от пролива. Сам же занял позицию под прикрытием береговых батарей. Не желая рисковать, бросил якоря и Гассан-паша, ожидая подхода подкреплений из Стамбула. Первым, однако, появился в проливе Алексей Сенявин. Он выгреб по азовским портам все, что мог, и во главе сборного отряда мелких судов явился перед неприятелем, чтобы пасть, но не пропустить его в Азовское море. Подошло подкрепление и к туркам. В отличие от сенявинских шеебок да лодок это были мощные линейные корабли и фрегаты. Перевес в силах еще больше склонился на сторону неприятеля.

Гассан-паша атаковал Азовскую флотилию 28 июня.

Турки, уверенные в успехе, шли как на параде. С палуб их кораблей устрашающе размахивали ятаганами бритоголовые янычары, выкрикивая во всю глотку:

– У, урус шайтан!

На палубах русских судов было тихо. Лишь потрескивали горящие фитили в руках готлангеров да шумел ветер в парусах. По распоряжению Сенявина капитанам судов было велено не открывать пальбы, пока неприятель не приблизится на дистанцию картечного выстрела.

...И вот русскую боевую линию заволокло пороховым дымом. Сотни ядер, завывая, понеслись к цели. Точность огня азовцев была поразительной. Их пушки рушили рангоут, поражали корпуса, испепеляли паруса. На одном из турецких судов от многих попаданий обрушился в воду целый борт с пушками и людьми... Турки некоторое время пробовали держаться, но вскоре не выдержали. Бегство «крокодила морских сражений» было паническим. Желая, как можно быстрее оторваться от противника, он велел даже буксировать свои корабли галерами.

А вскоре в селении Кучук-Кайнарджи был заключен мир, по которому Турция признавала право России на обладание северным Причерноморьем. В дни победных торжеств высочайшим указом Екатерина присвоила Алексею Сенявину чин полного адмирала. Отгремели залпы, и Сенявина стали заботить дела иные. Предстояло обустроить Азовскую флотилию на берегах черноморских, построить порты и верфи, береговые батареи и жилье...

Беда пришла, когда адмирал ее и не ждал: внезапно обострились старые болезни. Лекаря, осмотрев Сенявина, сказали коротко:

– Немедленно уезжать на север, промедление – гибельно!

В 1776 году Алексей Наумович покидает Таганрог и, сдав дела контр-адмиралу Федоту Клокачеву, уезжает в Петербург.

Но начатое им дело дало хорошие всходы, В 1779 году на херсонских верфях заложили первые линейные корабли, а еще через три года русские корабли бросили свои якоря в Ахтиарской бухте, где вскоре началось интенсивное строительство главной базы Черноморского флота – Севастополя.

В это время Алексей Сенявин уже служил в Адмиралтейств-коллегии: инспектировал корабли, разрабатывал новые проекты судов, изыскивал новые способы предохранения корабельных корпусов от гнили и дровоточцев... А болезни все больше одолевали его. Последние годы своей жизни старый адмирал почти не мог ходить. Адмирала, кавалера многих российских орденов Алексея Наумовича Сенявина не стало 10 августа 1797 года.

Но династия моряков Сенявиных не оборвалась. Эстафету служения Отечеству принял племянник Алексея Наумовича – Дмитрий Николаевич – будущий герой Афона и Дарданелл. Тот самый, которого дядя напутствовал перед отъездом на Черное море словами старыми, петровскими:

– Дерзай, чадо!

ЗА МНОЙ, КТО В БОГА ВЕРУЕТ!

Капитана 2 ранга Христофора Ивановича Остен-Сакена знали на флоте как офицера грамотного и опытного. Нынешняя война против турок, начатая в прошлом, 1787 году, была для него уже второй. Однокашники по морскому корпусу, те, кто на Балтике плавал, дослужились до чинов бригадирских, Сакен же всего-навсего получил капитана 2 ранга. Причина тому была самая заурядная: Черноморский флот молодой, и штаты на нем невелики. Просился было еще перед войной Сакен в эскадру Севастопольскую, чтоб чин следующий там получить, но главный начальник морской контр-адмирал Мордвинов не пустил, придержал на флотилии гребной. Да Христофор Иванович сильно и не расстроился: надо – значит надо!

Командовал в то время Остен-Сакен дубель-шлюпкой, неуклюжим гребным судном о сорока двух веслах и пятнадцати пушках. И хотя слава об этих дубель-шлюпках на флоте шла самая худая, ибо тонули они при каждом шторме нещадно, Сакен службой был доволен вполне. С началом войны судно сакенское во всех боях участвовало с неизменным успехом, заслужив похвалу самого князя Потемкина.

Во второй половине мая 1788 года русские гребные суда собрались в низовьях Днепра, у Голой пристани, в ожидании турецкого флота. Впереди, на выходе из днепровского лимана, находился лишь передовой отряд. Его задача – оказать поддержку Кинбурнской крепости и вовремя предупредить командующего флотилией о появлении турецких сил. Отрядом этим и командовал капитан 2 второго ранга Сакен. В подчинение его помимо собственной дубель-шлюпки входили еще два мелких судна под началом француза-волонтера Роже Дама, наглеца и авантюриста.

Двадцатого мая на горизонте забелели многочисленные паруса. Скоро стало окончательно ясно, что это турецкий флот. Командующий кинбурнской обороной генерал Александр Суворов велел звать к себе Сакена.

– Вот что, – сказал он, когда кавторанг прибыл. – Уходи, Христофор Иванович, в лиман. Противу турецкого флота тебе не выстоять, а суда и людей губить понапрасну не надобно!

– Шебеки я отправлю немедля, а сам задержусь немного. Надо турок посчитать получше, чтоб знать, с кем ныне дело иметь придется! – ответил командир дубель-шлюпки.

– Ладно! – кивнул Суворов. – Но поторапливайся!

Вскоре обе шебеки графа Дама покинули Кинбурнскую крепость. Молодой граф, метко прозванный Суворовым «сопливцем», на энергичной гребле уводил свои суда в лиман. Еще немного – и они скрылись из виду.

– За этих я спокоен! – вытер платком потный лоб Сакен. – Теперь займемся турками.

Подсчет сил турецкого флота оказался делом далеко не простым. Ближе к берегу неприятель не подходил, а различить число его судов в стелющемся над волнами тумане было сложно. Но вот, наконец, и эта задача выполнена. Сакен срочно прибыл к Суворову. Тот протянул ему запечатанный красным сургучом пакет:

– Передашь принцу! Поспешай! Сведения о турках весьма важны!

В письме к командующему Лиманской флотилией принцу Нассау-Зигену Суворов писал: «20 мая 1788 Кинбурн. Когда я окончил письмо, басурманский флот явился величественно в числе 52 судов. Из них многие уже стоят на якоре под Очаковым. Там их 4 галеры, 2 бомбарды и 4 линейных корабля... Сакен уходит отсюда. Я предполагаю, если только старый капитан-паша находится на флоте, то не пройдет суток, как он нападет на нас. Это было написано в 8 часов утра, а в 9 часов мы увидели еще 22 парусных судна... Галеры, бомбарды, шебеки, шлюпки числом 34 судна стояли вдоль берега Очакова у крепости... Обнимаю Вас, принц. Да увенчает Вас Господь лаврами».

...На выходе Сакен столкнулся со своим старым товарищем подполковником Козловского полка Федором Марковым.

– Будь осторожен! – сказал тот, беря капитана 2 ранга под локоть. – Турки, кажется, в обход крепости к лиману двинулись!

Сакен лишь махнул рукой:

Положение мое отчаянное. Единственное спасение – прорыв, да и пакет доставить надобно. Ежели турки атакуют меня двумя судами, я возьму их, с тремя буду сражаться, от четырех не побегу, ну а если нападут больше, тогда прощай, Федор Иванович, мы боле не увидимся!

– Ни пуха ни пера! – крикнул Марков вдогонку.

– К черту! – отмахнулся Сакен.

Через четверть часа дубель-шлюпка, выгребая на пределе сил, устремилась к Днепровскому лиману. Сакен не знал еще, что турки, не ограничившись демонстрацией сил у Кинбурна и Очакова, уже направили скрытно часть гребного флота в лиман. Но, и, не зная этого, опытный кавторанг старался идти ближе к берегу, чтобы быть менее заметным со стороны моря.

Скрытно проскочить, к сожалению, не удалось. Противники заметили друг друга почти одновременно. От скопища турецких гребных судов сразу же отделились тринадцать галер и бросились на пересечку русскому судну.

Наши уходили на веслах. Матросы гребли отчаянно, до кровавых мозолей на руках.

– Два! Р-р-раз! Два! Р-р-раз! – хрипло выкрикивали начальствующие над бортами мичмана. Но куда неуклюжей и тихоходной дубель-шлюпке тягаться в ходкости с быстроходными и маневренными галерами! Дистанция между судном Сакена и преследователями быстро сокращалась. Вскоре турки уже поравнялись с дубель-шлюпкой.

– Сдавайс, урус шайтан! – кричали они весело, за перила палубные свешиваясь.

– Ишь губы-то раскатали! – усмехнулся Сакен. – Пали по ним, ребята!

Первые же русские ядра, пущенные почти в упор, буквально разнесли в щепки борт ближайшей галеры. Заваливаясь на бок, галера тотчас отвернула к берегу, а Сакен уже разворачивал дубель-шлюпку форштевнем на неприятеля. Это не было безумием! Маневр был единственно верным решением в сложившейся ситуации. Дело в том, что дубель-шлюпки предназначались для ведения морского боя в строю фронта, а потому почти вся артиллерия располагалась у них в носовой части. У Сакена там стояли две 30-фунтовые пушки и одна 12-фунтовая. Вдоль бортов же находились лишь мелкие орудия да фальконеты.

Но сейчас Сакена волновало иное.

– Шлюпку на воду! – скомандовал он.

В нее попрыгали гребцы. Старшему, седому унтеру, кавторанг вручил судовой флаг и суворовский пакет.

– Уходите под берег! – говорил напоследок. – Пока османы нами заниматься станут, вы и проскочите. С Богом!

– Не сумлевайтесь! Все сделаем как должно! – отвечал старый моряк, слезы вытирая. – Может, еще и свидимся!

– На том свете все повидаемся! – бросил Сакен. – Дорога каждая минута. Отваливайте!

Пока турки робко обходили со всех сторон одинокую дубель-шлюпку, старый унтер сумел уйти на своем суденышке к берегу и укрыться в прибрежных зарослях. Да турки и не преследовали его. Все были заняты дубель-шлюпкой. Еще бы: ведь награда за ее пленение обе-

шана немалая. По этой причине среди галер творились толкотня и неразбериха. Каждый желал быть первым!

Наконец турки разобрались. Действия их стали согласованными и энергичными. Однако за это время русские моряки вывели из строя еще два неприятельских судна. Отвернув в сторону, галеры густо пачкали небо дымом разгорающихся пожаров. Зато остальные бросились в решительную атаку.

Уверенно маневрируя, Сакен трижды уходил от таранных ударов. Но, промахиваясь, галеры снова и снова заходили в атаку. И неизбежное случилось... Пока Сакен уворачивался сразу от двух галер, из-за них выскочила третья и на полном ходу врезалась в борт дубель-шлюпки. От сильного удара рухнула мачта, полетел в воду носовой шпирон.

– Алла! Иль Алла! – заголосили турки, ринувшись на палубу.

– За мной, кто в Бога верует! – выхватил шпагу Сакен.

Орудя мушкетонами, банниками и интрепелями, сакенцы отбросили первых, но на их место уже набегали вторые, третьи... Новый удар – это с другого борта сцепились с дубель-шлюпкой новая галера, за ней еще и еще... Вскоре рукопашный бой кипел по всему судну. Наши бились отчаянно, пощады не просили, но силы были неравны. Вот уже большая часть палубы захвачена врагом, вот уже торжествующие турки прицепили на обрубок мачты свой флаг.

– Господин кавторанг! – прохрипел перепачканный своей и чужой кровью боцман. – Кидайтесь за борт, а мы тут вас прикроем!

Сакен, не отвечая, отмахнулся: мол, нашел о чем!

– Надо пробиваться к крюйт-камерскому люку! – крикнул он боцману. – Прикрывай мне спину!

Так, отбиваясь штыком и шпагой от наседавших турок, офицер и матрос пробивались к цели. Вот и крюйт-камера. У люка вповалку лежат наши и турки. Не теряя времени, Сакен схватил кем-то брошенный у пушки тлеющий фитиль.

– Никак рваться надумали, ваше высокородие? – бросил взгляд на фитиль боцман.

– Иного нам не остается! – кивнул Сакен. – Продержись хоть минуту и... прощай!

Одолев в два приема ведущий в хранилище боезапаса трап, Сакен, не теряя времени, подбежал к ближайшему пороховому бочонку. В тусклом отсвете фитиля пороховая мякоть зловеще отливала блестящим свинцом. А сверху уже слышался топот ног по трапу.

«Все, значит, отмучился уже мой Ерофей Акимыч! – мелькнула мысль у Сакена. – Теперь мой черед! Господи, прими душу раба твоего!»

...Огненный столб взрыва буквально разнес на куски дубель-шлюпку, а вместе с ней и сцепившиеся с ней галеры. Остальные в страхе бежали восвояси...

Известие о гибели судна и его отважного командира принесли принцу Нассау-Зигену матросы с уцелевшей шлюпки. Перед адмиралом они выложили засургученный пакет и Андреевский флаг.

– Так погибают настоящие герои! – сказал потрясенный случившимся французский принц. – Я знал многих храбрецов на всех флотах европейских, сам глядел смерти в глаза у бастионов Гибралтара, но такого видеть не приводилось!

Офицеры же флотильские, помяная погибшего друга, вспомнили об одном давнем разговоре. Как-то, расстроенный известием о попавшем в плен нашем корабле, Сакен сказал во всеулышание:

– Господа, рассуждайте об этом несчастном обстоятельстве, как думаете и как каждый из нас поступил бы в подобном случае. А что до меня касается, если судьба приведет вверенное мне судно в опасность достаться неприятелю, я скорее взлечу с ним вместе в воздух, нежели переживу подобное бесславию. В этом уверяю вас честным словом!

Тогда на слова эти внимания особого не обратили: мало ли о чем говорят за столом офицеры. Теперь, вспоминая их, понимали сотоварищи Сакена, что поступок свой совершил он вполне обдуманно, ибо был готов к подвигу своему давно...

А через несколько дней на берегу Буга было найдено изувеченное тело героя. Сакена опознали лишь по чудом уцелевшему Георгиевскому кресту, который был получен кавторангом за восемнадцать морских кампаний.

Вот как описывает подвиг Сакена будущий знаменитый российский флотоводец адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин в своих воспоминаниях. В ту пору, будущий адмирал являлся морским адъютантом Потемкина и был в курсе всей событий, происходивших на юге России: «26-го мая, рано поутру, турецкие – 9 кораблей, 6 фрегатов, 10 корветов и до 40 лансонов и кирлингичей показались у Кинбурна. При тихом и переменном ветре, стали подходить к Очакову и становиться на якорь. В это время находились у Кинбурна дубель-шлюпка наша, вооруженная с носа двумя 3-пудовыми гаубицами, на бортах имела по три шестифунтовые пушки, и две из них поворачивались на корму. Командир сего дубель-шлюпа был капитан-лейтенант Иоган Сакен, славный морской офицер. По точным обстоятельствам Сакен должен был идти на Глубокую пристань в соединение с флотилиею. Откланиваясь, он графу Суворову

за завтраком, между прочим, говорил: «Меня турки даром не возьмут», так точно и поступил.

Около полудня, простившись с графом, Сакен приехал на галион свой, снялся с якоря и поставил все паруса. Ветер ему благоприятствовал, тогда же, в то же самое время турки до 15-ти линейных и столько же гребных судов вооруженных сделали за ним погоню. Сакен был тогда от нас, как казалось, ни опасности, но проплыв с половину расстояния, к несчастью Сакена, ветер стал стихнуть, в это время турки на парусах и на веслах приближались к нему примерно. Сакен придержался к камышам левого берега, в сумерки ветер совершенно заштилел, и турки приблизились к нему на пушечный выстрел, Сакен храбро отпаливался и наносил большой вред туркам, но отбиться совершенно никак не мог. Сакен решился, наконец, послал всех людей на бак и приказал, чтобы они понуждали людей, бывших тогда на буксире, как можно сильнее грести, сам вошел в свою каюту, под полом которой была и крьюйт-камера, и в тот же почти миг взорвал свое судно и сам с ним вместе взлетел на воздух. Турки в то время почти были готовы вскочить на судно, и некоторые уже готовились приставать, но со взрывом судна ужаснулись и с криком «алла, алла» возвратились назад. Команда почти вся спаслась в камышах. Убитых было 4 унтер-офицера и 27 рядовых.

Сей поступок Сакена остается на произвол судить каждому по своему. Сколько голов, столько и умов! Я знаю только то, что поступок Сакена не был чужд сердцу Императрицы. Она изволила щедро наградить старую мать и двух сестер Сакена».

Императрица Екатерина II, узнавши о подвиге командира дубельшлюпки, велела наградить всех родственников Сакена большими пожизненными пенсиями. Тяжело переживал смерть Христофора Ивановича Сакена и Суворов. Узнав о происшедшем вскоре сражении флотилии Нассау-Зигена и жестоком разгроме турецкого флота, он поспешил откликнуться на эту весть: «Здесь поговаривают, принц, что Вы за Сакена воздали с лихвой. Ежели это правда, так дай Бог, чтоб и далее было не хуже...»

Предоставим слово историку: «Сакен был несчастною, но славною и не бесполезною жертвою, принесенною для чести и пользы нашего флага. Самоотвержение, им оказанное, изумило неприятелей, и после этого события они не имели духу сваливаться с нашими судами на бордаж... Данный Сакеном урок всегда удерживал их в почтительном расстоянии...»

Прошло много лет, и черноморскую волну вспенил быстроходный минный крейсер. На борту его сверкало золотом: «Капитан Сакен». А над палубой реял Андреевский флаг, такой же, что и много лет назад развевался над судном, которое вел в свой последний бой Христофор Иванович Остен-Сакен.

ВСЕМИ ЗАБЫТЫЙ ВЕРЕВКИН

*Ты обойден наградой. Позабудь.
Дни вереницей мчатся. Позабудь.
Неверен ветер вечной книги жизни:
Мог и не той страницей шевельнуть.*

Омар Хаям

В столице Российской империи пуржило. Хлесткий ветер с воем метался меж огромных сугробов. В окнах мерцали рождественские свечи. Шла первая неделя нового 1797 года.

Короткий январский день был уже на исходе, когда в дверь канцелярии Зимнего дворца робко постучали.

– Кто еще там? – раздосадовано бросил собиравшийся, было, уже домой чиновник.

В дверь несмело ступила бедно одетая женщина.

– Слушаю! – чиновник, кривя губу, опытным взглядом быстро окинул просительницу. – И говорите побыстрее! Мне некогда!

– У меня прошение на имя государя! – женщина протянула свернутый в несколько раз лист бумаги.

– На высочайшее имя? – ухмыльнулся приемщик жалоб. – Какого же сами будете чина и сословия? Их величество не может читать все письма кряду! Вон их, сколько в углу понавалено!

– Я вдова капитана и кавалера Веревкина! – тихо, но с достоинством ответила женщина.

– Чего-то сего не видно!

Просительница молча опустила глаза. По ее лицу текли слезы. Да и что могла она ответить, когда в узелке оставалось у нее всего рубль с полушкой, а впереди был еще не близкий путь в Херсон...

– Ладно, ладно! – немного смягчился чиновник. – Передам бумагу в инстанции высокие. Не слезись!

Через одну – две недели прошение вдовы легло на стол императора Павла Первого. В прощении значилось: «Умерший муж мой капитан I ранга Веревкин в продолжение службы вечной славы достойнейшим предкам В.И.В. был еще в первую с турками войну в сражениях и ранен, а в последнюю... будучи командиром на батарее, сражался с неприятель-

ским флотом через 2 дня неутомимо; но где уже силы неприятельские превозмогли храбрость его и он не предвидел для себя никакого спасения, то, не щадя жизни своей, прорубил батарею и утопающий взят в плен; а по заключении мира, хотя и получил освобождение, но вскоре скончался, оставив меня в крайней бедности, ибо был он дворянин недостаточный и все содержание наше состояло в одном получаемом жаловании. Лишенная всех средств к пропитанию, дерзаю прибегнуть к неисчерпаемой щедрости В.И.В.».

В день, когда император ознакомился с письмом, настроение у Павла Петровича было неважным. Что-то не ладилось в политике английской и совсем уж плохо обстояло во французской, а тут еще на утреннем разводе офицеры были, как один, сонные, а солдаты расхристаны.

– Кто таков был сей Веревкин? – недовольно пожал плечами император, бумагу бегло пробежав глазами. – Просят у нас нынче все! Зато служить не желает по чести никто!

Павел вернул письмо дежурному генералу:

– Разберись и глянь, стоит ли выправлять здесь пенсию!

Через день в Черноморское адмиралтейство ушло повеление учинить выправку, отчего вдове капитана и кавалера Веревкина не дадена пенсия и какие к тому основания имеются.

Мы, наверное, уже никогда и не узнаем, чем закончилась эта печальная, но, увы, не редкая на Руси история. Но все же мне очень хочется, чтобы Мария Давыдовна Веревкина не была забыта и смогла как-то скоротать свой скорбный вдовий век. А еще я хочу вспомнить нее мужа капитана и кавалера Андрея Евграфовича Веревкина – человека, у которого при жизни было отнято его доброе имя. Пусть же оно вернется к нему спустя два столетия...

КОМАНДИР ПЛАВБАТАРЕИ

В конце восьмидесятых годов восемнадцатого столетия Россия вступала в новую полосу больших европейских войн. И сели на северных рубежах жаждал реванша за Полтаву и Гангут самолюбивый и азартный шведский король Густав Третий, то в придунайских степях собиралось неисчислимое турецкое воинство, чтобы вновь навалиться всею силой на дерзких московитов.

В Петербурге нервничали изрядно. Императрица Екатерина Вторая войны не желала.

– Хоть бы годик еще мирный нам Господь даровал! – делилась она своими мыслями с секретарем Храповицким. – Чтобы хоть малость на рубежах южных города да крепости обустроить и флот тамошний в должный порядок привести!

Храповицкий кивал головой:

– Все верно, да султан турецкий не хуже нас сие понимает, а потому и спешает с выступлением. Не сегодня-завтра грянет!

А стрелки отмеряли уже последние мирные часы. У неприступных бастионов Очакова – главной турецкой твердыни на Черном море – покачивался на якорях огромный флот воинственного Эски-Гассана. Турецкая армия подтягивалась к границам России.

Гром грянул 21 августа 1787 года, когда старый турецкий капудан-паша всей мощью своего флота внезапно обрушился на дозорные русские суда. Бой был неравный и жестокий. Фрегат «Скорый» и бриг «Битюг» (так звались наши суда) все атаки отбили с честью. Так началось решающее сражение за Черное море, которое продлится долгих четыре года.

Если взглянуть на карту Северного Причерноморья 1788 года, то даже самый непосвященный схватится за голову. Владения России и Турции были тогда столь перемешаны, что карта напоминает слоеный пирог. Херсон – в руках русских. Очаков – в турецких. Над Кинбурнской крепостью, что стояла на песчаной косе, прикрывающей вход в Очаковский лиман, развевался флаг русским. Сам же вход в лиман и главная Очаковская цитадель, опять же, были турецкие. Там же стоял линейный турецкий флот под началом старого и опытного капудан-паши Эски-Гассана.

Война между двумя государствами только разгоралась, и еще было не ясно, чья возьмет. Турки пытались захватить Кинбурнскую косу, но получили отпор от храброго Суворова. Высаженный турецкий десант был полностью истреблен. Турецкий флот, однако, в этом нападении участия не принимал. Дело в том, что прикрывавшую косу галеру мичмана Ломбарда Эски-Гассан почему-то принял за брандер и, помня Чесму, решил лишний раз не рисковать.

Лиманская флотилия под командой контр-адмирала Мордвинова держала позицию в дельте Днепра. Была она не велика: три корабля, фрегат с ботом, баркасы да галеры гребные. Состояли при флотилии и две плавбатареи № 1 и № 2. Батареи те были неуклюжи и тихоходны, а потому думали, что будут они в случае чего, стоя на якорях, отгонять турок от днепровских проток. На большее не годились. Насмешники дали им прозвище – «мордвиновские сундуки».

Плавбатарей №1 командовал капитан 2 ранга Андрей Веревкин. Своей батареей он гордился.

– И ничего вы не понимаете в проекциях корабельных! – говорил он, бывало, когда одолевали друзья-насмешники. – Вы только поглядите, какая она у меня пузатенькая, да и пушками, что ежик утыкана! Это ль не красота и прелесть?

Насмешники лишь плечами пожимали. Не поймешь этого Веревкина: то ли шутит, то ли нет? С тем и отходили в сторонку.

Биография же у капитана Веревкина была самая, что ни на есть боевая. Не многие на Черноморском флоте с ним сравняться могли. Еще в чинах мичманских прошел Веревкин Чесму, где дрался отважно и рану тяжелую получил. Затем, уже в чинах лейтенантских, штурмовал он сирийскую крепость Бейрут, бился с турками по всему Эгейскому морю, блокировал Дарданеллы. Не один год командовал кораблями и фрегатами на Балтике. Но ходу Веревкину там в чинах не было. Может, оттого, что уж больно худароден и некому за него полслова замолвить, а может, оттого, что нрав имел строптивый да правду-матку резал, когда о том его и не просили. В общем, едва стал флот Черноморский создаваться, напросился сам он в степи херсонские. И хотя выходило ему здесь по всем статьям кораблем линейным командовать, он его так и не получил. Контр-адмирал Мордвинов не пожелал отдавать столь опытного капитана в Севастопольскую эскадру, а оставил у себя в Лиманской. Так Андрей Евграфович командиром плавбатареи и стал.

После неудачи 1787 года, когда не удалось отбить у Суворова Кинбурнскую косу, турецкий флот отстаивался на якорях у Очакова. Более шестидесяти вымпелов собрал под своим началом опытный Эски-Гассан. Лиманская флотилия в силах туркам уступала, а потому посылать ее в линейное сражение Мордвинов опасался из-за явного неравенства сил. Но Потемкин неустанно требовал наступательных действий. И Мордвинов, наконец-то решился. Собрав у себя капитанов и флагманов, он объявил:

– Старый Гассан расположил свой флот тесным полукругом, и я повторю ему чесменскую ночь!

По замыслу Мордвинова, ночью к туркам должна была подойти плавбатарея, охраняемая, несколькими галерами. Внезапным кинжальным огнем она должна была зажечь стоявшие с наветренной стороны турецкие корабли. По расчетам русского командующего, разносящий искры ветер должен был довершить все остальное. Лавры и слава Чесмы не давали покоя кабинетному флотоводцу...

Капитаны отнеслись к мордвиновскому проекту более чем прохладно. На бумаге у Мордвинова все ладно и красиво, а как выйдет на деле – не ведомо еще. Морщились капитаны, но молчали. Не сдержался, как всегда, лишь Веревкин, хотя и дергал его за рукав кавторанг Сакен: мол, уймись, Андрюша, не лезь на рожон, когда начальство стратегирует! Не послушал совета Веревкин, вскочил со своего места и начал:

– План ваш, господин адмирал, хорош лишь для чтений кадетам корпусным, для дела же настоящего он не годен! Нельзя посылать одно судно против целого флота – сие есть верная гибель! Я прошел и Чесму, и много иных баталий, а потому могу сказать, что ничего из плана вашего не выйдет!

Мордвинов стоял красный как рак.

– Уж не боится ли господин капитан, что именно его я намерен посылать в сражение? – скривился он. – Не заробел ли?

Веревкин, разумеется, не отмолчался:

– Я на службу не напрашиваюсь, но от оной и не отказываюсь! Труса ж никогда не праздновал. Не подведу и на сей раз! А правду свою вам уже сказал!

– Решение о баталии ночной я уже принял! – сложив руки на груди, объявил Мордвинов. – Совет окончен. Прошу господ офицеров расходиться!

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

В полдень 3 октября 1787 года с флагманского фрегата ударила двоянным залпом пушка. То был сигнал: "Изготовиться к нападению на неприятеля». Помимо плавбатареи №1 к турецкому флоту должны были идти галеры лейтенанта Константинова и мичмана Ломбарда.

Веревкин собрал на палубе батареи команду, большей частью состоявшую из едва обученных рекрутов. Рассказал им о предстоящем деле. Затем унтера развели служителей по заведованиям.

Когда же стало темнеть, Веревкин передал голосом на галеры, что снимается с якоря, и попросил не отставать от него. Большого он сделать не мог. Многомудрый Мордвинов не удосужился подчинить ему командиров галер.

Уже спустя каких-то полчаса Веревкин заметил, что ни одна из галер так и не начала движения вслед ему. Капитан 2 ранга нервничал. Формально идти в одиночку к турецкому флоту Веревкину не следовало, но ждать галеры (когда они подойдут – неизвестно) он тоже не мог: ведь тогда под угрозой оказывалось все предприятие. В столь сложном и ще-

котливым деле командир плавбатареи № 1 поступил наиболее разумно – он начал движение, не без основания полагая, что быстроходные галеры вполне догонят его тихоходный "мордвиновский сундук".

– Выставить по бортам матросов, чтоб смотрели галерные фонари! – приказал он своему старшему офицеру лейтенанту Кузнецову.

Ветер был верхний, и чтобы батарея лучше держала курс, шли на веслах. Незадолго до полуночи к плавбатарее, наконец, подошла шлюпка. Из нее перепрыгнул мичман Ломбард, тщедушный и вертлявый мальтиец, и года еще не служивший в Российском флоте.

– Что это значит, Юлиан Иванович? – обратился к нему пораженный Веревкин. – Почему вы не на своем судне, и где, наконец, ваша "Десна"?

Ломбард ответом его не удостоил, а молча протянул засургученный пакет. Ознакомившись с посланием, Веревкин был весьма удивлен и озадачен. Контр-адмирал Мордвинов извещал командира плавбатареи о том, что Ломбард потерял в темноте свою "Десну" и по этой причине назначен командиром галеры лейтенанта Литке.

– Ну а где же ваша новая галера, господин мичман? – поднял глаза на мальтийского рыцаря капитан 2 ранга.

– Ее я тоже не нашел! – браво ответил мичман.

– Так ищите! И при чем здесь моя батарея? – еще более поразился Веревкин.

– Я слаб зрением и плохо вижу в темноте! – без тени смущения парировал Ломбард. – Когда же галера найдется, то я на нее и перейду!

Веревкин лишь прикусил губу. Что поделаешь! Ломбард был ему не подчинен!

– Хорошо! – бросил сквозь зубы. – Только не мешайте!

– Не диспозиция, а бедлам! – почесал затылок с, стоявший неподалеку лейтенант Кузнецов. – Что делать будем, Андрей Евграфович?

– Выполнять приказ! – коротко ответил Веревкин.

Длинные ясеневые весла дружно ушли в воду. Из-под форштевня батареи, шипя, отхлынула волна. Пошли!

– Огонь! Огонь! – раздалось вскорее.

Когда дистанция до мерцающего в ночи фонаря сократилась, обнаружилось, что это ломбардовская галера "Десна".

– Вот и нашлось ваше судно! – сказал, подошедши к строптивому мичману, Веревкин. – Езжайте с Богом к себе, да принимайтесь за дело!

Но Ломбард отрицательно замотал головой:

– Это уже не моя галера. Я назначен на другую, а потому остаюсь у вас до ее нахождения.

– Одумайтесь! – напрасно пытался вразумить его кавторанг. –
Ведь это не по-офицерски!

– Я не какой-нибудь ваш костромской дворянин, я мальтийский рыцарь госпитальер! – гордо вскинул голову тщедушный воспитанник Ордена Святого Иоанна.

– Видывали мы на Руси всяких рыцарей и мальтийских, и тевтонских! – мрачно заметил Веревкин. – Не хотите над своей галерой капитанствовать, будете у меня ... пассажиром!

С "Десны" тем временем запросили пособить с бомбами.

– Куда ж вы свои-то подевали? – прокричали им веревкинцы.

– Так их у нас и не было! – отвечали оттуда.

Бомбы перегрузили быстро. Времени-то в обрез. Вдали вроде бы замаячила галера лейтенанта Константинова. Веревкин послал к ней шлюпку с просьбой держаться от него по левую сторону, чтоб он всегда мог рассчитывать на помощь.

Вновь налегли матросы на весла, и плавбатарей прибавила ход. Вскоре из темноты стали прорисовываться верхушки мачт турецких кораблей. На них беспечно жгли огни. Внезапно поменялся ветер, став зюйд-остовым и сразу же вся хитромудрая затея Мордвинова полетела к чертям. Отступить, однако же, было поздно. Слишком глубоко в расположение флота противника забралась плавбатарей № 1.

– Руль право! – распорядился командир.

Осторожно обогнув турецкий флот, Веревкин направил свое судно к кинбурнскому берегу и встал на мелководье..

– У гассановых кораблей осадка велика, и сюда они не сунутся. От мелочи же мы как-нибудь да отобьемся! – объяснил он офицерам свой маневр. – Пока подойдут галеры, продержится, а там вместе прорвемся!

А галеры все не показывались, словно и не отправляли их вслед плавбатарее вовсе! Но думать о них времени уже не было. Начало светать. Вот уже вдали на салингах мачт турецких кораблей начали кричать голосистые муэдзины, созывая правоверных на утренний намаз. Затем, на всем турецком флоте поднялся страшный переполох, началась беготня.

– Никак, турка нас увидел, а увидавши, испужался малость! – переговаривались промеж себя матросы, заканчивая последние приготовления к бою.

Веревкин меж тем собрал офицеров.

– Милостью командующего и глупостью галерных капитанов мы брошены одни против целого флота! – заявил он. – Выбравшись на мелководье, я думал было дождаться здесь галер, но их нет и, видимо, уже не будет, а поэтому биться нам придется самим! Мы можем, правда, сразу

же выброситься на берег и тем спасти свои жизни. Но можем и атаковать, хотя при этом я не дал бы за счастливый исход и затертого пятака! Каким будет ваше мнение?

Мнение было единодушным – атаковать!

– Bravo! – улыбнулся Веревки. – Исполнить свой долг до конца и погибнуть с честью – это не так уж мало!

Выбрав якорь, плавбатарей на виду у неприятеля спустилась на фарватер и, подойдя к турецкому флоту, развернулась к нему бортом. Турки безмолвствовали, наблюдая за нахальными действиям одинокого русского судна. А затем по палубам неприятельских кораблей пронесся ликующий крик. Это матросы дали волю своим чувствам, предвкушая легкую добычу.

Доволен был и сам капудан-паша Эски-Гусейн, внимательно рассматривавший в трубу русское судно. Старый моряк никак не мог взять в толк, для чего понадобилось тому в одиночку лезть в середину целого флота.

– Кто-то у них не в своем уме: или адмирал, или капитан! – заявил он с ухмылкой своим приближенным. – Но это мы скоро выясним, когда врежем палкой по пяткам русского капитана! Изготовьте шлюпки для захвата приза! Эта батарея – настоящий дар Аллаха!

Но обрадованный «даром Аллаха», капудан-паша, при всей своей опытности, проглядел главное! Командир плавбатареи на самом деле действовал весьма рискованно, но далеко не столь безрассудно, как могло показаться со стороны. Веревкин надеялся, что на середине фарватера течение Днепра, при умелом маневрировании, само отнесет его в сторону от неприятеля. Надо было только до поры до времени не дать противнику разгадать свой замысел.

– Залф! – вскинул вверх шпагу русский офицер, прошедший Чесменскую баталию еще в чинах мичманских.

– Огонь! – махнул платком турецкий адмирал, бывший при Чесме уже в немалой должности младшего флагмана.

Гулко рывкнули чугунные пушки, и первая партия каменных ядер, зловеще подвывая, понеслась к цели. Сражение началось.

Канониры с плавбатареи палили метко, и скоро Веревкин отметил первые серьезные попадания. Турки поначалу, наоборот, долго не могли пристреляться. Постепенно, однако, чахлые фонтанчики падающих в воду ядер стали ближе и ближе подступать к русскому судну. Теперь плавбатарея № 1 все чаще оказывалась в кольце брызг. Массивный деревянный корпус дернулся раз, другой, третий – начались прямые попадания. Удивления, впрочем, на плавбатарею это не вызвало – бой есть бой!

В клубах порохового дыма, в яростной решимости вела свой неравный поединок против огромного флота маленькая плавбатарея.

А вскоре случилось почти невероятное, что еще больше осложнило положение русского судна. Вот что написал о происшедшем в своем позднейшем отчете сам Веревкин: "Я бы дрался до самой ночи с неприятелем, ежели бы не разорвало у меня пушку с левой стороны от носа первую, которым разрывом убило до 15 человек, чем навело такой страх на служителей, что насилу с помощью мичмана Ломбарда и лейтенанта, данного от Вас мог собрать людей, которые бросились на палубу; и после того дрались мы еще с полчаса, но вторичное несчастье последовало: разорвало другую пушку на той же стороне от носу и убило больше 15 человек. Страх, нашедший на людей был столь велик, что не можно было никак сообразить, как их привести в чувство..."

Сегодня, наверное, легко судить за слабодушие рекрутов с плавбатареи № 1, но мне кажется, что надо быть к ним снисходительными. Ведь то, что испытали они, способно внушить робость и смятение даже опытным морякам. Они же только несколько месяцев назад покинули свои деревни и, никогда прежде не видя моря, были сразу же брошены в такое пекло. Рекруты боялись не турецких ядер, они боялись смертельных разрывов своих пушек, от которых не было спасения! А какой авторитет и сила духа требовались их командиру, чтобы в таком аду дважды пресекать панику и возвращать людей к орудиям!

Позднее Веревкин с горечью напишет о качестве своих орудий: "...Что же принадлежит до артиллерии, то я удивляюсь, коим образом она принята с заводов, и кажется, что она без пробы принята, в рассуждении, что при разрыве пушки оказался чугун как с грязью дерева; что же принадлежит до единорогов, которыми я оборонялся... только стволы короткие, так что при каждом выстреле единорог опрокидывался через задние колеса».

Второй раз, возвращая матросов к орудиям, командир сам встал у первой пушки и, взяв в руки фитиль, произвел первый выстрел. Ободренные примером командира, встали по местам и канониры. Снова заговорила русская артиллерия, по палубам турецких кораблей запрыгали смертоносными мячами ядра.

Когда окончательно взошло солнце, обнаружили плавбатареицы вдали и пропавшие галеры. Те стояли на якорях и даже не пытались прийти на помощь своим товарищам...

Пал под ядрами артиллерийский поручик Иваненко. Вместе с ним погибло еще трое. Бой продолжался.

Ближе к полудню Веревкин окончательно убедился, что помощи ему не будет не только от галер, но и от Мордвинова, который оставался совершенно безучастный к судьбе плавбатарей. И тогда капитан 2 ранга скомандовал:

– Рубите якорный канат!

В этот момент полез было к нему с советом всезнающий мичман Ломбард.

– Да отстань ты! – ругнулся капитан 2 ранга. – На галере своей познания надо было являть! Не до тебя сейчас!

Прикусив губу, храбрый госпитальер отошел. Глаза его пылали злобой. Настоящие рыцари оскорблений не прощают!

– Эй! На руле! Держать курс в море! – приказывал тем временем Веревкин ворочавшим тяжелое штурвальное колесо рулевым.

Теперь, яростно отстреливаясь, плавбатарей стремилась уйти к берегам Крыма, чтобы там, найдя мелководье, спастись от турок. Минув весь турецкий флот. Веревкин попеременно дрался с каждым из неприятельских кораблей. Залп по очередному противнику, залп в ответ – и дальше к следующему кораблю, к новому обмену залпами, – здесь еще раз сказались опыт и предусмотрительность капитана! Еще до начала боевых действий Веревкин позаботился об установке вдоль бортов набитых шерстью мешков. Пройдя вдоль всей турецкой боевой линии, плавбатарей потеряла лишь несколько человек!

Наконец турецкие корабли остались позади. Гребцы из последних сил налегают на весла, и плавбатарей № 1 устремляется в отрыв. Но не так легко уйти от опытного Эски-Гассана! Тотчас же над его флагманским кораблем взлетают сигнальные флаги и в погоню за ускользающей добычей устремляются лучшие ходоки турецкого флота. С ними ли тягаться тихоходной и неповоротливой батареей!

– Два фрегата при четырех галерах! – спокойно отметил Веревкин, оглядев преследователей в зрительную трубу. – Не мало, но и не много в сравнении с целым флотом!

Артиллеристам велел он целить без торопливости, но наверняка. А затем встал к пушке и сам. Результаты сказаться не замедлили. Несколько метких выстрелов с плавбатарей и один из фрегатов, объятый пламенем, выбрасывается на прибрежную отмель. Залп и сразу две галеры следуют его примеру. Кажется, можно и дух перевести, но не тут-то было!

– Господин капитан второго ранга! – кричит с марса встревоженный впередсмотрящий. – На траверзе еще паруса!

То были, спешившие на пересечку, еще два турецких фрегата с несколькими галерами. Быстро нагнав и взяв в клещи плавбатарей, турки

попытались было прижать ее к берегу, чтобы окончательно лишить хода. Но всякий раз попытки их заканчивались неудачей. Капитан 2 ранга Веревкин дело свое знал отменно. Буквально в самый последний момент он умудрялся ловко уворачивать "мордвиновский сундук" из-под турецких объятий. При этом русские пушки непрерывно поливали картечью неприятельские палубы, оставляя на них десятки трупов. Три бешеные атаки выдержала плавбатарей. Три раза Андрей Евграфович Веревкин оставлял превосходящего противника за своей кормой. Казалось, что хоть теперь-то военное счастье улыбнется отважному капитану... И снова несчастье! Да какое! Когда в четвертый раз на плавбатарей навалились турецкие фрегаты и с них кричали отчаянно: "Капитан, сдавайся! Капитан, не пали!" – на батарее вспыхнул сильный пожар у раскрытого люка крюйт-камеры. Матросы бросились от пушек.

– Безумцы! – кричали им офицеры. – Вы все равно погибнете! Назад! К орудиям!

Но их никто не слушал. Положение сразу же стало критическим. Турки, почуяв перелом боя, усилили огонь. Крюйт-камеру отстояли, но по мачтам уже взбегали жадные огненные языки. Многие крестились:

– Все кончено! Прими нас, Господи!

И вновь обратимся к рапорту самого командира: "...В то самое время схватил я саблю и грозил всех ...(в документе неразборчиво – В. Ш.), потом, бросившись к единорогу, выстрелил из него картечью, отчего неприятель отворотил в беспорядке от меня, не сделав ни одного выстрела из пушек..."

Офицеры тем временем ободрили людей и заставили их встать к орудиям. Положение было восстановлено. Веревкин вытер ладонью открытое пороховой копотью лицо:

– Господи! Дай нам силы все превозмочь!

Слова капитана 2 ранга заглушил страшный взрыв. Это разнесло в куски очередную пушку. По всей палубе валялись обрубки человеческих тел, кровь стекала в шпигаты ручьями. Те немногие, кто уцелел под градом осколков, были почти невменяемы. Казалось, что теперь-то, уж все! Но нет, и в этом случае Андрей Евграфович нашел, как привести матросов в чувство и поставить к нескольким еще уцелевшим орудиям. Следуя левым галсом в полный бейдевинд, плавбатарей все же сумела оторваться от побиваемых ею турецких фрегатов. Но к Крыму идти было уже нельзя – вдали маячила очередная неприятельская эскадра. И тогда Веревкин повернул на Гаджибей. Где-то вдалеке осталась Лиманская флотилия. Контр-адмирал Мордвинов по-прежнему не решался прийти на помощь своей плавбатарее. На подходе к гаджибейской крепости Веревкин едва

не попал под огонь береговых орудий. Матросы были уже ко всему безразличны.

– Все одно помирать! – говорили они. – Так хоть бы скорее, чтоб не мучиться!

Но командир плавбатареи думал иначе. Поворотив через фордевинд на новый галс, он удачно вышел из зоны крепостного огня. Отойдя же от Гаджибея, бросил якорь. Плыть далее было опасно. Стояла уже глубокая ночь. Обойдя судно и осмотрев трюм, Веревкин убедился, что батарея едва держится на плаву.

– Одна хорошая волна – и мы на дне! – мрачно констатировал он.

– Следует немедленно затопить судно, сбить из бревен плот и уходить в море. Может, куда и вынесет, – предложил Юлиан де Ломбард.

– Лучше, по-моему, затопить батарею, самим же плыть к берегу, а там пробираться по степи к Херсону! – немного подумав, высказал свой вариант лейтенант Кузнецов.

У Веревкина были соображения иные.

– Потопиться мы всегда успеем! – заявил он. – Пока ж определите людей для починки, и будем ждать рассвета! Там все станет ясно!

С первыми лучами солнца с плавбатареи увидели, что находятся неподалеку от низкого песчаного берега, по которому развезжали сотни конных татар. У берега же сонно качались на якорях полтора десятка турецких транспортных судов. Оглянулись на море – там белели парусами державшие курс на Гаджибей неприятельские фрегаты.

– Вот, господа, и попытайся мы прорываться на плоту или высаживаться на берег! – скупо обронил Веревкин. – Наш план будет иным!

Как же решил действовать в столь непростой обстановке Андрей Евграфович Веревкин? А так, как подобает русскому офицеру!

"Я не имею никакой помощи к спасению людей и судна, не имея шлюпки и потеряв все весла при рассвете. Пушек и провианта малое число, пресной воды ни капли, почел за лучшее сняться с якоря, идти к тем купеческим судам, чтоб оными овладеть и все сжечь, а которое способно будет к гребле, взять оное, и, пользуясь тем, спасти себя от бедствия..."

Теперь экипажу плавбатареи предстоял новый бой. На этот раз с целой флотилией вооруженных транспортов. Впереди ждал абордаж! Офицеры были настроены решительно: только вперед! Старослужащие матросы тоже. Зато рекруты смотрели угрюмо. Они уже давно перестали понимать происходящее. У нескольких человек помутился от пережитого рассудок. Их по приказу командира связали, чтоб не выбросились за борт.

Медленно набирая ход, сильно осевшая от многочисленных пробоя батарея целила в самую середину турецкой флотилии. Давалось это с большим трудом – судно почти не управлялось. Вережкин тем временем в трубу уже определил объект атаки.

– Вон та бригантина нам подойдет вполне! – обратился он к стоящему неподалеку Ломбарду. – Вы начальник абордажной партии! Прошу...

Резкий и сильный удар бросил офицеров на палубу. Судно стремительно заваливалось на борт, треща и рассыпаясь па глазах.

– Всем осмотреться! Что случилось? – закричал, вскочив на ноги, кавторанг.

То, что он увидел, повергло Вережкина в отчаяние. Плавбатарея выскочила на прибрежную песчаную мель.

– Только крушения нам сейчас не хватало! – в сердцах стиснул кулаки Вережкин.

Пока офицеры торопливо решали, что должно и можно предпринять в создавшейся ситуации, снова взбунтовалась команда, которую неожиданное крушение судна ввергло в полную панику. Остановить на этот раз обезумевших людей было уже невозможно. С криком: "Пусть лучше татарва головы порубает, нежели тут смерти дожидаться!" рекруты бросались в воду и плыли к близкому берегу.

Ломбарда с Кузнецовым, попытавшихся было их остановить, попросту избили, а Вережкина силой заперли в трюме.

Однако, и будучи запертым, командир не пожелал прекратить борьбу. Теперь он стремился, как можно больше разрушить свое судно, чтобы оно не досталось неприятелю. Придя немного в себя от понесенных побоев, Вережкин вооружился топором и стал рубить днище, ускоряя поступление воды. Затем подпалил бывшую в трюме пеньку и парусину.

...

Татары брали потерпевшую крушение плавбатарею в конном строю, благо вокруг было мелко, а пушки покинутого командой судна уже молчали. Вережкина, угоревшего от дыма, вытаскивали из трюма за ноги. В сознание капитан 2 ранга пришел уже на берегу. С трудом разлепил спекшиеся губы:

– Пить! Пи-ить!

Стоявший над ним татарин, осклабясь, хлестнул изо всех сил кнутом:

– У, урус, шайтан!

Обвязанного арканом, его бросили в седло.

– Гей! Гей! Гей!

И понеслись с редкостной добычей в лагерь. Впереди у Андрея Вевкина был плен, долгий и тяжкий.

ТРАГЕДИЯ «МАРИИ МАГДАЛИНЫ»

План Потемкина по использованию Севастопольской эскадры был дерзок и оригинален. Зная, что линейный флот султана во главе с капудан-пашой уже появился у Днепровского лимана, прикрывая со стороны моря Очаков и готовясь нанести удар по Кинбурну, князь повелел нанести севастопольцам удар по главной тыловой базе турок – Варне. Там, по сведениям лазутчиков, еще не ставили даже береговых батарей, а в гавани грузились припасами многочисленные транспорты для турецкого флота и Очаковской крепости. По замыслу Потемкина успешный рейд корабельного флота к Варне неминуемо заставил бы капудан-пашу увести свои корабли из-под очаковских стен, что позволило бы, в свою очередь Екатеринославской армии спокойно начать осаду крепости.

– Напасть на турецкий флот и истребить! – велел святлейший.

Но командующей Севастопольской эскадрой контр-адмирал граф Войнович в поход особо не торопился. Потемкин нервничал, слал из Кременчуга, где в то время находился, послания раздраженные: "Чем скорее сделан удар, тем оный надежнее, подтвердите графу Войновичу поспешать выступлением в море, и себя прославить".

Только после этого граф начал неспешно готовиться к Варненской диверсии. Как всегда бывает, в самый последний момент, обнаружилась нехватка матросов. Пришлось наскоро пополнять команды солдатами местных полков.

За плечами главноначальствующего корабельной эскадрой контр-адмирала Марко Войновича была Архипелагская кампания, где он отличился, командуя фрегатом, а затем и отрядом легких судов. Поступив на русскую службу волонтером, этот не глупый венецианец сумел отличиться при блокаде Дарданелл и штурме Бейрута, а затем, оставшись служить в российском флоте, быстро сделал блестящую карьеру. Понравился Войнович и императрице Екатерине, при посещении ею перед войной Севастополя. Тогда-то за устройство города и флота и пожаловала она ему графский титул. Злые языки, правда, говорили, что ахтиарский флагман просто-напросто выклянчил свое графство, подсунув императрице подложные бумажки об утерянном якобы предками фамильном титуле. Как бы то ни было, а репутацию к началу войны граф Войнович имел самую боевую, и Потемкин был вправе ожидать от него новых подвигов и побед. Увы, скоро светлейшего постигнет глубокое разочарова-

ние, ведь далеко не всякий толковый капитан становится настоящим флотоводцем...

Младшими флагманами Севастопольской эскадры являлись в ту пору капитаны бригадирского ранга Паоло Алексиано и Федор Ушаков. При этом первый одновременно командовал фрегатом "Святой Андрей», второй – 66-пушечным "Святым Павлом". Алексиано был родом из греков. На русскую службу поступил из корсаров в самом начале Архипелагской экспедиции, вместе со своими пятью братьями. Отличился при Чесме, затем захватывал турецкие транспорты, прославившись одним из самых удачливых приватиоров. По заключении мира, Алексиано перебрался с всею родней в Россию, которая стала отныне ему вторым отечеством. В жизни капитан бригадирского ранга был весьма скромным, а в деле морском знающим и многоопытным.

Заслуги второго из младших флагманов Севастопольской эскадры Федора Ушакова к тому времени были значительно скромнее. Первую турецкую войну в лейтенантских чинах он провел на Азовской флотилии, где трудился похвально, но в сражениях так и не участвовал. В мирные годы водил успешно фрегат в Средиземноморские пределы. Внимание же на себя Ушаков обратил во время строительства корабля "Святой Павел" в Херсоне, когда весьма деятельно боролся с чумой. Потемкину нравились не только морские познания капитана, но и его трудолюбие.

24 августа 1787 года светлейший отписал графу Войновичу ордер о немедленном выступлении. Приказ был строг и недвусмыслен: "Подтверждаю Вам, собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истребление неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть".

Прочитавши столь строгое предписание, Войнович не на шутку разволновался:

– Как это всем погибнуть? Как это всем пасть? Неужто, князь нас, что агнцев безвинных на закланье шлет? Что делается! Что делается!

Как гласят исторические источники, потемкинский приказ Войнович получил к полудню субботнего дня. В своем домике неподалеку от пристани, которая и поныне носит в его честь название "Графской", он собрал эскадренных капитанов, объявил им начальственную бумагу. Капитаны к услышанному отнеслись спокойно, что ж поделывать война есть война! Отпуская их, Войнович произнес со слезою в голосе:

– К завтрашнему вечеру быть всем готовыми вступить под паруса, а к полуденной пушке прошу всех ко мне на прощальный обед! Капитаны расходились несколько удрученные подавленным состоянием командующего.

– И чего это он нас всех заранее хоронит? А бумажку читал, руки тряслись!

Однако выйти в море снова не удалось, Войнович снова перенес дату отплытия на неделю. Позднее участники похода признают, что если бы не этот досадный перенос сроков выхода в плавание, то все могло бы сложиться совершенно иначе. "Если бы мы вышли в понедельник в море, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а как целые сутки, промедлили напрасно в угодность глупого суеверия, то не дошли мы до Варны 40 миль итальянских потерпели ужасное бедствие" – вспоминал впоследствии один из участников этого несчастливого похода.

Утром 31 августа Севастопольская эскадра с распущенными флагами наконец-то покинула Ахтиарскую бухту. Береговые батареи прощально салютовали. В ответ с кораблей и фрегатов тоже палили. Войнович избрал флагманом линкор "Слава Екатерины". Передовым же вел эскадру бригадир Федор Ушаков на своем "Святом Павле".

Первые дни плаванья погода благоприятствовала, но едва эскадра спустилась до траверза мыса Калиакрия, погода начала быстро свежеть, а барометр падать. Готовясь к ненастью, на судах зарифили паруса, закрепили «по штормовому». Чтобы не сорвало на качке пушки, закрепили и их, орудийные порты задраили наглухо. И вот обрушился шторм, который вскоре достиг силы настоящего урагана.

В самое короткое время корабли и фрегаты были разбросаны волнами и ветром столь далеко друг от друга, что каждый из них мог рассчитывать только на себя. Непрерывные удары стихии быстро расшатали корабельные корпуса, сломали мачты и оборвали такелаж. Вот когда сказалась спешность постройки и нехватка, в Херсоне опытных корабельных мастеров. Увы, исправить что-либо было поздно!

На флагманской "Екатерине" все три мачты рухнули разом, при этом столь сильно накренив своим весом корабль, что тот едва не опрокинулся. Положение спас флаг-капитан Дмитрий Сенявин, который, не растерявшись, с топором в руках бросился перерубать многочисленные ванты, не дававшие мачтам упасть за борт. За Сенявиным поспешили матросы, и спустя несколько минут корабль смог, наконец, выйти из губительного крена.

Один из офицеров "Екатерины" впоследствии вспоминал: "Мы положили якорь на глубине 55 саженей, выдали полтора каната, якорь за-

держал, корабль пришел к ветру, и течь несколько уменьшилась. В полдень 9-го никого от нас не было видно. 10-го течь прибавилась, а 11-го числа с вечера до полночи так увеличилась, что во все помпы, котлами и ведрами изо всех люков едва могли удержать воду и мы за то время были точно на краю гибели"

Вдалеке среди пенных водяных валов палил пушками, прося о помощи, фрегат "Крым", но помочь ему не мог никто. Прошел час, другой и выстрелы с него внезапно стихли.

– Никак конец «Крыму» пришел! – крестились на стонущих под напором ветра кораблях. – Отмучились сердешные!

Из донесения капитана бригадирского ранга Паоло Алексано: "Ветер усиливаясь, сделался крепкий и напоследок чрезвычайный шторм с дождем и превеликой мрачностью... На порученном мне фрегате "Св. Андрей" изорвало паруса, и от множества вливаемой в него воды он едва не затонул. В оное время оказались видимы со сломанными от шторма мачтами от нас между N и Ost два корабля, один из них без всех мачт, другой с одной фок-мачтой... и 2 фрегата. 10-го числа в 3 часу пополудни превеликой качкой сломило грот и бизань-мачты, осталась одна фок... При оном величайшем несчастии, претерпя чрезвычайные беспокойства и опасности при употреблении всевозможном старании... прибыл на севастопольский рейд..."

Наконец, суда стали по одному возвращаться в Севастополь. Вид их был ужасен! Избитые корпуса с выбитыми обшивными досками, обрубки мачт и обрывки парусов. Первой мыслью встречавших их на берегу было то, что эскадра наголову разгромлена турками, столь трагично было зрелище полузатонувших кораблей и фрегатов, не говоря уже об измученных и едва державшихся на ногах, офицерах и матросах.

Собиралась эскадра крайне медленно. Бывало, что приходило в день по одному судну, а бывало, что по несколько дней и вообще никого не было. В Севастополе воцарилась печаль. Беспомощность ожидания была столь невыносима, что семьи не вернувшихся моряков сутками простаивали на берегу, вглядываясь вдаль, не мелькнет ли вдали парус?

Ураган раскидал эскадру по всему Черному морю. "Святой Павел" отнесло аж к абхазским берегам. Лишь благодаря искусству своего командира Федора Ушакова, "Павел" смог вернуться в родную гавань, но без мачт, бушприта, парусов и руля. Приползли, как говорится, на честном слове.

Совершенно отчаялись ждать с моря и флагманскую "Славу Екатерины". Когда ж она показалась, то ее поначалу и не узнали, столь разительно отличалась эта развалина от еще недавно грозного и гордого линкора. На "Екатерине" мачт не было вовсе. Вместо них торчали кое-как

наспех сооруженные стены, нижний дек полностью ушел в воду, а сам корабль прямо на глазах, собравшихся на берегу, повалился на правый борт. Едва зайдя в Севастопольскую бухту, линейный корабль начал тонуть, пушечными выстрелами прося о помощи. Насилу спасли... Сойдя на берег, контр-адмирал Войнович немедленно отправил Потемкину письмо: "Нахожу себя несчастливейшим человеком и принужденным доносить о крушении наших сил, под моею командою состоящих. Слишком 20 лет как хожу в море, и по всем морям был, но такого несчастья предвидеть не мог, и как спаслись, одному Богу известно".

В то же время контр-адмирал более иного сокрушался, что волнами разбит был его кормовой салон, а в штормовое море унесло все: личные вещи, деньги и золотую с бриллиантами жалованную императрицей табакерку. При расспросах о пережитом Войнович лишь вздыхал, да истово крестился:

– Качки таковой я никогда и вообразить не мог! Страх! Суший страх!

Когда, наконец, подсчитали все вернувшиеся с моря суда, то оказалось, что не хватает двух – фрегата "Крым" и линейного корабля "Мария Магдалина". О "Крыме" никто никогда больше ничего не слышал. Фрегат навсегда сгинул в штормовом море вместе со всей командой. Гибель его так и осталось одной из вечных тайн моря, которые вряд ли когда-либо будут раскрыты.

Состояние, в котором Черноморский флот вернулся в Севастополь, было ужасным. Все без исключения корабли нуждались в многомесечном ремонте. Не высок был и дух избежавших гибели команд. Особенно удручающе на всех действовала бесследная пропажа в штормовом море фрегата и линейного корабля.

О "Марии Магдалине" не скоро, но вести все же пришли. Были они, однако, весьма безрадостны. Во время шторма линейный корабль, как и большинство других судов севастопольской эскадры, потерял все мачты, а затем ветром был унесен прямо в Босфор. Когда же ветер немного стих, турки окружили дрейфовавшее у самого берега судно. Капитан "Марии" англичанин Тиздель, понимая, что победой неизбежная схватка для него кончиться не может, драться был особо не намерен.

– Как потерпевший жесточайшее кораблекрушение, я имею теперь полное право более не сопротивляться! Крушение оправдывает спуск флага всегда!

Желая сдаться, он собрал офицерский совет. И хотя офицеры, как один, высказались за бой, Тиздель самолично и спустил Андреевский флаг под радостные улюлюканья турок. Жизнь свою Тиздель спас. А че-

сти у него никогда и не было. Нам, читатель, еще предстоит встреча с изменником-англичанином, встреча эта будет не из приятных!

Турки немедленно сняли с «Марии Магдалине» команду, заковав всех в кандалы. Сам же корабль под радостные крики многотысячных толп зевак втащили в Босфор и поставили напротив султанского дворца, как первый боевой трофей. Султан Селим, таким подарком был доволен чрезвычайно.

– Вот, – говорил он своим приближенным. – Я еще и не начинал по-настоящему воевать, а гяуры уже сами плывут к нам, чтобы сдаться. Само море помогает нам, что же станет с неверными, когда они услышат гром моих пушек?

– О, великий из великих! – падали перед ним на колени вельможи. – Только ты способен потрясти основы вселенной и донести священное знамя пророка до крайних ее пределов! Надменная гордость московитов рассыплется в прах перед твоей поступью! Штурм, разметавший и побивший флот московитов – есть великое предзнаменование твоей победы!

В тот день в Константинополе палили пушки, а нищим на Галате разбрасывали медные монеты и куски жареной баранины.

Когда известие о печальном исходе плавания эскадры Войновича доставили Потемкину, тот впал в крайнее отчаяние. Один единственный шторм надолго вывел из строя весь корабельный флот России на Черном море, в один миг перечеркнув все планы князя. Недоброжелатели позднее говорили, что Потемкин был столь удручен, что полагал войну уже проигранной и даже думал, как быстрее вывести войска и флот из Крыма, который не сегодня завтра все равно достанется туркам. На самом деле заключать мир с турками и уступать им Крым Потемкин не собирался.

– Было у меня две руки, на море Черное положенных: эскадры Севастопольская да Лиманская! – изливал он душу своему другу и помощнику поэту Петрову. – Одну теперь море побило, и остался я нынче однорук! Не турки ударили, но Господь!

– Ничего, Григорий Александрович! – утешал его Петров. – Кто управляется при одном глазе, тому и с одною рукою совладать можно, была бы голова на плечах!

Посмеявшись шутке, светлейший несколько успокоился, а успокоившись, грохнул кулаком по столу:

– Я еще так султана за шальвары потрясу, что враз всех своих мамок забудет!

Русско-турецкая война еще только начиналась. Небывалый по силе шторм значительно ослабил Черноморский флот, надолго выведя его из строя в самый ответственный момент. Но русские моряки еще возьмут

свое! Впереди еще будет не только Измаил, Фокшаны, Мачин и Рымник, но морские победы при Керчи, Гаджибее и Калиакрии! Впереди еще будет слава и бессмертие Ушакова!

КЛЕВЕТА И КЛЕВЕТНИКИ

А что же случилось с плененным капитаном 2 ранга Веревкиным и его товарищами? Спустя несколько дней после боя на столе у светлейшего лежал подробный мордвинский отчет о произошедшем сражении и последовавшем крушении плавбатареи. Что же писал и кого обвинял в письме Николай Семенович Мордвинов? Контр-адмирал называл виновными всех, кроме себя! Мордвинов писал так: "Сколько я мог узнать, то неудача произошла оттого, что Ломбард, который был назначен со своею галерою, пошел на батарею, а галере приказал сняться с якоря и идти вслед; другая галера не скоро снялась с якоря и потеряла батарею из вида. Батарея же поторопилась идти одна, а не соединено с двумя галерами, как от меня было приказано".

Из отчета командующего выходило, что главный виновник происшедшего – Ломбард. Но дело в том, что одновременно с мордвинским докладом на стол Потемкина легло еще один. Автором второго письма был не кто иной, как Юлиан де Ломбард! Каким образом, находясь в плену, да еще в такой малый срок, он смог переправить свое послание, остается загадкой и поныне. О чем же писал мичман Ломбард? И зачем ему вообще понадобилась эта затея с письмом? Ответ ясен из содержания его бумаги. Мальтийский рыцарь подробно доносил светлейшему все перипетии трагического сражения. При этом как мог, выпячивал свои заслуги, не забывая поливать грязью командира плавбатареи. Ни о каком рыцарском благородстве речи не шло. Не до того – надо было спасти свою репутацию героя и отчаянного смельчака. И Потемкин поверил... Ломбарду! Еще бы, в его памяти были свежи лихие рейды бравого мичмана у Кинбурна.

Наконец, и сам Суворов, благодарный за оказанную ему помощь заступился за Ломбарда! За капитана Веревкина же заступников не имелось. Под впечатлением ломбардовского пасквиля Потемкин немедленно отписывает письмо Мордвинову: "Милостивый государь мой, Николай Семенович! Полученное мною... письмо к Вам от лейтенанта Ломбарда сим препровождаю. Из оногo усмотрите, ваше превосходительство, сколь малонадежного человека употребили вы на батарее, и сколь пагубно было его упорство и невнимание к советам, которые преподает ему господин Ломбард. Вы же сами довольно знали невозможность господина Веревкина, чтобы вверять ему жизнь многих храбрых людей..."

Столь предвзятое отношение к командиру плавбатареи №1, которого хорошо знали и уважали черноморские офицеры, породило ропот в их среде. Письмо Потемкина вызвало возмущение даже у Мордвинова. Несмотря на то, что контр-адмирал особых чувств к Веревкину не питал, он все же посчитал нужным в ответе светлейшему заступиться за попавшего в беду капитана 2 ранга.

В своем послании от 25 марта 1787 года он пишет следующее: "Письмо от вашего курьера я получил. Теперь не время отвечать на письмо господина Ломбарда: предубеждение сильно еще действует. В спокойное время вы сами усмотрите, что оно преисполнено противоречиями, явною ложью и бесстыдным хвастовством. Подобных писем у меня много из-под Кинбурна. Скажу вам только, что по усердию моему к службе, желаю вам иметь побольше Веревкиных, и что, Ломбард не отнимет у него достоинства искусного и храброго офицера: он репутацию свою имеет, утвержденную многими годами службы... Не худо было бы допросить солдата, который был на батарее и который теперь у вас. Простой солдат истину лучше расскажет. Я и многие свидетельствовать могут про то время, когда он съехал с моего фрегата. Все, что он пишет – есть бесстыдная ложь. Вы имеете рапорт мой за пять дней прежде отплытия эскадры к Очакову и ночной атаки. Вы знаете Ломбарда, я недоволю уважал, чтобы с ним мог дружески советоваться. Я соболезную, что храбрые люди, прославившие нас, но безгласные, в одну минуту предаются оклеветанию. Но если бы Веревкин был дурен, имел бы ли из кого я выбрать лучшего? Прошу припомнить, в каком состоянии флот тогда находился и то также, что не упустил я требовать все, что нужно для флота на другой день по получении письма из Ясс о войне. Полезно было бы для вас и вообще для всех, чтобы исследованы были поступки Ломбарда во все время его начальства на галере, особливо во время сражения».

В ТУРЕЦКОМ ПЛЕНУ

Тем временем Андрей Евграфович Веревкин был передан татарами туркам и доставлен в Измаил. Далее его путь лежал в Стамбул.

Бани – турецкие тюрьмы – места страшные, не многие выходят оттуда живыми: теснота, сырость, крысы, побои и голод быстро сведут в могилу любого. Кроме Веревкина, в Стамбульской тюрьме находилось еще несколько морских офицеров. Среди них: командир шхуны "Вячеслав" капитан 2 ранга Борисов, офицеры линейного корабля "Мария Магдалина" и Ломбард, которого тоже доставили в турецкую столицу.

В офицерской камере, площадью в восемнадцать квадратных футов, размещалось тринадцать человек. Матросы содержались в еще более

кошмарных условиях. Почти ежедневно на тюремном дворе рубили головы непокорным. Зверские избиения были настолько обыденны, что на них и внимания не обращали – жив и ладно!

Среди офицеров пытался главенствовать командир "Марии Магдалины" изменник Тиздель.

– Я старший по званию и потому первый среди вас! – объявил он сокамерникам. – Отныне все решаю только я!

– Это, по какому же праву? – возмутился прямодушный Веревкин.

– Как по какому? Я капитан первого ранга!

– У предателей, негодяев и трусов нет званий, как нет и чести! – сплюнул Веревкин. – И ты мне не начальник!

Вскоре в камере образовалось две группировки. Одну из партий, основу которой составили иностранцы, бывшие до плена на русской службе, возглавил Тиздель. Российские же офицеры в большинстве своем сплотились вокруг Веревкина. Веревкинцам приходилось нелегко. Через английского посланника Роберта Энели и французского посла Шуазель-Гуфье Тиздель и его сторонники всегда имели свежие продукты и чистую одежду. Веревкин же с товарищами довольствовался тюремной похлебкой и лохмотьями бывшей формы. Но перебежчиков не было. Уверовав в свою всесильность и безнаказанность, Тиздель замыслил избить Андрея Веревкина, но чесменский герой со своими сторонниками дали ему достойный отпор. Тогда Тиздель изменил тактику. По его указке тюремные стражники отправили Веревкина и его ближайшего сотоварища Константина Рубетца в одиночные камеры. Но и после этого "российская партия" не сдавалась. Одновременно Тиздель с Ломбардом стали пересылать в Россию письма с небывшими о Веревкине и его друзьях. Всякий, кто пытался хоть как-то противодействовать англичанину, тотчас зачислялся в разряд пьяниц, о чем Тиздель непременно отписывал в Петербург. Далеко не все выдержали тяготы тюрьмы и тизделевский шантаж. Умерли от побоев кавторанг Борисов и доктор Бернгард, скончался от истощения мичман Алексиано, сошел с ума Константин Рубец...

Случались происшествия и у тиздельцев. Так, будучи в изрядном подпитии, пытался перерезать себе горло под одеялом героический Ломбард, но не успел и заснул. Спас своего недруга от смерти Андрей Веревкин, первым заметивший кровь под его кроватью и поднявший шум.

А вскоре Ломбард пропал. Тизделю был нужен свой человек на свободе. Необходимо было создать в Петербурге и Херсоне положительное мнение об его достойном поведении в плену. Ведь мирные переговоры с турками был уже не за горами, и надо было спасти свою карьеру. Кроме того, надо было нанести решающий удар по Веревкину и его това-

рищам. Для этой цели наиболее подходящей фигурой виделся никто иной, как Ломбард. Над мальтийцем еще витал ореол спасителя Кинбуерна, его любил Суворов, ему, наконец, благоволил сам Потемкин.

Побег (а скорее всего, просто выкуп) Ломбарда из плена до сих пор никому не понятен. Как мог полуживой, не знавший ни языка, ни местных обычаев мальтиец бежать из главной темницы страны и, пробравшись через всю Турцию, спустя всего месяц прибыть в Херсон? Безусловно, что дело не обошлось без французского посла Шуазеля и, допускаясь в тюрьму, некоего патера Тардини...

Очутившись в ставке Потемкина, Ломбард представил свою версию событий. И ему поверили. Вскоре за столь "блистательные" подвиги мальтиец получил вне линии чин капитан-лейтенанта и хорошие деньги. На этом следы его пребывания на русской земле навсегда теряются. Скорее всего, заработав свое, он укатил домой, чтобы там предаваться воспоминаниям о своих подвигах в далекой Московии...

А что же Андрей Вережкин? Как сложилась его судьба? После заключения мира с Турцией его, изможденного и больного, отпустили домой. Но на Черноморском флоте отважного моряка никто не ждал. Вакантной должности для него не нашлось. От бывшего командира плавбатареи открещивались, как могли. Героя сторонились даже друзья.

Вережкин недоумевал:

– Или мало я крови за Отечество пролил? Или честь свою офицерскую где замарал?

Бывшие соратники отводили взор:

– Уж больно много разговоров ходит, Андрюша, о твоём пьянстве беспробудном в плену турецком, о драках тобою там учиненных!

– Ах, вот оно что! – качал седой головой капитан 2 ранга. – Вы верите прохвосту Ломбарду, а не мне, вашему старому соплавателю!

– Мы тебе верим, – отвечали офицеры херсонские, вздыхая. – Но уж больно много говорят, а дыму без огня не бывает!

– Э-э-х! – махал на всех рукой Андрей Евграфович. – Был у меня один дружок настоящий, Сакен, да и тот в бою геройски убит! Надо было, видать, и мне на бочке пороховой взорваться. Тогда бы и поносительство таких напрасных не слушал!

Службы более у Вережкина уже не было. Некоторое время он числился при Херсонском порту. Сделали свое дело и полученные раны. Но более всего подкосила старого моряка несправедливость и ложь. Выдержавший отчаянно смелый бой один на один со всем турецким флотом, пережив страшное кораблекрушение, издевательства турецкой тюрьмы, он теперь оказался никому не нужен. Силы быстро покидали его. В 1792

году Андрея Евграфовича уволили от службы с производством в чин полковничий. Смерть его прошла для всех не замеченной. Да и кому было дело до какого-то бывшего командира плавбатареи!

В последний путь Веревкина провожала верная жена, да несколько старых моряков, помнивших подвиг отважного капитана...

С тех давних пор минуло немало времени. Кто теперь помнит о Веревкине? Кто помнит теперь о его подвиге, и о тех мытарствах, которые пришлось ему вынести?

ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕАПОЛЯ

В июле 1798 года в далеком Средиземном море произошло событие, не имевшее на первый взгляд никакого отношения к России. Над столицей Мальтийского ордена Ла Валетта взвился трехцветный французский флаг. Генерал Бонапарт объявил об упразднении ордена госпитальеров. Отныне Мальта и все ее жители становились гражданами Французской республики.

А свежий морской ветер уже наполнял паруса французской эскадры. Форштевни их были развернуты на восток. Генерал Бонапарт спешил в Египет, чтобы водрузить свое знамя над древними пирамидами...

Захват Мальты российский император, однако, расценил как личное оскорбление. Еще бы, совсем недавно Павел I милостиво принял по просьбе мальтийских рыцарей высший сан ордена – великого магистра! И вот теперь такой афронт! Кроме того, столь быстрое продвижение честолюбивого Бонапарта вызывало, и не без оснований, тревогу за безопасность границ южных.

– Я должен положить конец разбою! – объявил император разгневанно. – Мои армия и флот накажут наглеца-якобинца!

Сказано – сделано. В самый короткий срок Петербург заключил союзное соглашение с Лондоном и Стамбулом. Цель соглашения была одна – борьба против неумных appetites французских республиканцев. А вскоре на средиземноморском ветру затрепетали Андреевские флаги: то вступила в «пределы мидетеранские» эскадра вице-адмирала Ушакова. В составе эскадры пенил пологую волну и фрегат «Счастливый», который вел капитан-лейтенант Григорий Григорьевич Белли.

...В один из летних дней 1782 года на квартиру русского посла в Англии графа Семена Воронцова явился молодой человек.

– Генрих Белли, – назвал он себя. – Штурманский помощник. Желаю предложить свою шпагу русской императрице.

Воронцов невольно улыбнулся. Офицер был на удивление худ, фамилия же его в дословном переводе на русский, означала не что иное, как «пузо». Большого несоответствия фамилии и ее обладателя граф еще не встречал. Проситель пришелся послу по душе и вопрос о приеме на русскую службу был решен довольно быстро.

Спустя недолгое время в списке офицеров русского флота появился мичман Григорий Григорьевич Белли. Через год он был уже лейтенантом, ещё через три – капитан-лейтенантом и командиром судна «Полоцк», а с открытием военных действий против турок в 1787 году поступил под начальство Федора Ушакова, с которым и прошел все главные сражения – при Керчи, Фидониси, Гаджибее и Калиакрии, получив за последнее орден Святого Владимира...

ПОД ФЛАГОМ АДМИРАЛА УШАКОВА

Экспедиция Ушакова имела целью освобождение от французского гнета Ионических островов и Южной Италии. Русские моряки шли в южные воды не как завоеватели, но как освободители.

На подходе к острову Цериго от эскадры отделился отряд фрегатов. Капитаны судов имели перед собой задачу ответственную – захватить крепости, господствующие над островом. Артиллерийский бой был не долог, но жарок. Вскоре, не выдержав огня русских пушек, выбросил белый флаг гарнизон крепости «Святой Николай». Следом, после непродолжительной осады, сдалась «на капитуляцию» и вторая крепость – Капсало.

Адмирал Федор Федорович Ушаков взятию Цериго и Капсало был очень рад. Как-никак, первый, пусть даже не очень большой, но успех! Командиров кораблей он пригласил к себе отужинать. За столом расспрашивал о подробностях сражения, просил дать оценку французам, интересовался, как действовали наши матросы.

– Ну а как вы оцениваете нашу подготовленность к долгому пребыванию в здешних водах? – спросил он Белли.

По моему разумению, господин адмирал, не только с гарнизонами французскими тягаться мы можем сейчас, но и с их линейным флотом. Да и английским морякам наши черноморцы ни в чем не уступят.

За отвагу и находчивость при Цериго по представлению Ушакова капитан-лейтенант Белли удостоивается ордена Святой Анны 2-й степени. Награда высокая, и заслужить ее честь немалая!

Боевая страда на Средиземном море была для русских моряков в самом разгаре. Следом за Цериго пришлось Белли брать остров Занте, освобождать Кефалонию, блокировать и штурмовать неприступную Корфу. Биограф героя так пишет об участии Белли во взятии крепости Корфу: «Во время осады Корфу Белли не сидел сложа руки и если не полу-

чил в период блокады острова никакой награды, то только потому, что император Павел был недоволен вообще всей экспедицией...»

Едва были заделаны пробойны в корпусе да заштопаны прорехи в парусах – новое задание. На этот раз курс «Счастливого» лежал к берегам Италии. Вел отряд кораблей капитан 2 ранга Сорокин.

В те дни на Апеннингах полыхал пожар войны. На севере громил армии французской директории непобедимый Суворов, на южных берегах против захватчиков поднялось воинственное, но неорганизованное воинство итальянских повстанцев – лаццарони. Центром восстания стало бывшее Неаполитанское королевство. И дело здесь было вовсе не в короле Фердинанде, скудном умом и мелком душой правителе. Пока недомок-король свежевал коровьи туши (а именно таким было любимое развлечение неаполитанского правителя), страной правила королева, правила без жалости и снисхождений. Неудивительно, что, когда французские полки вступили в пределы королевства, Неаполь упал к их ногам как перезревший плод. Люди надеялись на лучшее, слепо веря в парижские лозунги о свободе, равенстве и братстве. Увы, скоро им пришлось горько раскатыться в своем легковерии.

Уничтожив королевскую власть, французы основали Партенонейскую республику. Однако вместо обещанных свобод неаполитанцев ожидали грабежи, погромы и насилие. Вместо королевского террора они получили республиканский беспредел. Чаша народного терпения была переполнена. Начались восстания. Их безжалостно давили, но они разгорались вновь и вновь. Часть повстанцев шла под королевскими лозунгами, ведь они были понятны и привычны неграмотным крестьянам; иные же били всех подряд – и республиканцев, и монархистов!

Король Фердинанд слезно просил через российского императора срочной помощи у адмирала Ушакова. Вскоре из Петербурга на Средиземноморскую эскадру пришла высочайшая бумага, повелевавшая помочь неаполитанскому монарху в установлении законной власти.

Нельзя сказать, чтобы такой оборот дела обрадовал Ушакова. Но приказ есть приказ. Вскоре по указанию Ушакова был выделен отряд кораблей под началом капитана 2 ранга Сорокина. Ему-то и ставилась задача помочь свергнутому неаполитанскому монарху. В состав отряда вошел и фрегат «Счастливый», которым командовал капитан-лейтенант Белли.

Двадцать третьего апреля 1799 года капитан 2 ранга Сорокин пошел к городу Бриндизи и установил там власть неаполитанского короля. Далее русские суда повернули на север. А затем была осада крепости Марло. Высаженным на берег десантом командовал капитан-лейтенант

Белли. Его действия были настолько успешны, что крепость вскоре капитулировала. Такая же участь постигла и монфридонийскую крепость Фаджио.

Развивая успех, Сорокин организует мощный десантный отряд, которому вменяется в обязанность содействовать войскам неаполитанского короля в освобождении приморских городов от французов. Командование отрядом поручается капитан-лейтенанту Белли. Под его начало определяют пятьсот матросов и солдат с шестью полевыми орудиями.

– Действуй по обстановке! – напутствовал Сорокин на прощание капитана Белли. – Сил у тебя немного, значит, следует брать иным: отвагой и смекалкой. До встречи, и желаю удачи!

Белли начал с того, что воздвиг на горе Кольено укрепление, которое назвал фортом Святого Павла. Форт стал местом формирования многочисленных повстанческих отрядов. Вскоре отряд Белли пополнился сотней матросов.

Перед русскими моряками стояла нелегкая задача. К этому времени основная часть побережья была захвачена союзником России неаполитанским королем Фердинандом, но столица королевства – Неаполь – все еще находилась в руках французов. Русскому десанту предстоял поход на Неаполь, небывалый по сложности и опасности. У Белли был выбор: сослаться на малочисленность и остаться на месте или же идти вперед навстречу врагу. Белли решил выступить. За неимением полкового знамени он приказал взять фрегатский Андреевский флаг. Под его сенью и был проведен этот удивительный поход.

РЕЙД, СТАВШИЙ ЛЕГЕНОЙ

Двенадцатого мая в поход двинулся авангард – сто двадцать матросов с двумя пушками, через одиннадцать дней – остальные. Беспрецедентное в истории войн наступление началось. Малочисленный отряд русских моряков шел брать приступом столицу одного из могущественных государств Европы.

Один за другим русский десантный отряд освобождал городка и крепости. Серьезного сопротивления поначалу не было, и Белли стремительно продвигался вперед. Слух о русском войске летел далеко впереди его отряда и во многом способствовал успеху.

Оценивая деятельность Белли в те дни, неаполитанский министр Антониу Мишеру, сопровождавший русский отряд, писал Ушакову: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить

нас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток в двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не все, войска заставили все население обожать их... Вы могли бы их видеть, осыпанными ласками и благословлениями среди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем Отечестве на вечные времена». Признание исчерпывающее...

По ходу движения к Белли присоединялись отряды кардинала Руффо, фанатичного католика, исполнявшего у неаполитанского короля должность главного полководца. Под стать своему предводителю было и его воинство: толпа мародеров и разбойников. Пользы от такого союзника Белли было немного, но выбрать не приходилось.

Второго июня 1799 года русские моряки подошли к Неаполю. Один за другим сложили перед ними оружие гарнизоны трех фортов. Белли торопился: его козырь – внезапность. Впереди была река Себето, через реку – мост Святой Магдалины. На прикрытии места – шестиорудийная батарея да двухтысячная бригада генерала Виртцема. На фланге неприятеля белела парусами флотилия адмирала королевства Обеих Сицилии Карачиолло, принявшего сторону республиканцев. В самом городе тоже не дремали: спешно готовились к обороне, воздвигали баррикады, устанавливали батареи; под ружье встала многотысячная национальная гвардия, каждый дворец или церковь были превращены в крепость. Особые же надежды защитники возлагали на неприступные замки Кастельдель-Ово и Кастельдель-Кармине. Главные силы республиканцев под началом генералов Бассети и Серра сосредоточились на высотах, что господствовали над городом.

На подходе к мосту Белли начал бой. Русские пушки открыли сосредоточенный огонь по неприятельской батарее. Моряки-канониры стреляли отменно, и вскоре все шесть неаполитанских орудий, одно за другим, замолчали. Затем огонь перенесли на канонерки адмирала Карачиолло. Несколько метких залпов – и два судна, оглашая округу взрывами своих крюйт-камер, исчезли в волнах. Остальные отошли, рубя якорные канаты. Ободренные успехом, русские матросы бросились в штыки, и вскоре две тысячи неприятельских солдат бежали под натиском черноморцев. Пытаясь остановить панику, погиб генерал Виртцем. Достались победителям и шесть брошенных пушек.

Из описания сражения историком В. Овчинниковым: «3 (14) июня войска пошли на штурм. Отряд белли подошел к замку Портеже и был готов к атаке. Но якобинцы, увидев приближающийся российский отряд, оставили замок и разбежались. Капитан-лейтенант тут же занял его и водрузил на башне неаполитанский флаг. Оставив в замке небольшой гарнизон, он продолжил свой марш к крепости Велиний, чтобы, не останавливаясь, атаковать ее и взять штурмом. Не оказав по «крайней робости» должного сопротивления, защитники сдали крепость, а Белли шел уже дальше, на приступ моста Магдалены. Мост был сильно укреплен и чтобы к нему подступиться, надо было пройти вдоль берега моря под огнем 30 канонерских лодок. Тогда Белли соорудил против них батарею и «произвел жестокою канонаду». Две лодки были потоплены, остальные стали отходить в море. Русские солдаты и матросы бросились в атаку и выбили якобинцев с моста. Противник понес большие потери и оставил на поле боя шесть пушек. Белли же потерь убитыми не имел, а раненных были лишь гардемарин Голенищев и два матроса».

Отряды кардинала Руффо проникли к городу со стороны слабозащищенных ворот Капо-ди-Монте. Сражение за Неаполь еще только разгоралось. В то время как русские моряки, сбив неприятеля с моста Святой Магдалины, стремительно продвигались к городу, бежавшие от них солдаты генерала Виртцема уже донесли известие о русских штыках воинственным республиканцам. Началось смятение. Воспользовавшись им, на защитников города бросились пробравшиеся в город повстанцы-лаццарони. Не приняв боя, республиканцы: отошли, однако затем, придя в себя, контратаковали. Бой на городских улицах длился двое суток. И здесь все решило мужество и бесстрашие русских моряков во главе с капитан-лейтенантом Григорием Белли. Пока мародеры кардинала Руффо предавались грабежам, матросы Белли штурмом овладели сильнейшим укреплением города – замком Дель-Кармине. А затем был отчаянный штыковой бой с тысячным республиканским отрядом. И снова неприятель был обращен в бегство. Но незахваченными оставались еще хорошо укрепленные замки Кастель-Нуово и Кастель-Дельово, занятые французскими гарнизонами. Сдаваться они не собирались.

Несколько дней русские моряки готовились к штурму неприступных твердынь. Против крепостей были воздвигнуты батареи. Шестого июня ударили первые залпы. Ожесточенная перестрелка продолжалась двое суток. Наконец почти все французские орудия были сбиты. И снова показали свой высокий класс артиллеристы-черноморцы! Вскоре оба

замка один за другим сдались Белли. Очаги сопротивления были ликвидированы.

– Бумагу! – потребовал капитан-лейтенант и тут же, на барабане сидя, принялся составлять победную реляцию.

Русский посланник А. Тамара писал в те дни графу Н. Панину в Берлин: «Успехи оружия нашего противу французов в Неаполитанском королевстве и церковных областях со стороны Адриатики, рассуждений малого числа войск, представляют нечто подобное первым завоеваниям кастельян (испанцев – В.Ш.) в Америке. Дай Боже, чтоб конец был столько же славен, сколь начало».

Тем временем в Неаполе происходили события, идущие вразрез с подписанными Белли положениями о капитуляции республиканских отрядов. К городу подошли корабли лорда Нельсона. Английский адмирал не пожелал признать все ранее заключенные обязательства между победителями и побежденными. В городе начались беспорядки, жертвами убийц стали сотни ни в чем не повинных людей. Но и в этой тяжелейшей обстановке русские моряки проявили свои лучшие качества. Вот что пишет один из историков: «...Везде, где можно, оказывали помощь и защиту всем, кто ее у них просил, и таким образом спасли от смерти пользовавшегося в то время огромной популярностью композитора Чимароза. Наш десант своею замечательной дисциплиной и честностью внушил к себе такое уважение неаполитанцев, что дом, в котором квартировал русский офицер или солдат, делался уже неприкасаемым убежищем...»

Один из свидетелей тех событий пишет: «Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены бывают из опасения заразных болезней. Посажено в тюрьму до двух тысяч якобинцев и держать станут их в заключении, пока невиновность их доказана будет...» В те дни по приказу Нельсона были казнены более 4 000 «изменников», ещё 30 000 (по приказу добрейшего короля) брошены в тюрьмы... Единственным убежищем для подозреваемых в «якобинстве» стали дома, где квартировали русские моряки.

Белли распорядился:

– Принимать всех! Не выдавать никого!

Так были спасены сотни людей. По прошествии лет итальянский историк Ботта скажет о тех страшных днях очень коротко и вполне ясно: «Срам Италии и слава русским!».

Вскоре не без помощи русских моряков удалось навести в городе некоторый порядок. Но и на этом испытания для маленького отряда не закончились. Пока Белли освобождал союзникам столицу Неаполитанского королевства, политическая ситуация на Средиземноморье изме-

нилась, и вице-адмирал Ушаков был вынужден отозвать к Корфу крейсерский отряд Сорокина. Белли остался один. Теперь ближайшим российским воинским начальником стал для него победоносно действовавший в северной Италии фельдмаршал Суворов. Ему и рапортовал капитан-лейтенант о своих успехах: «Мая 10 высажен я с вверенным мне десантным войском... для покорения провинции Апулии, которую привел в подданство короля двух Сицилии и даже до самого Неаполя и оный взял силою оружия, разбил неприятеля во многих местах, где только повстречал: при входе в Неаполь взял три замка и одну батарею, а потом Капель-Нуово, Дельово, крепость Сенто-Эльму и город Капую. Имею честь донести Вашей Светлости, что неаполитанские владения освобождены...»

Когда император Павел узнал о взятии Неаполя, он поначалу отказывался поверить в такое чудо, а затем воскликнул:

– Белли думал удивить меня и Европу, так и я его удивлю!

Павел пожаловал капитан-лейтенанту орден Анны 1-й степени, по статусу положенный особам не ниже полного адмиральского чина.

Что ж, император ничуть не преувеличил: совершенный подвиг был вполне достоин столь высокой оценки. В наградном императорском рескрипте значилось: «Господин флота капитан 2 ранга Белли (*в капитаны 2 ранга Белли был произведен одновременно с награждением.* – В.Ш.). За взятие Неаполя и храбрость, при этом оказанную, изъявляем вам Наше благоволение и в знак оного Всемилостивейше жалуем Мы вас кавалером ордена Нашего Святыя Анны первого класса, коего знака при сем к вам препровождаю, повелеваем возложить ныне на себя. Пребывая, впрочем, всегда к вам благосклонны. Павел. С.-Петербург. Август 4 дня. 1799 г.».

До завершения кампании Белли еще трижды ходил во главе десантов на итальянский берег и... взял ещё три крепости!

Некоторые сухопутные генералы по сему поводу даже возмутились – почти всерьез:

– Не по чину замахивается! Ведь сам-то по табели всего лишь подполковник... А крепости – дело генеральское!

Высоко оценил действия русских моряков при освобождении Неаполя от французов и король Фердинанд. В письме Ушакову он писал: «...Со времени, как королевство освобождено от ига неприятельского, не менее были важны прилежание и бдительность российского десанта, создающего в Неаполе спокойствие, столь нужное столичному городу... Вы видите, сколько я имею причин быть вам признательным».

Не менее красноречивым было и послание из Неаполя на имя королевского посла герцога Серро-Каприоло в Петербурге: «...Малочисленный русский отряд оказал бесценную услугу королю, приобрел себе прочную славу, водворил благоденствие в обширной части государства и оставил в здешнем народе на вечные времена самое выгодное мнение о храбрости, дисциплине и отличной нравственности русского войска».

А служба капитана Белли продолжалась. Еще целых три года нес боевую вахту в средиземноморских водах фрегат «Счастливый». Лишь в 1803 году вернулся капитан домой в Николаев. По прибытии из экспедиции Белли был назначен командиром 74-пушечного линейного корабля «Азия».

ПОД ФЛАГОМ АДМИРАЛА СЕНЯВИНА

А через год он уже снова вел корабль знакомым маршрутом. В Европе продолжали полыхать наполеоновские войны. Россия снова воевала в союзе с Англией против Франции. «Азия» поступила под начало командующего вооруженными силами России на Средиземном море вице-адмирала Сенявина. Вице-адмирал привел на Корфу эскадру с Балтики. С Белли при встрече они обнялись, как старые добрые знакомцы.

И сразу же первое поручение – занять важнейший порт на Адриатике Бокко-ди-Катторо, который издревле населяли православные далматинцы-бокезцы. Катторская бухта считалась одной из лучших во всей Адриатике. Владеющий ею, сразу же получал возможность контроля над всем далматинским берегом. Катторский плацдарм не давал покоя уже и Наполеону, который прекрасно понимал всю его стратегическую важность. Занимая бухту, Сенявин мог сразу же рассчитывать на поддержку не только населявших ее бокезцев, но и братских им черногорцев, живших поодаль от побережья и давно уже ждавших прихода русских. Австрии Катторо перепало совсем недавно по прихоти Наполеона. По его же прихоти теперь оно отдавалось непосредственно французам. Правда пока командующий французскими войсками генерал Молитор из-за отсутствия пушек остановился значительно севернее в Задаре, но пушки могли подвезти со дня на день и тогда бросок на Катторо был бы неминуем.

По Далмации поползли слухи, что французы посягнут на древние местные вольности. Бокезцы возроптали. Неумолимый молох войны грозил полным разорением торговли, с которой жила и кормилась большая часть прибрежного населения. Война с Англией лишала заработка всех, ибо море отныне становилось закрытым. Бокко-ди-Катторо, как пере-

зревшее яблоко, готово было упасть в руки русского адмирала. Бокезцы и жившие выше в горах черногорцы слали на Корфу посла за послом: "Приди и властвуй нами!"

– Зовите ко мне Белли! – распорядился Сенявин немедленно. – Будем делать диверсию в Далмацию!

Встретив старого соплавателя, обнял его за плечи:

– Слушай, душа моя Григорий Григорьевич! Пойдешь в Катторский залив и подашь катторцам надежду в нашем покровительстве. Постарайся быстро и бескровно занять крепости в том заливе. Затем учредишь блокаду в проливе Каламато меж островами Меледо и Агасто, чтоб и мышь от французов туда не проскочила. Наблюдай за всеми их передвижениями и, сколь возможно, препятствуй водворению их в Рагузе. Ежели же при этом катторцы пожелают не допустить французов в город, то пособлай им всем, чем только возможно! Справишься ли!

Белли лишь развел руками:

– Не в первый раз, Дмитрий Николаевич!

– Тогда доброго пути! – перекрестил капитана 1 ранга Сенявин. – И с Богом!

В тот же день Белли, подняв над своей "Азией" отрядный брейдымпел, взял курс к берегам Далмации. В кильватер "Азии" держали два фрегата и посыльная шхуна "Экспедицион". На траверзе острова Фано с "Азии" усмотрели мчавшийся среди пенных разводьев "Венус". Подозвали пушкой. Белли, расставив ноги на качке, кричал в рупор:

– Егор Федотыч! Твой фрегат придан моему отряду! Давай, заворачивай в кильватер!

– Не могу! – прокричал в ответ командир "Венуса" и показал рукой на сгрудившихся на шканцах пассажиров. – Мне сиих господ на Корфу доставить надо!

– Добро! Иди на Корфу – вновь приложил к губам жестяной рупор Белли. – Но как сгрузишь, немедленно догоняй меня у Новой Рагузы!

– Ну вот, господин Броневский, кажется, вы и отдохнули от трудов праведных! – нашел глазами мичмана Развозов. – Командуйте прибавить парусов, нам еще "Азию" нагонять надобно!

На Корфу разрешили только спешно залиться водой. Пассажиры съехали к командующему, а спустя час вернулись в том же составе от Сенявина с новыми засургученными пакетами.

– Курс на Рагузу! – мрачно объявил Поццо ди Борго и тотчас ушел спать к себе в каюту.

И снова, изматывающий душу, трехдневный шторм. В клочья разорвало фор-марсель, убило матроса, еще двоих ранило, но Развозов считал, что еще счастливо отделался. Весь путь шли только на штормовых стакселях, но и те, то и дело рвало и уносило.

Из дневника мичмана Владимира Броневского: "...Итак, принуждены мы были оставаться без парусов; нас несло по воле ветра, ревушего так сильно, что и в 3 саженьях неслышно было громкого голоса. Вечером, когда бора несколько уменьшилась и позволила нам под бизань-стакселем лечь в дрейф, я сошел на низ. Гроб и тихое пение псалмов остановили меня. Смертный одр, покрытый флагом, печаль изображенная на лицах людей, окружавших тело умершего, тусклый свет лампы и слабый голос седовласого монаха, поющего "со святыми упокой" вливали в душу благоговейный трепет. Я так же в сокрушении сердца забыл о буре, забыл о самом себе и молился, как говорится: "кто на море не бывал, тот Богу не маливался". Мореходцу нельзя быть вольнодумцем: встречая на каждом шагу гибельные опасности и стоя перед лицом смерти, всякие безбожные мудрствования исчезают и вся развращающая нравы мнимая философия, привозженной пред иконою свече, умолкает и прекращается в духовную молитву".

КТО ЕСТЬ ВИТЯЗЬ!

Корабли отряда Григория Белли были еще на переходе, когда на центральной площади Бокко-ди-Катторо ударили колокола. Сбежались все от стариков до детей. Перед собравшимися шел седобородый глава местного коммуниата граф Савва Ивлеч.

– Братья и сестры! – сказал он, сняв шапку, – Настало время пробудиться от бездействия! Ныне мы стоим на краю гибели и бездна под нашими ногами! Защитим дедовы вольности! Спасение наше лишь в мечах и храбрости!

Площадь огласилась тысячами криков:

– Кто есть витязь! К оружию, братья!

Прибежал насмерть перепуганный австрийский губернатор. С испугом смотрел на вооружавшихся горожан. Во главе быстро созданного ополчения встали братья Ивлечи Савва и Марко (отставной генерал-лейтенант российской службы, помнивший еще Ларгу и Кагул!). Радостные повстанцы беспрестанно палили в воздух из своих старинных длинных ружей. Женщины кинулись шить знамена и кисеты.

Уже 27 февраля глава черногорской церкви Петр Негош собрал спущину. На ней черногорцы решили направить своего митрополита с двумя тысячами лучших бойцов-юнаков на помощь Бокко-ди-Катторо.

Весь переход дул слабый ветер и Белли сильно нервничал, боясь опоздать. Возбуждение командира быстро передалось вначале офицерам, а затем и матросам. Теперь уже все то и дело поглядывали на вяло полощущиеся вымпела: когда же задует! Немного пришлось поплутать и из-за неверной карты и бестолкового лоцмана. Но вот, наконец, и залив Бокко-де-Катторо – высокие горы, покрытые сумрачной пеленой облаков. Державшаяся на выходе из залива дозорная французская шебека, едва завидев российский флаг, бежала в сторону Рагузы. Ее не преследовали. Сейчас главным было занять Катторо. Суда бросали якоря меж отмелей и рифов. Едва встали, Белли спрыгнул в капитанский катер:

– Грести к порту!

Не доходя гавани, он велел табанить.

– Трубу! – не оглядываясь, протянул руку.

Сопровождавший командира мичман тут же вложил в руку требуемую трубу. Приставив окуляр к глазу, Белли долго рассматривал порт. И узрел, что хотел. В самом дальнем углу гавани стояла еще одна большая 16-пушечная французская шебека. На палубе ее пустынно, паруса собраны. Всюду тишина. Было очевидно, что французы чувствуют себя здесь в полной безопасности.

– Гребите обратно! – приказал Белли. – Да навалитесь!

В каюту к себе он велел звать лейтенанта Сытина.

– Ты у меня Ваня удалец, а потому и дело тебе поручаю удалое! – сказал Белли. – В гавани шебека. Возьмешь ее, тебе ей и командовать!

– А чего не взять-то! – даже удивился Сытин. – Знамо дело возьмем!

Кликнули охотников. Как стемнело, двинулись в поиск. Ночь выпала темная, лил проливной дождь, но это было даже на руку. Вперед устремились пять шлюпок. Сам Сытин вел головную. Поодаль встала шхуна "Экспедицион". Если что-то пойдет не так как следует, она пушками и поддержит, и прикроет. Однако поддерживать и прикрывать в этот раз не пришлось. Шлюпки уже подошли вплотную к покачивавшейся на волнах шебеке, а там еще всюю спали и только тогда, когда солдаты с матросами уже влезли со всех сторон на палубу, проснувшаяся вахта начала кричать тревогу, но это было уже поздно. Кричавших быстро успокоили прикладами, остальная команда в шесть десятков человек так и осталась сидеть в трюме, только теперь уже под замком и крепким ка-

раулом. Сытин самолично поднял над захваченным судном заранее припасенный Андреевский флаг. Весь захват прошел без единого выстрела и без единой жертвы. Такое бывает разве, что в сказках, да еще тогда, когда за дело берутся русские моряки. К утру шебека была уже у борта флагманской "Азии". Звали захваченное судно "Азард". Под таким именем судно вошло и в состав российского флота. С тех пор вошло в русский язык и слово "азарт", слово легкое отчаянное и веселое!

Спустя день, выяснив через лазутчиков, что в Бокко-ди-Катторо нет ни французских береговых батарей, ни гарнизона, Белли смело вошел всем отрядом в городскую гавань. Приход неизвестных судов всполошил бокезцев. Ударил набат. Весь город с оружием кинулся к набережной. Но вот порыв ветра развернул кормовые флаги, и единый дружный крик восторга потряс Катторо:

– Это пришли русские!

Австрийцы же, завидев русские флаги, всполошились. Приход судов под Андреевским флагом, разом перечеркивал все их хитромудрые расчеты. Белли предъявил австрийцам ультиматум с требованием о передаче бокезцам Герцеговины и других крепостей Катторской области.

– По какому-такому праву? – возмутились австрийцы.

Капитан 1 ранга терпеливо объяснил:

– Несмотря на отсутствие войны между нашими державами, мое требование юридически верно, ибо здешний край уже не является австрийским, потому как уступлен вами Наполеону! А потому сдайте ключи от крепостей капитанам местных коммуниатов. От себя могу лишь гарантировать вашему гарнизону неприкосновенность и возможность вернуться морем домой! На раздумье даю два часа!

По прошествии двух часов на "Азию" прибыли парламентарии.

– Мы не можем выполнить ваших требований, так как письмо адресовано не полномочному представителю австрийского двора маркизу Гизильери, а всего лишь местному коменданту! – заявили они.

– Хорошо! – невозмутимо пожал плечами Белли. – Я напишу еще раз! Но срок ультиматума теперь будет всего лишь час!

В городской ратуше, где размещался австрийский штаб, царила паника. Венский представитель Гизлиери был на грани припадка.

– Мчитесь как можно быстрее навстречу французам! – кричал он, брызгая слюной, толпившимся подле чиновникам. – Пусть торопится сюда, а я пока потяну с русскими время!

По приказу Гизлиери наши были оповещены, что австрийская сторона принимает все условия ультиматума, однако просит еще время подумать.

– Что-то долго они думают! – сказал вслух Белли и не поверил.

Гизильери он велел передать, брови сурово насупив:

– Австрийская сторона, по-прежнему, не спустила с крепости своих флагов! На это вам остается еще четверть часа, а потом пеняйте на себя!

– Дайте по нам хотя бы один холостой выстрел! – взмолились австрийцы. – Тогда мы сможем оправдаться, что уступили вам крепость в бою!

– Этого не будет никогда! – отрезал Белли. – Мы с Австрией не воюем!

– Тогда примите от нас крепостные ключи! – попытались хотя бы так выкрутиться австрийцы.

– Этого тоже не будет! – покачал головой капитан 1 ранга. – Ключи передадите местным старейшинам!

Ровно через пятнадцать минут он начал высадку на берег. Россиян встречали, как самых дорогих друзей. В их честь звонили колокола и отслуживались молебны, солдат и матросов до упаду закачивали на руках, а затем уже в усмерть поили молодым вином в бесчисленных портовых шинках.

– Так я скоро совсем без войска останусь! – даже забеспокоился Белли, глядя на нескончаемые сцены бурного братания.

– Это не страшно! – заверили его городские старшины. – Это так надо!

– Ну, ладно, – согласился с ними капитан 1 ранга. – Если надо, значит надо! Три дня гуляем, а потом за дело!

Однако внезапно с брандвахтенной шхуны доложили:

– Со стороны моря парус! Похоже военное судно!

Однако тревога оказалась ложной. Возмутителем спокойствия оказался "Венус", который за это время успел обернуться от Корфу до Новой Рагузы и вот теперь, наконец-то, догнал свой отряд.

– Как раз кстати! – обрадовался Белли.

Офицерам и матросам "Венуса" не разрешили даже сойти на берег. Белли был очень озабочен тем, что сенат Новой Рагузы пропустит через свои владения французские войска, снабдит их всем необходимым. Чтобы не допустить этого они вместе с митрополитом уже выслали отряд черногорцев к рагузинской границе. А для того, чтобы неприятель не переправился в Рагузу морем, Белли и решил отправить "Венус". За одно фрегат должен был доставить в Рагузу и графа Войновича, на которого была возложена непростая миссия побудить сенат отказаться от помощи

французам. Одновременно на Корфу к Сенявину с донесением ушла и шхуна "Экспедицион".

Над крепостями поднимались трехцветные русские флаги. Первой подняла сине-бело-красный триколор крепость Катторо, за ней Каstell-ново и Испаньола, следом Будуя, Сан -Стефано, Тринита и Порто-Россо.

Черногорцы в восторге кричали:

– Кто есть витязь! Да здравствует Русь!

Современник писал об этом событии слова восторженные: "Итак, в первый раз водрузился орел Белого царя между славянскими народами, соединенными верою, языком, но разделенными неизмеримым пространством! Заря утешительной надежды воссияла перед ними и что предполагалось было Петром Великим, то выполнено Александром! Нельзя изобразить восхищения сего вновь приобретенного народа, покорившегося не оружию, но влечению сердец своих, видевшего в подданстве России торжество своих желаний, торжество своей веры".

Тем временем старейшины и капитаны комунитатов решили просить русских братьев разрешить им принять присягу на верность России. Своих депутатов они отправили к местному российскому консулу Санковскому и митрополиту Черногории, являвшемуся одновременно и религиозным, и светским правителем этого маленького горного государства. Консул и митрополит дали на то свое согласие. Правда, митрополит Петр Негуш несколько удивился просьбе старшин приморских селений.

– Народ Черной Горы уже более девяноста лет считает себя подданными России, чего же нам присягать ей еще раз! – сказал он прибывшим депутатам.

Впрочем, Негош немедленно велел готовиться к войне с французами и выгнать из Цетина, стоявший там небольшой австрийский гарнизон.

– Это еще почему? – возмутились, было, австрийцы.

– На территории России вам делать нечего! – ответили им.

Вообще-то, черногорцы хотели всех австрийцев сразу и поубивать (чего откладывать хорошее дело на потом!), но Белли, прослышав об их намерении, упросил митрополита все же отпустить бывших российских союзников живыми и здоровыми. Черногорцы нехотя, но согласились. Дважды упрашивать австрийцев не пришлось. Они не просто ушли, они бежали, бросив даже ружья...

Затем черногорский митрополит прибыл на "Азию". Большой корабль Негошу понравился, особенно долго осматривал он пушки.

– Если бы такие вокруг нашей горы поставить, мы вообще могли бы и ружей в руки не брать! – сказал он Белли с нескрываемым уважением.

Затем митрополит и Белли убыли на берег. Там их уже встречали хлебом и солью. Десятитысячная толпа кричала:

– Да здравствует Александр, царь наш белый!

– До веки поживает наш Александр!

Митрополит вышел перед народом:

– Мы стоим на краю гибели! Бездна под ногами нашими! Отечество в опасности! И одна стезя остается нам к свободе вместе с Россией: меч и храбрость ваша покажут вам ее!

Седые воины плакали от избытка чувств.

Катарская область вместе с Черногорией, будучи всегда преданны России, отделены от захваченной французами Далмации пока еще независимой Рагузинской республикой и через Герцеговину они примыкают к Сербии. Занятие Катторо и Черной Горы давало Сенявину огромные выгоды. Имея отныне в Катторо безопасную гавань, держащую под контролем всю Адриатику, командующий российской Средиземноморской эскадрой одновременно получал двенадцатитысячный корпус опытейших и преданнейших славянских воинов, а кроме этого переносил театр войны от Корфу к Далмации.

К третьему дню нескончаемое веселье несколько спало, и город понемногу начал возвращаться к нормальной жизни.

Немедленно в поддержку Белли был отправлен на транспортах Витебский мушкетерский полк с полевыми орудиями. А еще через сутки из Корфу с фрегатом прибыл и сам Сенявин, не утерпевший, чтобы собственными глазами не посмотреть на занятый Белли город.

Командир отряда в парадном мундире встречал вице-адмирала прямо на причальной стенке. Рядом с ним митрополит Черной горы Петр Негош, знатнейшие из горожан. Неподалеку переминался с ноги на ногу, и австрийский губернатор еще не изгнанный, но уже никому не нужный. Отсалютовав, как и полагается по этикету, шпагой, Белли доложил о содеянном по всей форме. Сенявин сиял от радости. Обняв капитана 1 ранга, он затем долго троекратно расцеловывался с пришедшими его встречать бокезцами.

БИТВА ЗА ОСТРОВА

Не имея солидных регулярных сил, чтобы противостоять французам на суше, Сенявин все же успел овладеть не менее важным, чем Рагуза портом, спутав при этом все карты, как австрийцам, так и французам. Теперь свое внимание Сенявин обратил на острова Корцула, Хвар и Брач,

лежащие у берегов Далмации. Острова эти были столь малы, что и не на всех картах их рисовали, однако при этом были важны стратегически, ибо контролировали подходы к побережью.

– Куда мне поворачивать форштевни кораблей? – поинтересовался у командующего всегда деловой Белли.

– Тебе, Григорий Иванович, дело у меня всегда найдется! – усмехнулся Сенявин. – Двинешься сейчас же к лежащим против Далмации островам и овладеешь ими. На борт примешь для этого сотни три черногорцев. Я же, вернувшись на Корфу, отправлю тебе оттуда еще два-три егерских батальона.

– Справлюсь! – как всегда мотнул головой Белли. – Нам не привыкать!

Вскоре Белли с линейными кораблями "Азия" и "Ярослав", и шебекой "Азард", преодолевая свежий востовый ветер, уже подходил к острову Курцало. На острове французская крепость и приличный гарнизон. Остров невелик, но положение его чрезвычайно важно. Курцало контролирует все побережье Далмации и владеющий им, владеет подходами ко всем портам. Стратегическое положение острова оценил в свое время еще римский император Дамициан, который держал на нем всегда сильный гарнизон,

Первыми открыли огонь французы, но ядра ложились с недолетом. Когда же наши подошли вплотную к берегу и "Ярослав" дал полновесный залп всем бортом. Крепость яростно отвечала. Тогда Белли поднял сигнал: "Сблизившись на пистолетный выстрел, класть якоря". Один за другим Ярослав, "Экспедицион" и "Азард" приближались к крепости, пока их днища не начинали скрести об дно, только тогда отдавались стальные якоря и сразу же начинался обстрел. Прошло не более получаса как все пушки со стен были сбиты. Теперь неприятель мог отбиваться лишь редкими ружейными залпами. С французами вроде бы разобрались, разобраться с природой оказалось гораздо сложнее. Из-за сильного ветра и плохого грунта судам все никак не удавалось удержаться на якорях. Те тащились по грунту и суда все время сносило.

Утром следующего дня Белли послал в крепость парламентаря с предложением о сдаче. Французы ответили отказом. Тогда на берег пошел десант. В кипенье прибоя одна шлюпка за другой свозили людей и припасы. Две роты морских солдат со знаменем и барабанами замаршировали прямо к крепостным воротам.

– Счас постучим ханцузам в калиточку, пущай отворяют! Мы гости званые! – смеялись они, забивая в стволы круглые свинцовые пули.

С другой стороны острова маневрировала "Елена" с девятью купеческими судами. У бортов судов плясали на волнах шлюпки. Белли обманывал врага, пытаясь показать ему, что готовится высадить еще один десант, которого, увы, у него не было. Ложную высадку прикрывал огнем только что подошедший с Корфу "Летун". Да и остальные корабли не оставляли своих пушек без дела.

В два часа пополудни французы выбросили белый флаг. Гарнизон строем вышел из крепостных ворот и молча сложил оружие на обочине дороги. Никаких условий для себя французы не выдвигали. Писари не успевали записывать в шнуrowые "трофейные тетради": подполковник – 1, капитанов – 2, офицеров – 5, унтер-офицеров – 20, барабанщиков – 5, рядовых – 227, пушек – 12, трехмачтовая требака – 1, прочих судов – 8.

Едва смолкли выстрелы появились и напуганные жители острова. Узнав, что пришли русские они тотчас заявили, что хотели бы с радостью присягнуть на верность России. Они же рассказали, что несколько десятков французов находится и на небольшом островке Лиссе, что был неподалеку. Захватить остававшихся в неведении "робинзонов" был посланы "Азард" и "Экспедицион". Дорогой они умудрились захватить еще в плен шебеку с подкреплением для Курцало.

– Кажется, мне крупно не повезло! – расстроился капитан француз, когда у него отобрали шпагу. – Теперь мне никогда не выбиться в бригадные генералы!

– Напротив, повезло! – заверили его наши, шпагу забирая.

– От чего же?

– За полчаса бомбардировки мы перебили здесь девяносто человек! Так что ваше подкрепление мы перебили бы в четверть часа!

– Что ж, нет худа без добра! – согласился француз и сразу успокоился.

Комендантом Курцало был определен подпоручик Воейков с полуротой солдат. Подпоручику едва стукнуло восемнадцать, и настоящий бой был для него первым.

Белли нервничал, понимая, что этого явно недостаточно для удержания острова, но больше войск у него просто не было.

– Боязно мне, что-то! – честно признался поручик Белли, когда тот наставлял его, как править крепостными делами.

– Где ж я тебе генералов на все дела наберу! – покачал головой капитан Гранга, приободряя юношу. – Когда-нибудь начинать-то надо! Справишься!

В последующие несколько дней отряд Белли устроил настоящий погром в местных водах и захватил полтора десятка судов с припасами.

Теперь перед Белли был остров Хвар. Шторм долгое время не давал подойти близко. К тому же, узнав о захвате Курцоло, французы успели изготовить к обороне местную крепость Лезину. Ночью высадили десант, чтобы к рассвету поставить батарею. Французы движение шлюпок заметили. Началась перестрелка, когда противники обнаруживали друг друга лишь по пушечным и ружейным вспышкам. Мичман Иван Харламов и корсар Лазарь Жуанович были дерзки и удачливы. Французов они вскоре заставили замолчать. Батарею ставил артиллерии унтер-лейтенант Палеолог, потомок последних византийских императоров. Десант возглавил штабс-капитан Скоробогатов, ветеран итальянского и швейцарского походов. Когда-то Скоробогатов, одним из первых, прорвался на знаменитый Чертов мост, за что удостоился похвалы самого Суворова. Теперь он был снова впереди. Десантники ворвались за ограду католического монастыря, где на них обрушились французы. Силы оказались неравными. Пришлось отходить. Как назло, с моря нашел туман, и корабли прекратили заградительный огонь. Французы, наоборот, приободрились и навалились уже всеми силами. Скоробогатов со старыми солдатами прикрывали отход шлюпок.

– Матвеич! Бросай все, еще успеешь! – кричал ему с последней шлюпки мичман Сашка Башуцкий.

– Поздно! Уже поздно! – отмахнулся тот. – Уходите скорее сами!

Штабс-капитан Скоробогатов пал на штыках у уреза воды. Уже умирая, он сумел вырвать из раны окровавленный штык и крикнул, ободряя своих ветеранов:

– Не жалей, робяты, мы свое пожили! Пусть теперича другие поживут!

Десант обернулся неудачей. Несмотря на то, что французы тоже понесли большие потери, принудить к сдаче местную крепость так и не удалось. Белли пришлось оставить мысль о захвате крепости. В течение еще нескольких дней наши все же обстреливали ее, а "Азард" с "Экспедиционом" успешно выдержали бой с семью французскими судами, пытавшимися было прорваться к острову. К этому времени на кораблях стала заканчиваться вода, и Белли пришлось отойти от Хвара.

Настроение у него было мрачным. Однако и захват Курцоло был уже большим успехом, ибо он наглухо перекрывал все французские морские сообщения. Для прикрытия острова осталась "Азия" и "Азард". Теперь надо было ждать помощи и отбивать остров снова.

Тем временем Сенявин, держа флаг на "Селафаиле", по пути из Триеста в Катторо повернул на захваченное Курцало. Командующий хотел сам взглянуть на приграничный остров и усилить на всякий случай его гарнизон. В струе "Селафаилу" держались "Святой Петр" и фрегат "Автроил".

– Ваше превосходительство! На горизонте Курцало! – доложил ему генеральс-адъютант.

– Добро! – Сенявин поднялся на шканцы.

Адъютант подал ему зрительную трубу. Вице-адмирал приложил ее к глазу и долго вглядывался вдаль.

– Что-то ничего не пойму! – опустил он трубу. – Над крепостью нет Андреевского флага! Может я что-то не разглядел.

За трубы взялись и другие офицеры, но и они ничего не увидели.

– Странно, очень странно! – хмурился командующий. – Курс на крепость! Скоро все выясним!

Когда же до крепости оставалось не более двух кабельтов, на кронверке внезапно развернулся на ветру трехцветный французский флаг и над головой просвистали пушенные ядра.

Подошли корабли Белли. Выслушав его доклад, Сенявин покачал головой:

– Флот у нас есть, а вот сухопутных сил кот наплакал! Давай, Григорий Григорьевич бери остров снова!

Пока Белли маневрировал около Курцало, вице-адмирал захватил все стоявшие под берегом неприятельские транспорты. Затем Белли начал бомбардировку и высадил новый десант. Однако поутру крепость оказалась пуста. Французы, поняв, что развязка близка, бросив все, ночью бежали на рыбачьих лодках на рагузский берег.

Сбив замок, из подвала вызволили Воейкова с солдатами. Подпоручик плакал навзрыд:

– Первый бой и такой афронт! Что мне теперь делать? Как смыть позор?

Белли, похлопав по плечу, успокоил мальчишку:

– За битого двух не битых дают! Главные бои у вас, юноша, еще впереди, а потому готовьтесь к ним! Теперь вы опытный воин!

Губернатором острова Сенявин утвердил старого графа Гризогона, бывшем таковым еще при австрийцах.

– Когда и куда высылать подати? – деловито осведомился первым делом опытный граф.

– Никаких податей! – отмахнулся Сенявин. – Все доходы оставляйте в свою пользу!

– Неужели такое бывает? – поразился старик.

– Бывает! Бывает! – усмехнулся вице-адмирал. – У нас в России все бывает!

Вскоре Белли снова отличается при блокаде Новой Рагузы и Пароса, захватывает два крупных французских транспорта с припасами. Поэтому не случайно, что именно Белли, как одному из наиболее отличившихся офицеров эскадры было поручено принять под команду трофейный корабль «Селафаил» (бывший «Сед-аль-Бахр»), захваченный в Афонском сражении.

В 1807 году за свои восемнадцать морских кампаний Белли получает Георгиевский крест, а год спустя его отзывают в Россию. Император Александр I, резко поменяв политический курс, заключил союз с наполеоновской Францией. Моряки же, воевавшие несколько лет кряду с новыми союзниками, были ему нынче как бельмо в глазу, потому и убирали их подальше. Сначала избавились от Сенявина, а затем и от его боевых капитанов. Новый морской министр Чичагов одним росчерком пера вернул французам все ранее завоеванные русскими моряками трофеи: знамена, пушки, корабельные флаги, выпела. С Белли же у французов были особые, старые счеты... Историк отечественного флота Ф. Ф. Веселаго пишет о расправе с героем Неаполя: «...Французам не нравилось, что один из командиров кораблей русской эскадры был англичанин Белли, причем и сам Сенявин не избежал обвинения в близких и частых сношениях с англичанами»

Так начались для капитана годы забвения и бездействия. Первое время он жил в Петербурге, затем перебрался в Москву, а после и в Саратов.

Вынужденную отставку прервало лишь нашествие 1812 года. Тогда-то и вспомнили об опальном Белли. Черноморскому флоту были необходимы опытные моряки. Не исключались боевые действия с французским флотом. И вновь под началом капитана его «Азия». Снова боевая учеба, походы и шторма. Когда же над истерзанной Европой улеглись военные вихри, Белли был переведен командиром 59-го флотского экипажа. В марте 1816 года он получает контр-адмиральский чин, а в следующем году принимает команду над 3-й бригадой линейных кораблей.

До самого последнего дня своей жизни старый моряк выводил в море корабли. Год 1821-й был для него последним...

...В 1913 году на Путиловской верфи был заложен эскадренный миноносец «Капитан 2 ранга Белли», а в 1918 году в командование этим кораблем вступил «военмор» впоследствии контр-адмирал и профессор Военно-Морской академии Владимир Александрович Белли – прямой потомок славного капитана!

В середине 20-х годов сверхреволюционное морское начальство переименовало «Капитана Белли» в «Карла Либкнехта», который уж точно принес славы нашему флоту больше, чем Белли!

Адмирал флота Н.Д. Сергеев одну из наших с ним встреч рассказал мне историю, согласно которой профессор В.А. Белли до самой своей смерти в 1981 году бережно хранил телеграмму, датированную 30 апреля 1945 года. Текст её был такой: «Вчера в 9.15 на Кильдинском плесе «Либкнехт» утопил немецкую лодку. Поздравляю! Ваш доблестный предок снова послужил Отечеству. Нарком ВМФ Кузнецов».

Удивительны судьбы корабельные! Удивительны судьбы людские...

СТАРАТЕЛЬНЫЙ ПУСТОШКИН

Был на исходе апрель 1783 года и новгородские дороги тонули в непролазной грязи. В одинокой коляске, что едва тащилась по разбитой колее, сидел молодой розовощекий человек. На коленях он держал огромную треугольную шляпу с пышным плюмажем. То был лейтенант российского флота Пустошкин. Не далее, как несколько дней назад получил он от маменьки тревожное письмо и вот теперь торопился из Кронштадта в родовое сельцо Чернецово. Мать просила сына о срочном приезде, причиной тому была тяжелая болезнь отца.

Вот, наконец, и родные косогоры, деревушка, старый деревянный помещичий дом на пригорке. Отец уже не мог выйти встретить сына, лежал в пинах, обессиленный старостью и недугами.

Всю неделю провел Семен подле него: поправлял подушки, поил чаями и настоями. Незадолго до кончины Афанасий Федорович призвал к себе сына:

– Благословляю тебя на верную службу, на радость и счастье в жизни!

Затем велел жене принести старинный хрустальный штоф с голубями, лавровыми венками и надписью: "Непременно".

– Сын мой, Сеня – сказал старик, плача. – Даю тебе сей скудельный сосуд, что возвращен нам из степей южных, куда ноне и ты служить едешь. Принадлежал он брату моему Митрию, что погиб под крепостью Очаковом в войну турецкую. Друзья переслали мне сей сосуд как память. Возьми его с собой наудачу. Знай, что за богом молитва, а за царем служба никогда не пропадают! Да помни, что мы Пустошкины, не из блистательных, но из старательных!

Голова старика бессильно упала в подушки. Рядом вытирала слезы платком мать Евдокия Макарьевна...

В ПОТЕ ЛИЦА СВОЕГО...

Путь лейтенанта Пустошкина лежал через всю Россию в далекий и неизвестный Херсон. Семен имел притом задание особое, важности чрезвычайной! Вел он в далекие херсонские степи партию рекрутов. Дело это

в те времена было настолько многотрудным, что тем из начальников, кому удавалось довести дать больше половины людей давала ордена как за боевые подвиги, ну а кто умудрялся малую часть потерять, тех знали поименно, а Семен Пустошкин не потерял ни одного человека... Черноморский флагман Федот Клокачев самолично перед всеми целовал смущенного лейтенанта.

– Будешь состоять при мне! – объявил он Пустошкину.

– В чем же будет у моя обязанность? – спросил тот.

– Дел всем хватит! – отвечал вице-адмирал. – Мы ведь целый флот строим – Черноморский!

А вскоре на Херсон обрушилась беда, сравнимая, разве что набеge татарским. Имя ей было – чума. Люди вымирали тысячами. Смерть не щадила никого: от молоденьких рекрут до седых адмиралов. Умер и первый черноморский флагман Клокачев, не стало многих иных знающих и опытных. Но, несмотря на все потери, работы не прекращались ни на день. Круглосуточно строились верфи и на них тут же приступали к закладке кораблей и судов. Время не ждало, и дорог был каждый день!

Новый черноморский начальник вице-адмирал Сухотин был немногословен и строг. Едва первые корабельные корпуса закачались на днепровской волне, тотчас зачитали его приказ о начале первой морской кампании» Семен Пустошкин получил назначение на корабль с громким именем "Слава Екатерины".

– Хватит по речкам прятаться, пора учиться штормовать в морях открытых! – напутствовал Сухотин своих питомцев.

Первые походы и первые испытания свежим ветром и волной Жак первая любовь, память о них остается на всю оставшуюся жизнь! Уже через год Семен был аттестован как исправный и старательный офицер, которому можно поручить самостоятельное дело.

Наградой за труд стал маленький номерной транспорт. И пусть пушек на нем не было вовсе и команды всей полтора десятка, но был на этом суденышке Семен уже полноправным капитаном, а от того гордости его не было предела. Как лихо входил он тогда на Ахтиарский рейд, как лихо швартовался. Знай, мол, наших!

В мае 1786 года Пустошкин внезапно был вызван в Херсон. Принимал его главный командир черноморских портов контр-адмирал Николай Мордвинов – прекрасный администратор, но неважный флотоводец, известный либерал, но капризный барин и сибарит, Пустошкин Мордвинову нравился своей хозяйской основательностью и служебным старанием.

– Ну, Семен, почисть кафтан да готовая. Представлять тебя самому светлейшему буду! – огорошил он прибывшего лейтенанта.

– За что ж честь такая? – изумился, озадаченный таким оборотом дела, Пустошкино

– Придет время узнаешь! – уведомил его Мордвинов.

Прием у Потемкина был недолог. Расспросив в нескольких фразах о служебном пути, князь сказал оробевшему моряку:

– Назначаю тебя капитаном фрегатским. Задание же будешь иметь весьма необычайное и опасное. Рекомендации от Николая Семеновича имею на тебя хвалебные, посмотрим в деле!

Только когда вышли с Мордвиновым от князя, рассказал контр-адмирал Пустошкину о сути его нового назначения. Дело в том, что по Кучук-Кайнарджийскоиу мирному договору, между Россией и Турцией, последняя открывала черноморские проливы для русских торговых судов. Это турок, разумеется, устраивать не могло. А вот для того, чтобы отвести предприимчивых московитов от южных морей, турки нашли выход. Турецкий регулярный флот торговые суда не трогал, зато в лабиринте эгейских островов их сторожили алжирские и тунисские пираты. Так буквально в течении какого-то месяца были разграблены два наших купеческих судна. Россия требовала объяснений. Турки дожимали плечами, все сваливая на африканских разбойников. Для выяснения всех обстоятельств этого запутанного дела и было решено отправить в Средиземное море "торговый" фрегат "Пчела".

– На живца посылаем! – напутствовал лейтенанта Мордвинов. – Сделаешь все как должно, честь тебе и хвала! Инструкции получишь у нашего посла в Константинополе!

– Справимся! – отвечал ему Пустошкин – Пчела, она не только трудится отменно, но и жалит крепко!

Перед выходом в море Семен спрятал часть пушек в трюм, завалив их товаром купеческим. Трудности были и с командой турки не разрешили брать на борт более четырех десятков человек.

В первый день июня "Пчела" бросила якорь на Константинопольском рейде. Приехала турецкая таможня, чтобы осмотреть судно и груз. С этим управились легко. Пустошкин молча дал таможеннику увесистый кошелек с золотом. Турки так молча раскланялись и съехали на берег. Сам же капитан фрегата тотчас отправился к российскому посланнику Булгакову. Тот передал секретные инструкции. На словах ж велели, пройдя проливы, немедленно ставить все пушки и пополнять команду за счет местных греков.

И вот позади Дарданельские теснины. Команда увеличена за счет греческих волонтеров, пушки грозно смотрят в горизонт, паруса полны ветра. Вперед!

Булгаковские инструкции предписывали помимо всего прочего тщательную разведку турецких портов и приморских крепостей. Неукоснительно следуя от острова к острову, Пустошкин прочертил замысловатым зигзагом все Эгейское море: за Тенедосом Лемнос, за Митиленом Хиос, за Паросом Наварин. Все увиденное и услышанное записывал лейтенант в особый журнал тщательно.

Затем был дерзкий бросок к африканскому берегу, подразнить пиратов. И хотя алжирцев так и не встретили, но по прибытии в Марсель от местных шкиперов стало доподлинно известно, что разбойники Пустошкина искали, но разминулись в море. Сумел достать лейтенант в Марселе и важные документы, подтверждавшие, что султан всячески поощряет нападения на русские торговые суда, награждая при этом отличившихся! Донимая большую важность своих известий для всей российской внешней политики, Пустошкин тотчас отсылает, письмо на имя посла нашего при Версальском дворе Смолина, «писанное цифирным шифром».

Тем временем, разгрузив судно, лейтенант заполнил трюм обратным грузом: французской водкой да сахаром. Пока же решались дела портовые, задумал Пустошкин посетить как частное лицо Тулон, важнейшую французскую крепость на Средиземноморье.

Остановившись в недорогой гостинице, отправился осматривать город. Обедал в попавшемся на глаза трактире. Соседом по столу оказался французский артиллерийский поручик. Увидев, что обед у француза весьма скуден, предложил ему Пустошкин распить с ним бутылку вина, что и было с радостью принято. Дальнейшие прогулки по городу они уже продолжали вдвоем. Осмотрели гавань, порт и доки. Поручик у него то и дело допытывался:

– Если бы ты с моря на крепость напал, как бы стал корабли расставлять?

Пустошкин отвечал и, в свою очередь, интересовался:

– А ты, друг сердешный, как бы пушки свои стал ставить, когда бы посуху пришлось сию фортецию брать?

Француза интересовало, какие льготы получают иностранцы, на русскую службу поступающие, спрашивал, не перейти ли ему. На прощанье подарил он Пустошкину две камышовые трости, а потому как денег у дарителя не водилось, то расплачиваться за подарок пришлось самому одариваемому. На том и расстались. Имя артиллерийскому поручику было Наполеон Бонапарт, и никому ни о чем еще не говорило...

Подаренные Наполеоном трости Пустошкин хранил до конца своих дней, впоследствии с удовольствием показывая друзьям, как курьезный эпизод своей молодости.

На обратном пути из Марселя в Севастополь "Пчела" встретила с пиратской шебекой. Но первый же точный залп убавил прыти у африканских разбойников, и преследователь тотчас превратился в убегающего.

Успешное исполнение столь опасного и важного поручения не осталось без внимания начальства и Пустошкину вскоре по прибытии вручили патент на капитан-лейтенантский чин.

А затем была война долгая и кровавая. Семену Пустошкину, однако, отличиться в ней не удалось. Капитан-лейтенанта ждало иное поприще. Как знатока дел канатных и парусиновых, его отправили его комиссионером в далекое местечко Киричев, что в губернии Могилевской на канатную фабрику помещика Гольинского. Шесть с лишним лет отбыл Пустошкин в Киричеве, добротность канатов да брезентов проверяя. Там и чин следующий получил, там и судьбу свою встретил – девицу Софью Федоровну, дочь местного полковника Зернигаузена.

– Друзьям он в те год ыговорил:

– Трудимся в поте лица своего! И пусть труды наши не видные, зато флоту зело нужные!

Отозвали Семена Афанасьевича к флоту лишь тогда, когда решено было в самом Херсоне канатную фабрику строить. Надо ли говорить, как радовался Пустошкин, что о нем наконец-то вспомнили.

– Думал я уже, что и смерть приму в сиих чащобах! – восторженно сообщил он жене, с бумагой о своем переводе ознакомившись! – Ан, нет! Значит, поплаваем еще по хлябям зыбким!

И снова неприметная и кропотливая работа, ведь фабрику херсонскую приходилось создавать на голом месте. А едва старательный капитан 2 ранга поставил дело канатное, отрядили его на якорное. Мотался Семен Афанасьевич по заводам ижевским и боткинским, добивался, чтоб железо шло на Черноморский флот качества первостатейного.

Вскоре о Пустошкине заговорили как об опытнейшем хозяйственнике, к тому же и бескорыстном, к которому и полушка не пристанет. И снова назначение. На этот раз высокое и почетное – капитаном Севастопольского порта с чином капитана 1 ранга.

Перевоз Семен Афанасьевич туда из Херсона семью, выстроил дом. У Пустошкиных всегда весело: детишки по комнатам бегают, стол накрыт щедро и каждому гостю рады» Сам хозяин от интриг да шептаний подалее держится. Всех всегда выслушает, улыбнется и тарелку ближе подвигает:

– Прощу от нашего стола отведать, а словесные поносительства дело пустое и никчемное. Все перемелется!

Наверное, поэтому Пустошкина уважали все: и чопорный, осторожный Мордвинов, и своенравный, злой на язык Ушаков.

До нас дошло описание внешности и характера Пустошкина. Вот оно: "С.А. Пустошкин был среднего роста, строен собою, имел прекрасные и приятные черты лица, в которых ясно отражалась доброта души, и всегда играл свежий румянец. До самых последних дней жизни сохранил он свежесть чувств, твердую память и светлый ум, украшенный многолетней опытностью. Счастливая наружность его, невольно привлекала к нему любовь и почтение. Он постоянно отличался веселым и кротким нравом; был терпелив и умел управлять собою; имел нежное и чувственное сердце, но никогда не предавался до излишества, ни радости, ни печали; любил помогать всякому, кому и как мог. В обществе был любезен и приветлив; отличался искренностью в разговорах, непринужденным и ласковым обращением. Будучи верным исполнителем... он требовал того же и от своих подчиненных, которыми был любим как начальник, и как отец и друг». Много ли мы найдем в анналах нашей истории столь трогательных и искренних описании человеческих качеств?

Последний год восемнадцатого столетия принес Пустошкину долгожданное участие в боевых делах. Высочайшим указом велено было спешить ему в Николаев, где собрать транспортную флотилию. Император Павел Первый заступился за битого французами неаполитанского короля и пообещал ему прислать в помощь три гренадерских батальона.

Вот и Николаев. Времени на особую подготовку к длительному плаванию уже не было. Под свое начало Пустошкину пришлось брать все, что было под рукой – и старое, и гнилое. Генерал Бороздин, гренадерский начальник, при посадке заметно нервничал:

– Насколько опасным будет сие путешествие?

– Пусть вас успокоит то, что тонуть станем с вами вместе! – отвечал ему, улыбаясь Пустошкин. – Не переживайте! Доставим как в почтовой карете в целости и сохранности. Ну, а за качку уж не обессудьте! Царю морскому "ура" покричать никогда не грех!

29 сентября 1799 года закончили посадку десантных войск, а 12 ноября Пустошкин уже вводил свою флотилию в только что освобожденный Ушаковым порт и крепость Корфу. Там флотилия стала на зимовку, приводясь в порядок и латая изношенные суда. В марте следующего года Пустошкин завершил операцию и высадил гренадерские батальоны в южной Италии. Командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Ушаков, старый знакомец и

сослуживец Пустошкина, был его действиями весьма доволен. В своем приказе по эскадре он отмечал: «Гребного флота г. капитану 1-го ранга Пустошкину, за ревностное и усердное старание, прилежность и скорое выполнение в доставление... войск... при противных погодах, успешно и благополучно, за высаживание оных в Отранте.... отношу признательнейшую мою похвалу и благодарность; также похваляю ревность и усердие его... за исправное доставление оных войск... до Корфу в прошедшее время глубокой осени, на судах не весьма благонадежных».

Приведши же обратно флотилию в Николаев в гораздо лучшем состоянии, чем он ее оттуда уводил, Семен Афанасьевич удостоился похвалы даже придиричивого Мордвинова: "Поздравляю Вас от всего моего сердца с благополучным возвращением. Вы можете почитать себя спасшимся после бурного плавания на ©удах гнилых. Мы сопровождали вас молениями, зная, сколь великим опасностям подвержены вы были».

Отдохнувши в семье и получивши первое адмиральское звание, был определен Пустошкин на испытания новых кораблей. Осенью 1801 года вывел он на чистую воду новостроенные 110-пушечный гигант "Ягудиил" и 66-пушечный "Варахаил". Попали в шторм. Корабли держались хорошо. По результатам похода контр-адмирал доложил севастопольскому начальству:

– Против прежних наших много имеют лучшего. Особо ж прекрасны на ходу, что птицы летят!

А жизнь продолжалась. Многочисленное семейство Пустошкиных перебралось из Севастополя в Николаев, где в то время определили к службе их главу. Купили дом с вишневым садом и беседкой, обвитой хмелем.

Софья Федоровна почти каждый год дарил мужу то сына, то дочь. Дружная семья Пустошкиных множилась за Марией Меланья, за Александрой Надежда с Семеном. Всего же детей было шестнадцать... Воспитывал их Семен Афанасьевич в строгости. Но ругани и побоев у Пустошкиных не знали, достаточно было, что глава семьи нахмурился, – это успокаивало самых занятых шалунов.

По воскресеньям Пустошкины прогуливались по городской эспланаде. Впереди Семен Афанасьевич с супругой под ручку, следом вся детвора: мал мала, меньше. Обыватели николаевские, в окошки выглядывая, судачили:

– Ишь, Пустошкины со своими цыплятами выхаживают, а Софья Федоровна чтой-то пополела, никак, опять прибавления ожидают!

ОТ АККЕРМАНА ДО АНАПЫ

Осенью 1806 года началась очередная русско-турецкая война. Тогда же Пустошкин снова был поставлен командовать гребными судами, которые и привел к Одессе. Там ему шлюпкой с берега передали пакет. Адмирал сорвал печати.

– Курс на Днестровский лиман! – объявил он своим капитанам.

– Есть! – коротко отвечали те.

Гребная флотилия, оглашая воды шумом весел, набирала ход к Аккерману – турецкой цитадели неподалеку от Одессы. Там уже вели бои сухопутные войска, во главе с дюком де Ришелье.

Как назло, внезапно ударил мороз, диковинка для этих мест.

– Топоры да заступы в руки! Марш на лед! – скомандовал Пустошкин.

Так, рубя ледяные глыбы и растаскивая их в стороны, канонерки пробивались к крепости. Внезапное их появление у крепостных стен поразило турок несказанно. Еще бы, ждать подобного подвига от своего флота гарнизону не приходилось, десятки ж русских канлодок, каждая из которых являлась маленьким фортом, делали надежды на успех обороны иллюзорными. Над турецкой цитаделью был незамедлительно поднят белый флаг.

– Не овладеть бы вам Аккерманом, если б не налетели эти черные вороны! – в сердцах бросил паша, сдавая свой ятаган Ришелье.

И хотя корпуса судов уже разваливались на глазах, а люди были изнурены до крайности, Пустошкин был доволен несказанно:

– Ладно получилось: и крепость взяли, и сирот на Руси не прибавилось!

Наградой контр-адмиралу Пустошкину за бескровную победу под Аккерманом была Анна 1-й тепени.

Всю зиму в поте лица команды латали свои изношенные канонерки, а по весне флотилия двинулась к следующей турецкой крепости – Килии.

Сбросив десант и поддержав пехоту точным огнем, моряки внесли достойную лепту в овладение и этой неприятельской твердыни.

А Пустошкин уже знакомился с секретным посланием морского министра Чичагова. Дело затевалось необычайное! Министр предписывал контр-адмиралу взять под свое начало лучшие корабли Черноморского флота, десантные войска и курс прямо на Константинополь. При входе в Босфор предполагалось сжечь брандерами турецкие корабли и дерзкой

атакой захватить турецкую столицу. Чичагов писал: "Вам представляется через сие способ приобрести государству бессмертную славу и себе воздвигнуть бессмертный памятник на вечные времена..."

Засучив рукава, Пустошкин тотчас принялся за дело. Еще бы, наступал звездный час всей его жизни! Корабельный состав готовил маркиз де Траверсе, десант – дюк де Ришелье. Они-то и принялись настаивать на отмене экспедиции.

– Даже если все удачно выйдет, то пользы от этого никакой! – горячился маркиз.

– Не осмеливаюсь отвадить наудачу честь и славу России! – вторил ему герцог.

Возражения ж самого Семена Пустошкина никто во внимание не принял. "Радетели" России в мнении рядового контр-адмирала не нуждались! Вняв советам черноморских маркизов, Чичагов Босфорскую экспедицию отменил. Пустошкина ж велел отправить куда-нибудь из Севастополя подальше, чтобы от горячности своей поостыл малость.

– Пусть отправляется на другой конец моря и берет крепость Анапу! – решили Траверсе и Ришелье.

– Анапу, так Анапу! – заявил контр-адмирал жене, с приказом ознакомившись. – Все одно воевать надо!

– Чем в деле сем руководствоваться мне? – испросил он у главного командира Черноморского флота.

– Благоразумием! Деятельностью и ревностью к службе! – был ответ.

Под начало Пустошкина отдали все лучшее, что было на Черноморском флоте: шесть кораблей, пять фрегатов, бриги и брандеры. Свой флаг контр-адмирал поднял на 110-иушечьем красавце "Ратном".

На рассвете 28 апреля 1807 года флот внезапно для турок бросил якоря подле анапского берега. Надворный советник Дандри при флагоносце и барабанщике, прибыл в крепость с предложением о сдаче. Турки с парламентарями разговаривать не пожелали.

– Что ж, – пожал плечами Пустошкин. – Вольному воля! Начинаем!

Вступив под паруса, эскадра подошла к берегу и открыла беглый огонь. Неприятель отвечал незамедлительно. Весь день над волнами стелились клубы порохового дыма, разгоряченные орудия не успевали окочивать едким укусом. И чем дальше, тем очевидней становилось, что турки начинает выдыхаться. Огонь их, поначалу кучный и прицельный, постепенно терял меткость и темп. Над городом то и дело взметывались ввысь костры пожаров.

А перед самым заходом солнца сюрприз – к флоту прибыл на бриге маркиз де Траверсе. Озадаченный Пустошкш уже готовился было сдать командование старшему по чину, но маркиз прислал шлюпкой письмо, объявив, что является здесь только гостем, а не начальником. Случай сам по себе редкостный для русского флота. Что-что, а "гостями" российские флотоводцы на полях бранных никогда не бывали! Но Семену Пустошкину, наверное, в эти часы было не до умствований особых. Посланные им передовые барказы уже всю мерили подходы к берегу. А только встало солнце, туда были высажены гренадерские батальоны. С развернутыми знаменами и барабанным боем они двинулись на крепость.

Видя, что нападающие настроены самым решительным образом, анапский Янычар-ага сам запросился на новые переговоры о сдаче. Но, как оказалось, это была уловка, едва десант остановился, крепостная артиллерия открыла по нему яростный картечный огонь. Снова прозвучал сигнал к атаке, и снова солдаты устремились на приступ. Поддерживая наступающих, вплотную к берегу подошли и корабли. Огонь их был все-сокрушающ! Анапский форштадт был разнесен буквально в щепки. Затем ядра начали крушить крепостные стены. Гренадеры еще и не подошли к крепости, как городские ворота внезапно распахнулись и оттуда повалили толпы турок.

– Никак контратакуют! – сжал кулаки Пустошкин. – Ставь пушки на картечь дрефгагельную! Будем пехоту выручать!

Однако спасти никого не пришлось. К изумлению русских моряков, турки бросились врассыпную, крепость была пуста. Но радоваться пока причин не было. В раскрытые ворота навстречу потоку убежавших в город уже устремился поток, иной. То разбойники-черкесы, чуя легкую поживу, бросились грабить пустую Анапу.

– Вот хищники! – возмутились на кораблях – Щас мы вам всып-лем!

И всыпали! Да так, что гордые сыны гор так же стремительно ретировались, как только что нападали. А в город уже вступали русские батальоны. Биограф Пустошкина Ф. Савваитов писал об этих незабываемых, минутах: "В это время посланный с фрегата "Воин" для занятия двух турецких судов храбрый мичман Неверовский, заметив, что неприятель удалился от прилегающей к морю стороны крепости, поспешил к берегу, взшел на бастион с шестью бывшими при нем матросами, и поднял на нем наш кайзер-флаг. Радостное "ура" всей эскадры огласило черноморские воды и приветствовало победоносного орла русского».

Остаток дня прошел в отыскании пороховых погребов и хлебных складов. Покоренную крепость осматривал уже с видом победителя сам маркиз Траверсе. Поучал Пустошкина, что и как надлежало бы лучше ему сделать. Тот по причине своей всегдашней спокойственности и почтительности не перечил, молча кивая головой.

Вскоре маркиз убыл обратно, а Семен Пустошкин, захватив в прибрежных водах еще с полдюжину груженых товарами призов и взорвав крепостные бастионы, повел эскадру в Севастополь. Навстречу кораблям вышел весь город. Так встречают только победителей! Пустошкин и его подчиненные были таковыми. Анапа – старое разбойниче гнездо, снабжавшая окрестные горские племена оружием и, подстрекавшая их к вражде с Россией, была уничтожена. Турция навсегда лишилась возможности возмущать приграничные народы.

Император Александр был приятно удивлен столь быстрым и удачным исходом экспедиции. После поражения на полях европейских войн, известие с берегов Черного моря радовало особо. По случаю анапской победы в придворной церкви служили благодарственный молебен.

ПОД ТРАПЕЗУНДОМ

Корабли Анапской эскадры еще только швартовались к причальным стенкам, а в Николаеве уже происходили события, которые скоро самым прямым образом коснулись Пустошкина. В столицу Черноморского флота, прибыл российский консул Рубо де Понтевезо, до войны находившийся в Трапезунде. С началом боевых действий консула арестовали, но затем, сменив гнев на милость, обменяли на какого-то важного пашу. Консул вернулся в Россию не с пустыми руками. Горя мщением, он горячо убеждал де Траверсе в легкости захвата Трапезунда:

– Войск в Трапезунде нет совсем, и даже тысячного десанта вполне хватит, чтоб овладеть крепостью, наведя на турок страх великий!

Маркиз сомневался. Но консул приводил новые и новые доводы:

– Помимо того твердо знаю, что тамошние христиане только и ждут, чтобы соединиться с нами. Вот и план крепости трапезундской имею, мною рисованный и карту рейда со всеми глубинами!

В общем убедил! Теперь и сам де Траверсе размечтался о новой победе. Когда же стал вопрос кого назначать начальником Трапезундской экспедиции, маркиз долго не думал:

– Конечно Пустошкина! Он старательный, он справится!

Самого контр-адмирала, естественно, о желании никто не спрашивал. Едва же корабль "Ратный" бросил якорь-дагликс в Севастопольской бухте, как Семена Пустошкина ждал уже новый ордер: готовить эскадру для похода к берегам трапезундским.

Нельзя сказать, что был контр-адмирал своим новым назначением доволен. Опытный моряк, он понимал, что Трапезунд – это не Анапа. Трапезунд – крепость первоклассная и с ходу овладеть ею нет никакой возможности, решать будет все длительная осада или кровавый штурм.

Отписал Семен Афанасьевич письмо жене о своих делах, порадовался известию о прибавлении в семействе и принялся снаряжать корабли в новый поход. Для атаки Трапезунда Пустошкину были дадены тридцать три вымпела. Погрузили десант: полтавских мушкетеров, егерей, полевую артиллерию.

31 мая в шесть утра при тихом норд-остовом ветре эскадра покинула Севастополь. Впереди кильватерной колонны под контр-адмиральским флагом линейный корабль "Ратный". За дозорное судно – шхуна "Экспедицион". Ее командиру Ивану Елизарову поручена задача, сложная и ответственная – передать трапезундскому паше предложение о капитуляции незамедлительной.

На подходе к Трапезунду завернул Пустошкин эскадру к небольшому порту Платан. Атака русских кораблей была внезапна и неотразима. В какие-то полтора часа все стоявшие в порту суда были перетоплены, а береговые батареи расстреляны напрочь. Пока Пустошкин громил Платанский порт, к Трапезунду подошел второй его посланец – бриг "Елизавета".

Капитан-лейтенант Хомутов передал местным властям еще одно предложение о сдаче. Бумагу доставил на яликке греческий волонтер Яни Пало. Прочитав ее, паша погладил бороду:

– Ведомо ли вам, что султан Селим уже свергнут, а новый наш падишах Мустафа обещал лишать жизни всех, кто сложит свой ятаган перед неверным. Из двух зол я выбираю меньшее! Мы будем сражаться!

Трапезундский паша не был до конца искренним. Только что он принял гонца, сообщившего весть радостную: к городу вот-вот должен подойти пятнадцатитысячный отряд анатолийской гвардии, личного резерва султана во внутренних провинциях,

...Подходящая русская эскадра, дугой окружала гавань и крепость. Пустошкин внимательно рассматривал крепостные стены. Недовольно качал головой:

– Разве так нападения делаются! Траверсе даже не удосужился собрать хоть какие-нибудь сведения, о сей цитадели, поверил на слово этому проходимцу Понтевезо!

Вдали свечами пронзали небо многочисленные минареты, да зеленело буйной листвою устье речушки Термен-Дери. На крепостных стенах су устанавливали пушки, пробовали их холостыми выстрелами. Трапезунд готовился к обороне по-настоящему

А вскоре раздались и первые боевые залпы, турецкая батарея точно была по стоявшему под берегом "Ягудиилу", другая целила по "Варахалл».

– Ишь, пристрелялись! – почесал, подбородок Пустошкин. – Подымайте сигнал "Береговые батареи подавить немедленно!"

Теперь настал черед турок считать потери. В отчете об экспедиции этот эпизод описан так: "Оба означенных корабля скоро подбили неприятельские орудия и, производя пальбу по городу и по купеческим судам, нанесли им величайший вред... неприятель же, собравшийся на берегу в большом числе, понес значительную потерю в людях».

Всю ночь с берега слышались раскатистые взрывы; то турки, боясь десанта, рвали склады и пороховые магазины. Тогда ж от перебежчиков стало известно и другое: в Трапезунде чума.

Утром следующего дня на флагманском "Ратном" собрался совет капитанов. Решали: спускать десант или нет. Контр-адмирал выступил против десантирования. Свое мнение Пустошкин аргументировал веско:

– Погром в порту и крепости мы навели. Все суда неприятельские, что на здешнем рейде находились, сожжены. Пускать же солдат в город нельзя, потому как кратковременное занятие Трапезунда обернется бедой для всего Причерноморья и унесет тысячи жизней невинных! Чума шуток с ней не прощает!

Переживший в молодости подобный кошмар в Херсоне, адмирал знал, что говорил. Возражений ни у кого не было.

В течение дня русские орудия сокрушали крепостные стены. Особенно доставалось прибывшим под Трапезунд анатолийцам. Неся огромные потери, они вынуждены были в беспорядке бежать за ближайшие холмы. В сумерках разрядив, свои пушки в последний раз, корабли повернули форштевни на север – на Севастополь.

Пока шли обратно дозорными фрегатами захватили еще несколько призов. Имена давали с юмором. Так они и остались в истории нашего флота «Антип», «Трофим», «Христофор» и «Петр» и даже названное забавы ради шебека «Малая шайка».

10 июля эскадра уже входила на Севастопольский рейд. Траверсе итогами экспедиции остался недоволен, хотя открыто и не высказывался, ибо Петербург расценил действия Пустошкина совершенно правильными.

В СТОЛИЦЕ

В декабре того же года Семен Афанасьевич стал вице-адмиралом и директором штурманского училища в Николаеве. Война закончилась, и Пустошкин новому назначению был несказанно рад. Он возвращался к семье. Прошло еще несколько лет и адмирала отозвали в столицу.

– Все возвращается на крути своя! – вздохнул наш герой, ознакомившись с бумагой. – Когда-то мичманом ведь в Кронштадте начинал. Так что прощай понт Эквсинский! Здравствуй понт Балтийский!

Определили в Петербурге Пустошкина состоять при морском министре. Занимался он там баллотировкой флотских чинов, да подготовкой кадет. В 1816 году за четверть века беспорочной службы получил Георгия 4-й степени, а через год – Владимира. Затем было назначение членом адмиралтейств-совета. Ведал там старый адмирал ремонтом судов, инспектировал порты и верфи, проверял приходящие в министерство жалобы.

Дома тоже забот хватало. Тяжело заболела жена и на Семена Афанасьевича обрушились многочисленные хлопоты. Одна за другой пошли свадьбы: дочь Маша за князя Алексея Урусова, Меланья за надворного советника Ниротморцева, Надежда за надворного советника Федора Эллинского, все разлетелись... Осталась при отце с матерью лишь младшая Александра.

В памятном декабре 1825 года во время гвардейской смуты Пустошкин проявил твердость и решимость. Едва в столице начался мятеж, он, не дожидаясь исхода дела, поспешил в Кронштадт и самолично привел тамошний гарнизон на верность Николаю. Узнавши о картечном расстреле на Сенатской площади, Семен Афанасьевич опечалился, но о действиях своих не сожалел;

– Не пристало никому противу законной власти выступать! Сие есть якобинство предрезостное!

Затем была кропотливая и неприметная с виду, но чрезвычайно важная работа в комитете для образования флота, куда собрали цвет российской морской мысли, лучших из лучших: Дмитрия Сенявина, Гавриила Сарычева, Фаддея Беллинсгаузена. В апреле 1831 года Пустошкин уже полный адмирал. Эполеты с тремя орлами вручал ему на Пасху сам

император Николай. А вскоре Семен Афанасьевич простился с делами флотскими. Высочайшим указом был определен он в сенаторы. Отныне знания и опыт свежего уже шли на решение дел общегосударственных!

Биограф адмирала писал: "Прослужив более полу столетия верою и правдою престолу и Отечеству, С.А. Пустошкин спокойно мог оглянуться на пройденное им поприще и обозреть круг своей деятельности с душевным наслаждением и с уверенностью, что жил на свете не даром, что трудился для пользы Отечества, по мере сил и способностей, и внес свою лепту в сокровищницу общественную..."

Ранней весной 1846 года по дороге в сенат адмирал простудился и слег. Здоровье его с каждым днем ухудшалось. Врачи лишь извинительно качали головами:

– Перед старостью лекарства бессильны!

Любимица отца Александра поила тяжело больного с ложечки, читала Святое писание. Чувствуя, что жить ему осталось недолго, велел адмирал звать в столицу своего старшего сына Семена, что состоял в то время выборным дворянским судьей в Новгородском совестном суде. Когда ж тот приехал, взял Семен Афанасьевич в руки штоф работы старинной, с голубями да лаврами и надписью "Непременного" и передал сыну:

– Отдаю тебе сосуд сей, что был мне в свое время отцом на счастье завещан. Храни и ты его!

19 апреля 1846 года в десять часов пять минут пополудни Семена Афанасьевича Пустошкина не стало. Погребли старого адмирала на Волковом кладбище. В надгробный камень вставили образ Божией Матери, с которым умерший не расставался в морских походах...

Семен Пустошкин не был великим флотоводцем, не совершал необычайных подвигов и открытий. Он лишь честно и ревностно служил своей Родине – России, положив на это всю свою жизнь. Но согласитесь, разве этого мало, чтобы заслужить память и доброе слово потомков?

ЛИЧНЫЙ ВРАГ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРАТОРА

Весной 1814 года русские войска, пройдя с кровопролитными боями всю Европу, подошли к стенам Парижа. Исход кампании, а вместе с ней и всей эпохи наполеоновский войн, был предрешен, хотя сам французский император этого еще не понимал. Во главе главной армии Наполеон действовал далеко в тылу союзнических войск. Оборону Парижа он поручил маршалу Мармону. В войсках французских царило уныние, парижане пребывали в панике. Стотысячная русско-прусская армия широким кольцом охватывала город.

Император Александр Первый, шпоря коня, подскочил к осматривавшему местность генералу Михаилу Орлову, назначенному командовать штурмом французской столицы.

– Лишенный лучших своих защитников и вождя, город не в силах нам долго противостоять! – сказал Александр генералу – А посему во избежание напрасной крови вы, Михаил Федорович, прекращайте бой всякий раз, когда появится надежда на мирный исход!

– Слушаюсь, ваше величество! – приложил руку к треуголке бравого генерал. – А сейчас мы начинаем!

Ударили первые залпы орудий. Над колоннами русской пехоты взлетели ввысь полковые знамена. Сражение за Париж началось...

30 марта в пять часов пополудни, не выдержав натиска русских войск. Маршал Мармон сдался на капитуляцию. Наполеон узнал о сдаче Парижа, находясь с войсками в Фонтенебло. Новость поразила его. Некоторое время император подавленно молчал.

– Несчастный Мармон не представляет, что его ждет! – промолвил, наконец, Наполеон бывшему рядом генералу Коленкуру. – Имя его навеки опозорено в истории, ведь он уже второй раз пытается уничтожить меня!

– Когда же был первый раз, сир! – удивился Коленкур. – Неужели Огюст участвовал в каком-то заговоре?

Наполеон тяжело поднял глаза на своего генерал-адъютанта.

– Это было восемь лет назад в Спалатро! – чуть помедлив, покачал он головой. – Уже тогда мне был дан знак свыше, что этот негодяй погу-

бит меня руками русских! Мармон никогда не имел ни мужества, ни чести! Увы, я тогда не придал случившемуся должного значения! Я слишком долго верил изменнику!

На сей раз Коленкур промолчал. Больше расспрашивать императора он не решился.

...Уже был сдан Париж, а император Франции подписал манифест о своем отречении. Русские пушки стояли на вершинах Мормартра, а на Елисейских полях стояли бивуаком донские казаки. В те дни маршал Мармон внезапно заинтересовался у коменданта главной квартиры русской армии генерал-майора Ставракова:

– Не могли бы вы, генераль, узнать о судьбе некоего Скаловского, который служил в вашем флоте в кампанию 1806 года на Средиземном море!

Скрыв недоумение, Ставраков утвердительно кивнул:

– Я постараюсь!

Спустя пару недель он сообщил маршалу, что капитан-лейтенант Скаловский жив и здоров. Он, по-прежнему, служит на Черноморском флоте, где командует каким-то судном.

Выслушав Ставракова и, молча кивнув, Мармон ушел. А комендант главной квартиры еще долго недоумевал, зачем французскому маршалу понадобилось интересоваться судьбой заурядного морского офицера. Однако еще более поразился Семен Христофорович Ставраков, когда его известили, что судьбой Скаловского интересуется и свергнутый французский император.

– Видимо, и вправду много дел понаделал этот морячок в свое время, коли его, сам Наполеон, позабыть не может! – поделился своими мыслями генерал-майор в разговоре с друзьями. – Не каждому даже из генералов наших выпадает честь числиться в личных врагах французского императора!

ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

...Служба на парусном флоте никогда легкой не была легкой, а потому считалась в России уделом дворян хуdorодных, тех, о ком говорили презрительно: «У них и дворни-то есть, что собака с курицей!» такие хуdorодные и шли в Санкт-Петербургский Морской корпус, чтобы стать офицерами флота российского. Но были и такие, кого за хуdorодностью и туда-то не брали. Вот к таким-то «не доказавшим свое благородное происхождение» и относился однодворец Семен Скаловский. Сам он был

из губернии Орловской, а на юг двинул в поисках лучшей жизни. Время было уж больно смелое – екатерининское! Россия осваивала берега Черного моря. Получил Семен в степях херсонских надел земли, отстроился. А тут и время подросло сыновей в люди выводить. Старший Михаил, как водится, при отце остался. Ему всему нажитому быть наследником. Младшие же, Иван да Петр, на службу ратную идти возжелали. Да только куда отцу их отдать? Так бы, наверное, и не сбылась мечта мальчишеская, если бы не указ потемкинский об основании в Херсоне еще одного Морского корпуса для флота Черноморского. Дворян в ту пору в Новороссии было, кот наплакал, а потому, в корпус велено было брать всех. Так в 1790 году Иван с Петром морскими кадетами и стали.

В разгаре была очередная русско-турецкая война, и эскадра контр-адмирала Ушакова наносила оттоманскому флоту поражение за поражением. Флот нуждался в офицерах, а потому учили кадет наскоро. Давали лишь самое необходимое.

– Остальному служба научит! – говорили учителя (из увечных офицеров), когда, не в меру любознательные кадеты, приставали с расспросами. – А коли, убьют в первой же баталии, то оно вам и вовсе ни к чему!

В мае следующего 1791 года братья Скаловские, уже в чинах гардемаринских, вступили на зыбкие корабельные палубы.

Первые шаги в морской службе проделали Иван с Петром под началом ветеранов Калиакрии и Гаджибея, Очакова и Керчи. Суровые вояки жалости к мальчишкам не имели. Если что не так, могли и в глаз кулаком заехать.

– У нас это вам не на флоте Балтийском где всю войну из залива и носа не высывывают! – поучали мальчишек сорокалетние лейтенанты, за кают-команейским самоваром сидючи. – У нас за мысами Ахтиарскими Понт Эвксинский плещет, а по нему прямая дорога до самого Царьграда. А там и вся Европа, как на ладошке лежит!

Год 1798-й ознаменовался для России новой войной. На этот раз ее противником выступила французская директория. До Петербурга доходили смутные слухи о подготовке Наполеоном крупной морской экспедиции в Тулоне. Судачили о возможном вторжении французов через проливы и в Черное море.

Масла в огонь подлил и захват генералом Бонапартом Мальты. Теперь уже оскорбленным посчитал себя российский император Павел, носивший титул великого мальтийского магистра. Тогда-то было им и решено отправить в Средиземное море Черноморскую эскадру во главе с

вице-адмиралом Ушаковым. На линейном корабле «Мария Магдалина» ушел в поход мичман Иван Скаловский. На линейном корабле «Михаил» – мичман Скаловский Петр.

В боях и штормах Средиземноморской экспедиции мужали братья. Служили достойно: перед врагом труса не праздновали, перед начальством поясницы не гнули. Оба заслужили похвалу Ушакова при взятии крепости острова Видо. Отличились примерной храбростью и при блокаде Анконы. Однако фортуна более благоволила к Петру. В Севастополь он вернулся уже в чине лейтенантском и с орденом Анненским. Что касается Ивана, то он остался при старом.

По возвращении Петра, как кавалера, определили служить на новейший линейный корабль «Варахаил». Ивана же на шхуну безвестную, что возила грузы да пассажиров из Херсона в Очаков и обратно. Лишь спустя три года получил Иван вахтенную должность на боевом корабле. Вскоре показал себя с лучшей стороны во время шторма. После этого начальство, может быть, в первый раз на него внимание и обратило, после чего, был определен лейтенант Скаловский капитанствовать на бриг «Александр

11 декабря 1806 года флагманский "Селафаил" под вице-адмиральским флагом покинул Катторскую бухту. За ним в кильватер потянулись остальные линкоры и фрегаты. Сенявин появился у острова Курцало внезапно для французов. "Вице-адмирал Сенявин предлагал французскому коменданту, дабы он, видя наши превосходные силы, в отвращение горя городу и невинным жителям, сдал крепость; но он отказался с изъявлением упрямства в рассуждении сдачи..."

И тогда эскадра обрушила по тамошней крепостице шквал огня. Гарнизонные пытались, было, поначалу как-то отвечать, но были подавлены и раздавлены в какую-то четверть часа.

Спустили десант. Боевые колонны вели опытейшие из опытейших: полковники Буасель, Бобоедов и герой боев за Рагузу Велизарьев, уже в чине подполковничьем! Во главе десанта сам Сенявин. С ним, как всегда в трудное время, и митрополит Петр Негош, с ним и архимандрит Савва Маркович и эскадренный обер-иеромонах Стефан Вукотич. Все трое с пистолетами за кушаками и ятаганами в руках. Впереди прочих застрельщиками егеря и неутомимые черногорцы. "Каждая из колонн следовала особым путем, переходя с одной возвышенности на другую, дабы атаковать неприятеля, находившегося в редуте, состоящем от крепости в полтора ружейных выстрела."

Французы пытались контратаковать, но колонна полковника Бобоедова приняла их сильным огнем, а затем ударила в штыки. Ну а кто выдержит русский штык? Французы, естественно, побежали...

Трудный бой выдался и за передовой редут, но и здесь французы долго не задержались. При взятии редута особо отличились морские солдаты полковника Буаселя. Нам известно даже имя солдата первым вошедшего на редут. То был фельдфебель Харитонов. Честь ему за то и слава!

"Среди дня приблизились наши колонны к возвышенности редута и обложили оный с трех сторон. Вице-адмирал Сенявин остановился с резервом на ближнем холму от редута; французы, отойдя от одного шагов на 300 вперед, залегли за камнями и в таком положении с готовностью ожидали наши войска. Черногорцы подползли к ним как можно ближе и первые отурыли огонь. Полковник Бобоедов в миг подкрепил их своей колонною, с другой стороны из колонны подполковника велизарева подбежали с ротами 13-го егерского полка капитаны Рыбкин и Избаш и поручик Воейков и с великим жаром начали действовать по неприятелю. Полковник Бобоедов, ободряя всячески солдат к преодолению неприятеля, полчил тяжелую рану в бок, а вместе с ним ранены роты его штабс-капитан и поручик, и как от того рота была несколько поразстроена, то французы, искавшие себе убежища в редуте, устремились было опять на наши войска, но сие стремление удержал брат митрополита, который вместе с несколькими черногорцами и приморцами и посланными от вице-адмирала Сенявина к нему на помощь егерями отменно и храбро и скоро ударил неприятеля в левый фланг и заключил его в редуте. Но все еще нельзя было подойти к оному по причине непрерывного огня из ружей и картечи из пушек, до тех пор, пока втащили на высоту свои два горные орудия, кои, по немногих удачных выстрелах подбили у обеих нериятельских пушек станки; тогда рота 2-го морского полка полковника Боаселя с яростию бросилась на редут, потом и прочие и, вломаясь усиленно в воротаб довершила тем дело, продолжавшееся один час с четвертью."

А вскоре, рискуя сесть на камни, вплотную к берегу подошел линейный корабль "Ярослав" и обрушил на неприятеля шквал картечи. Французы пытались какое-то время ответствовать, но потом их бататеи замолчали.

Ближе к вечеру Сенявин снова предложил французам капитуляцию. Комендант крепости полковник Орфанго был на этот раз уже куда более сговорчив.

– Я понимаю, что положение мое теперь безнадежное, однако перед сдачей крепости прошу вашего адмирала провести хотя бы еще одну атаку, чтобы мне было чем потом оправдаться перед своим начальством! – попросил он прибывшего капитана-парламентера.

– Хорошо! – заверил тот полковника. – Будет вам и атака, и ядра на голову!

На рассвете следующего дня "Ярослав" с канонерскими лодками подошел к крепости и открыл столь сильный огонь, что над крепостью немедленно был поднят белый флаг. А еще спустя пару часов комендант полковник Орфанго, встав на колено, отдал Сенявину свою шпагу.

– Берите ваше оружие обратно! – махнул ему рукой вице-адмирал. – Вы храбрый солдат!

Француз непонимающе забегал глазами. Контуженный выстрелами, он был совершенно глух. В плен было взято более четырехсот человек, дюжина пушек.

– Каковы наши потери? – поинтересовался вице-адмирал у своего флаг-офицера.

– Двадцать четыре убитых и семь десятков раненных! – доложил тот. – Из них черногорцев...

– Не надо! – остановил офицера Сенявин. – Мы все славяне и сражаемся за единое дело!

Для Сенявина приятным сюрпризом стал обнаруженный на Курцало большой арсенал боеприпасов и склады военного имущества.

– Спасибо Мармону, – смеялись офицеры, – Заботлив о нас, что отец родной!

– Эти французы, дюже добрые ребята! – шутили матросы, припасы по судам расстаскивая. – Сколь добра нам понадалили. У нас то уж ничего не пропадет даром!

А затем последовала очередь острова Брацо. На линейном корабле "Москва" туда была доставлена сотня черногорцев. Сыны гор были поражены морской стихией, впервые попав на палубу корабля. Начале они несколько робели и даже боялись подходить к борту, но потом освоились. Об этом плавании его участники будут потом рассказывать своим детям и внукам, а в горах нем будут петь героические песни. Храбрых горцев подкрепили четырьмя сотнями егерей капитана Романовича и приморцами мичмана Фаддея Тизенгаузена. На Броцо все закончилось гораздо раньше, чем предполагалось. Зная, что Курцало уже пал и понимая, что долго теперь не выстоять, гарнизон, после небольшой перестрелки, сложил оружие.

"Вице-адмирал Сенявин, узнав, что французов у прикрытия батарей не более 100 человек, ссадили своих регулярных и нерегулярных, всего 400 человек; войска наши первым приступом, без малейшего с своей стороны урона, принудили французов, по коротком сопротивлении, сдаться..."

На обоих островах были учреждены гарнизоны, пополнены запасы ядер и пороха.

Мармон был вне себя от известия о потере Курцало и Брацо. Дело в том, что генерал недавно получил известия из Парижа, что в самом скором времени следует ожидать обострения русско-турецких отношений, а значит вполне возможного ухода Сенявина к берегам Греции и Дарданеллам. Теперь же диверсия адмирала говорила о том, что ни о каком уходе он и не помышлял. Всю злость за утерю Курцало Мармон выместил на контуженном Орфанго. Сорвав с него эполеты, Мармон объявил бывшего полковника военным преступником и отправил на четыре года в тюрьму.

В Париж же он, однако, отписал, что на курцальскую скалу был жестокий приступ десанта и русские смогли захватить остров лишь ценой огромных потерь.

Верный своему человеколюбию, сразу же после взятия обоих островов, Сенявин распорядился отправить всех раненных и убитых французов в раположение их войск. Для этой миссии был определен корвет "Днепр" лейтенанта Бальзама. Прибыв на рейд рагузского порта Спалатро, Бальзам сгрузил погибших и передал раненных. Считая свою миссию выполненной, он попросил французов позволить ему налиться водой. Ему не отказали, но и не пообещали. Самого же лейтенанта вызвал к себе Мармон.

– Ваш флот совершает нападение на мои гарнизоны, а потому вы будете моим пленником! – без обиняков заявил генерал Бальзаму. – Впрочем, я готов буду вас отпустить, если Сенявин вернет мне обратно захваченные на Брацо пушки! Пишите об этом письмо своему адмиралу.

– Кто же возвращает во время войн, захваченные в бою трофеи? – поразился логике Мармона Бальзам. – Я такого письма писать не буду!

– Тогда шлите письмо старшему после вас офицеру, чтобы он немедленно ввел ваш бриг в гавань!

– Это еще зачем?

– Будете разоружаться!

– Хорошо! – примирительно ответил бальзам и тут же написал письмо своему старшему офицеру мичману Кованько, чтобы он задержан французами и приказывая как можно скорее уходить в море.

Тем временем "Днепр" уже окружили со всех сторон лодки с вооруженными солдатами. Взшедший на палубу капитан Спалатрийского порта требовал от мичмана немедленно войти в гавань и начать разоружение. Кованько это сделать отказывался наотрез, ссылаясь то на противный ветер, то вообще на безветрие. На бригае зарядили пушки и готовились к бою.

– Если не отпустят нашего командира, будем сами нападать на французские гребные суда! – объявил Кованько матросам. – пальбу услышат с наших судов и непременно придут к нам на помощь! Готовы ли вы помочь мне в том?

– И не сумлевайтесь, господин мичман! – отвечали матросы дружно, – так влепим ядрами, что мало этим поганым мармонтам и не покажется!

Одновременно Кованько отправил французскому командующему ультиматум: "Если вы, господин генерал, неуважением к переговорному флагу нарушаете народные права, и если начальник мой не будет освобожден, то я задержу суда ваши и могу сжечь стоящие в порте. Только полчаса буду ожидать вашего ответа".

Получив письмо с "Днепра", Мармон не на шутку разъярился, поняв, что бальзам написал в своем послании совсем обратное, что он велел. В ответ Бальзам лишь развел руками:

– Господин генерал! При всем моем к вам уважении вы не можете давать приказаний русскому офицеру, ибо я подчинен не вам, а своему государю!

Поняв, что переборщил, Мармон пригласил Бальзама к себе на обед. Сидя за столом он спрашивал лейтенанта о числе и силе сенявинского флота, удивляясь, что Сенявин держится в море в столь ненастное время осенних бурь. Насчет бурь Бальзам говорил много, что же касается состава своего флота больше помалкивал. Расстались внешне почти дружески. Мармон отпустил Бальзама к себе на корвет, пригласив завтра посетить его к завтраку.

– Постараюсь! – ответил лейтенант неопределенно.

Едва Бальзам добрался до "Днепра", как сразу же распорядился к снятию с якоря.

– Завтра я приглашен в гости! – сообщил он мичману Кованько. – Однако боюсь, что этот завтрак грозит мне новым пленением, а потому не станем еще раз испытывать судьбу!

Едва стемнело, корвет поднял паруса и поспешил в открытое море. Спустя несколько часов он уже встретился с линейными силами у Курцало. Сенявин выслушав доклад Бальзама, только хмыкнул:

– Ну и шутник этот Мармон, каких еще поискать надо!

На душе Сенявина было тяжело. Только что он получил известие о том, в каких нечеловеческих условиях содержат французы взятых в плен русских солдат. Мало того, что их всех раздели, морили голодом, но и насильно принуждали вступать во французскую армию. Чтобы показать рагузинцам, что дела на фронте идут хорошо, захваченных пленников, а их насчитывалось шестьдесят человек, ежедневно водили через город, выдавая за вновь захваченных. И все это тогда, когда у нас французские пленники получали нормальное солдатское довольствие и имели возможность даже заработать! Но и это еще не все! Мармон в очередной раз показал полное отсутствие порядочности. Дело в том, что после окончания активных боев, Сенявин предложил Мармону разменять пленных, а так как у нас в плену имелось куда больше французов, чем у французов наших, то Сенявин согласился отпустить всех излишних под расписку, с тем, что такое же число будет отпущено домой из находящихся наших пленных во Франции. Это предложение было принято, но никогда не исполнено. Хуже того, Мармон отказался вернуть даже часть пленных, находившихся у него самого, заявив, что это не русские, а поляки. События с Бальзамом и пленными заставили Сенявина взяться за перо.

Он писал: "Господин генерал Мармонт... Как вы, генерал, обходитесь с русскими пленными! Последний поступок ваш с начальником корвета, который послан был от меня в Спалатро под переговорным флагом, может служить доказательством, что следствия просвещения и образованности бывают иногда совершенно противны тем, каких понастоящему ожидать от них должно. скажу только вам, г. генерал, что из тридцати солдат, названных вами поляками, четверо явились ко мне и были природные русские. Пусть Бонапарте наполняет свои легионы, я ничего другого от вас не требую, как возвращения моих солдат и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденным прервать с вами все отношения, существующие между просвещенными воюющими нациями. Дмитрий Сенявин. Вице-адмирал Красного флага, Главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Средиземном море".

На столе адмиральского салона грудями лежали морские карты и планы приморских крепостей. Дырвя их растворенным циркулем, Сенявин высчитывал, как лучше расположить сухопутные и морские силы, чтобы не оставить французам ни одной лазейки.

КОМАНДИР «АЛЕКСАНДРА»

С каждым днем вице-адмирал все туже и туже затягивал удавку блокады на шее своих противников. Теперь после взятия Курцало на очереди был последний из островов, прикрывавший Рагузу – Лезино. Размерами еще меньше своего соседа, Браццо, Лезино вовсе напоминало кем-то забытый камень. На Лезино гарнизон был весьма невелик. Но когда же российская эскадра подошла к островку с него не раздалось ни единого выстрела. Лезино оказался совершенно пустынен. Лишь истошно лаяла пара брошенных дворняг. Прознав о судьбе своих соседей, солдаты не стали ждать неминуемой развязки, а сев в лодки, поспешили на материк.

– Что ж, – довольно потер руки Сенявин, – Запечатали мы с моря дружка нашего Мармония! Пусть теперь распечатывает, коль сумеет!

К себе на "Селафаил" вице-адмирал велел звать командира брига "Александр" Ивана Скаловского.

– Тебе лейтенант, задача особая, – сказал Сенявин, подозвав Скаловского к брошенной на столе карте. – Станешь в дозоре у Браццо и будешь сторожить французов. Отряду Гетцена надо хоть немного подлатать свои посудины. Он постарается обернуться в несколько дней. Возможно, французы ничего и не заметят. Постарайся удержаться до их возвращения!

– Уж не подведу, ваше превосходительство! – даже обиделся за такое напоминание лейтенант. – У меня и мышь не проскочит!

– В чем нуждаешься?

– В офицерах, ибо у меня некомплект!

– Много не обещаю, а кого-нибудь пришлю!

Сенявин перекрестил Скаловского. – С богом!

Лейтенант вышел. Сенявин уселся за заваленный документами стол. Стремительное взятие Курцало и Браццо еще более упрочило положение Сенявина в Адриатике. Оба острова стали отныне своеобразным мостом между Бокко-ди-Каттаро и Корфу. В тоже время было ясно как день, что уйди русская эскадра сегодня из здешних вод, завтра же здесь снова будут французы. Вывод из этого напрашивался только один: при любом раскладе в здешних водах необходимо было держать мощный корабельный отряд, способный держать Мармона в должном почтении.

Гриша Мельников только что закончил дела со сдачей своих четырех трофейных требакул, когда его вызвал флаг-капитан эскадры.

– Ты с "Уриила"? – спросил без предисловий.

– Точно так!

– Пока корабль твой в дозоре, сходишь в дозор с черноморцами на "Александре", прветришься!

– Да я и так на берегу еще не засиделся! – ответил Мельников, которому не очень-то хотелось идти в море на чужом судне, да еще с мало знакомыми офицерами-черноморцами.

– Это распоряжение главнокомандующего! – сдвинул брови флаг-капитан. – Вернешься с моря и тогда уже к себе на "Уриил"!

Встретившиеся на улице знакомые армейские капитан с поручиком, Мельникову от души посочувствовали:

– Нет брать ничего более худого, чем драться в составе чужого полка! Среди своих и смерть в радость! По себе знаем!

Наняв лодку, Мельников прибыл на борт маленького черноморского брига, стоявшего на выходе из бухты.

– Прибыл по распоряжению главнокомандующего на время предстоящего дозора! – доложил он коренастому лейтенанту с крючковатым носом и синими от бритвы щеками.

– Меня зовут Иван Семенович Скаловский. Я командир сего славного брига, на котором, думаю понравится служить и вам! Порядки у нас куда проще линкоровских, а потому прошу в общении не чиниться! Стоять же будете вахту не вахтенным офицером, а вахтенным начальником. Справитесь?

– Справлюсь! – со значением кивнул Мельников. – Я уже и самостоятельно призовыми судами покомандовать успел!

– Вот и чудненько! – кивнул Скаловский. – Чувствую, что сплаваемся!

Знал бы тогда Гриша Мельников, что с прибытием его на бриг "Александр", судьба предоставила ему возможность, о которой безнадежно мечтали многие поколения гардемарин и мичманов, возможность вскоре участвовать в сражении, которое войдет во все анналы русской истории!

Командующий французским корпусом выслушал доклад об отходе отряда кораблей капитана 1 ранга Гетцена. Информация была поставлена у Мармона не плохо. Около российских кораблей все время крутилась купеческая шебека с периодетым офицером-разведчиком. А потому, едва Гетцен развернул форштевни своих кораблей на зюйд, это стало сразу же известно. Перед Мармоном раскатали штабную карту.

– Где отряд русских кораблей сейчас? – спросил дивизионный генерал вернувшегося с моря наблюдателя.

Тот молча чиркнул ногтем по карте на значительном удалении от острова Браццо.

– Где позиция оставленного дозорного брига?

– Вот здесь? – показал офицер. – Между Браццо и островом Сольта!

– Сколько у него пушек?

– Восемнадцать, сир!

– Калибр??

– Малый, сир!

– Что ж, – подытожил разговор Мармон. – У нас есть все возможности преподнести маленький подарок императору! как именуется этот бедолага?

– "Александр"!

– Забавно! – усмехнулся, Мармон. – Особенно если учесть, что у нас имеется таргана "Наполеон". Если наш "Наполеон" спустит флаг с их "Александра" – это будет неплохим каламбуром и повеселит Париж! Готовте наши суда к выходу в море. Пора и нам показать зубы!

Тем временем, пуча штормовые паруса, "Александр" боролся со штормовым ветром, удерживая предписанное ему место. Устало трещал изношенный корпус, сквозь прогнившую обшивку сочилась вода. Когда отряд Гетцена скрылся из виду, лейтенант Скаловский собрал на шканцах команду.

– Вот что, ребята! – сказал он просто. – Мы остались одни, а потому надеяться надо только на себя. Ежели придется биться, то надо будет биться до последнего. Ежели убьют меня, то наперед приказываю судна не сдавать, а кто последнем в живых останется, тому взрывать крьюйт-камеру. Не дадим Мармонту взять верх над моряками русскими!

Матросы дружно кричали "ура". Перед обедом Скаловский велел выдать всем двойную порцию вина.

– Видать, для сугреву! – говорили меж собой матросы, к чарочке прикладываясь. – Чтоб веселее было!

Холодный пронизывающий ветер рвал с голов шляпы, завертывал полы кафтанов.

Сам Скаловский, тем временем, еще раз обошел судно. Осмотрел придиричиво орудия, проверил исправность последнего нововведения – пушечных замков, попробовал, ладно ли крючки спусковые к шнурам замковым прицеплены, нет ли какой слабины. Замки пушечные – придумка отменная. Она не только облегчает сам выстрел, но и увеличивает

скорострельность. И хотя все пушки всего лишь четырехфунтовые, про которые шутят, что уже не мушкет, но еще не пушка, все же при умелом обращении и они кое-что значат.

Закончив с пушками, Скаловский спустился в трюм, оглядел борта – крепки ли еще? Вызвал к себе тимермана, велел ему подкрепить кое-где обшивку на всякий случай подпорами. Мера не лишняя. "Александр" – судно старое, еще при штурме французской крепости Корфу захватил его капитан Белли. С тех пор вот уже семь лет под Андреевским флагом, а сколько еще до того времени по морям ходил, кто знает?

Вернулся Скаловский на шканцы, оглядел еще раз свой бриг внимательно и осмотром тем доволен остался.

Уже затемно к "Александру" подвалила рыбачья фелука. Забравшийся на борт бородатый рыбак с тревогой сообщил Скаловскому, что сегодня поутру, покидая Спалатро, обратил внимание на суету на французских судах.

– Спасибо тебе, приятель! – поблагодарил его лейтенант. – Дай Бог тебе попутного ветра и доброго улова!

Тотчас с брига был спущен на воду шестивесельный баркас с фальконетом под началом гардемарина Ушакова. Гребцы налегли на весла, и баркас направился в сторону Спалатро. Задача Ушакова – известить о приближении неприятеля.

А французы уже заканчивали последние приготовления к выходу. Для операции Мармон определил три канонерские лодки (каждая по две 18-фунтовых пушки), да тартану "Наполеон" с двумя восемнадцатифунтовыми орудиями в носу и шестью двенадцатифунтовыми по бортам. Сил для захвата старенького брига было определено более чем достаточно. Командира отряда Мармон инструктировал лично:

– Следом за вами выходят транспорта с десантом. Захват брига – сигнал к операции по захвату Браццо и Сольте. Управляйтесь побыстрее. Вечером я приглашен на сенатский бал и надеюсь, что к его окончанию увижу вашего пленника уже в гавани! Вы же берите с собой батальон марсельцев для абордажа.

– Слушаюсь, сир! – лихо отсалютовал шпагой офицер. – Прошу лишь предупредить дам, чтобы не слишком пугались пушечной канонады. Пусть будет она им сегодня самой приятной из всех музык!

Вскоре французский отряд, неся все возможные паруса, уже спешил к лежавшему в дрейфе русскому бригу.

– На всю прогулку я отвожу не боле полутора часов! – объявил в рупор своим капитанам командир отряда. – Мы должны еще успеть развезти своих дам по домам!

Капитаны не возражали.

ПОЕДИНОК

В одиннадцатом часу с дозорного барказа были усмотрены неприятельские суда, быстро спускавшиеся строем фронта, немедленно известив Скаловского об увиденном выстреле из фальконета, гардемарин Ушаков повернул барказ обратно под защиту бриговских пушек. Тем временем "Александр" уже вступил под паруса и подошедший барказ поднимали уже на ходу. Скаловский ждать врага не желал, а сам поспешил ему навстречу!

– Иван Семенович! По числу пушек и калибрам мармонцы превосходят нас пятикратно! – опустил зрительную трубу мичман Мельников.

– Это даже не плохо! – отозвался Скаловский. – Чем сильнее неприятель, тем почетней победа! Наш козырь – пистолетная дистанция и маневр!

Командир брига поднял голову вверх. Эка напасть! Будто нарочно упал ветер! А ведь французы имеют весла. Это еще больше осложняло ситуацию.

Французские суда приближались, стремясь охватить бриг со всех сторон. Чтобы ускорить маневр, яростно гребли, надеясь свалиться на бордаж. Скаловский же, в свою очередь, как мог, избегал рукопашной схватки, в то же время стремясь держать противника на минимальной дистанции, где его мелкие пушки могли конкурировать с крупнокалиберными орудиями французов. Дело это было весьма непростое, но иначе было нельзя.

Первыми открыли пальбу французы. Ядра с посвистом легли позади брига.

– Перелет! – хладнокровно констатировали на "Александр"

Наши сближались с французами молча, как это было всегда принято в русском флоте. И только тогда, когда "Александр" сошелся с неприятельскими судами вплотную, Скаловский велел разом разрядить все орудия. Первый залп оказался на редкость точным. Ядра прошли канлодку насквозь. Треск дерева... крики раненных ... ругань уцелевших... Проба сил состоялась.

В течение первого часа боя "Александр" успешно отбивал все атаки правым бортом. Французы ж со своей стороны все время стремились

обойти бриг сразу с двух бортов. Наши пока уворачивались, но предательски быстро стихал ветер. В конце-концов, сразу двум канонеркам удалось зайти в корму русскому бригу. Противник "с великою жестокостью производил со всех лодок пушечную и ружейную пальбу". Продольные залпы тяжелых французских пушек в несколько минут вдребезги разнесли корму брига. Положение складывалось самое критическое. И все же Иван Скаловский нашел выход!

По приказанию командира мичман Мельников сумел под огнем спустить на воду судовой барказ. Став на шпринг и подцепив "Александр" на буксир, он сумел развернуть бриг бортом к неприятелю. Положение было восстановлено.

Вот французы предпринимают очередную атаку. Угадав и в этот раз направление их удара, Скаловский дает команду на барказ. Мельников машет в ответ шляпой (мол, понял) и сразу же разворачивает бриг в нужном направлении. Залп! Французы отходят, сбивая пламя с парусов. В это время следует новая команда и "Александр" уже развернут другим бортом ко второй паре канонерок. Так, вертясь волчком, Скаловский успешно отбивался еще в течении двух долгих часов. Над морем была уже ночь, но ярко светила луна и противоборствующие стороны не думали прекращать выяснение своих отношений. Сражаясь сам, Скаловский одновременно пресекал все попытки французов добраться до надоевшего им барказа.

История оставила нам многочисленные примеры мужества команды "Александра" в том достопамятном бою. Отважно сражался канонир Афанасьев. Тяжело раненный в ногу, он, тем не менее, вернулся к своему оружию и продолжал оставаться подле него на всем протяжении боя. Не покинул своего поста, будучи раненным, матрос Устин Федоров и многие иные. Храбро стрелял по противнику из мушкета судовой лекарь Ганителев, а когда на борту появились раненные, он "с таковым же усердием, рачением и неустрашимостью имел попечение" и о них. Примерную храбрость показал подштурман Корольков, который в течении всего сражения командовал двумя орудиями, "действуя оными с успехом и отличием".

Особенно запомнилось участникам боя бесстрашие и мужество судового юнги. Имя его осталось неизвестным потомкам, а жаль! Невзирая на смертельную опасность, мальчишка от первой до последней минуты боя заряжал пушку, повиснув за бортом на виду неприятеля... Но подобные примеры храбрости на "Алексаднре" не удивляли никого, ибо героями были все! Пример в том подавал сам командир. В парадном мундире,

надушенный и при орденах, Он распоряжался спокойно и четко, словно на учениях. Ни одного бранного слова, ни одного окрика не услышали от него в тот день матросы. Казалось, что он находится на под ядрами, а на каком-то рауте.

Не раз и не два пытались французы взять на абордаж упрямый бриг, и всякий раз неудачно. Но вот меткий выстрел с "Александра" поразил одну из канлодок прямо в кюйт-камеру. Раздался оглушительный взрыв. Над волнами встал столб огня и дыма. Когда пелена рассеялась, на месте канлодки плавали только обломки рангоута и несколько чудом оставшихся в живых человек. Чадили дымами пожаров и другие французские суда. Тем их стрельбы сразу же заметно упал. А Скаловский все наращивал и наращивал темп огня.

– Веселей, ребята! – ободрял он и без того в поте лица орудующих артиллеристов. – Подсыпдем Банапартию еще горсть орехов! Пусть зубы-то пообломают!

Меткость русских пушек была поразительной. Вот где сказались долгие месяцы тренировок, которыми Скаловский так изнурял команду.

Уже под утро, окончательно убедившись в том, что пленить русский бриг не удастся, французы повернули вспять. Казалось бы, бой выигран, чего же еще? Но не таков был лейтенант Иван Скаловский, чтобы останавливаться на полпути!

– В погоню! – велел он.

И произошло самое настоящее чудо: маленьких бриг погнал впереди себя три вражеских судна, каждое из которых превосходило его в силе. Воистину небывалое бывает! Нагоняя неприятеля, "Александр" отворачивал в сторону и разряжал борт по концевой канонерке. Видя, что от брига отбиться не так-то просто, французы изо всех сил налегли на весла и только тогда смогли оторваться от преследования.

– Подсчитать потери! – распорядился лейтенант.

– Четверо побитых и семеро раненных! – доложили ему.

– Слава Богу, что малой кровью! – перекрестился тот. – Зато победа не малая! Надолго нас Мармонт запомнит!

С многочисленными пробоинами в корпусе и разбитой кормой "Александр" вернулся на свое исходное место между островами.

А в это время на виду Спаларто медленно тонула вторая французская канонерка. Все попытки довести ее до порта оказались безуспешными: едва успели снять людей. В Спаларто два последних судна встречал сам Мармон. Внезапно на глазах у потрясенного генерала стал тонуть и "Наполеон". Тартану спасли, только успев выбросить ее на ближайшую

отмель. Восстановлению она уже не подлежала. Незадачливого "Наполеона" ожидала разборка на дрова...

– Где же русский бриг? – спросил Мармон командира отряда и глаза его налились кровью.

– Он в море! – был более чем лаконичный ответ.

– Где тогда ваши суда?

– Они на дне, сир!

– Что! – в бешенстве накинулся на своего незадачливого флотоводца генерал. – Ведь я уже известил императора о своем сюрпризе!

– Я искренне сожалею! – вздохнул офицер. – Но вы явно поторопились с докладом!

Прямо на причальной стенке Мармон отобрал у командира отряда шпагу и отправил под арест.

– Мне совершенно не стыдно! – завил арестованный, представ перед военным судом. – Ведь я дрался с противником слабейшим физически, но сильнейшему чем я по искусству и мужеству!

Боясь императорского гнева, Мармон строжайше запретил всякое упоминание о позорном деле у острова Браццо. Рассчитывается, что все забудется, само собой. Но шила, как известно, в мешке не утаить. Осведомители Наполеона работали прекрасно, и вскоре император уже знал все о бесславной потере трех своих судов и более двух сотен солдат.

– Мармону не хватило мужества не только одержать победу над несчастным бригом, но и доложить мне правду о своем позоре! – возмутился Наполеон.

Особенно неприятен был для императора тот факт, что победитель в сражении звался "Александром", а побежденный флагман "Наполеоном".

– Отныне я запрещаю давать свои имена любым суднам! – велел он своему адъютанту генералу Лористону. – Так будет спокойней!

А русский бриг, сменившись с дозора, уже стоял на рейде Боко-ди-Каттаро. Было крещение, и все праздновали. На российской эскадре гремели орудийный, а затем и ружейный салюты. Греки были в восторге, видя столь явное торжество православной веры.

По приходе в порт "Александра", на его борт немедленно прибыл Сенявин. Приняв рапорт об итогах сражения, он горячо благодарил команду за верность присяге, храбрость и молодечество.

В тот же день Сенявин составил подробный доклад о подвиге брига на имя морского министра Чичагова: "... Не могу умолчать, чтоб не доложить о похвальном поступке лейтенанта Скаловского, командующего

бригом "Александр", оказанном при сражении 16 декабря 1806 года с французскими канонерскими лодками. По прибытии брига "Александр" ... я сам видел, сколько избиты у него корпус, особливо корма, весь таке-лаж и паруса картечами и пулями, и даже невероятно, что при таком жестоком сражении на бриге убито 4, да раненных 7 человек. Все сие я не могу иному причесть, как особливою расторопности, мужеству и храбрости лейтенанта Скаловского."

А потом был праздничный крещенский обед. Матросам накрыли столы на улице, офицерам в помещении. Офицеры пили за здоровье адмирала, потом – отличившихся товарищей. При этом все подходили поздравить героя дня. Наконец поднялся и сам Сенявин:

– Здоровье храброго лейтенанта Скаловского, командира брига "Александр"!

Разом вознеслись ввысь пенные кубки. Офицеры кричали дружно:

– Ура, Скаловский!

"Выстрелы полевой артиллерии громом подтвердили достойные заслуги сего храброго офицера..." – писал об этих незабываемых минутах один из очевидцев.

За мужество в сражении при острове Браццо лейтенант Иван Скаловский был награжден Георгиевским крестом 4-степени и произведен в следующий чин вне линии. Случай для того времени весьма нечастый. Но ведь по подвигу и награда! Мичман Григорий Мельников, который "будучи особенно от прочих офицеров рекомендован за то, что он почти во все время сражения, находясь на шлюпке, буксировал оную бриг для необходимо нужных в то время ему поворотов" получил орден Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом, а остальные офицеры: мичман Ратченко, лекарь Ганителев и штурманский помощник 14-го класса Корольков – орденом Святыя Анны 3-й степени.

НА РУМБАХ ЧЕРНОГО МОРЯ

К 1828 году капитан 1 ранга Скаловский уже командовал на Черноморском флоте линейным кораблем «Пармен».

С началом русско-турецкой войны войны излишняя осторожность Грейга выводила командира «Пармена» из себя.

– Наша главнейшая задача – Надежно запереть Босфор! – высказывал он в сердцах капитану 2 ранга Мелихову. – Пока флот бесполезно торчит у Сизополя, а это только на руку туркам!

Умница Мелихов в ответ разводил руками:

– Увы, на этом концерте не я играю первую скрипку!

– Командующий не понимает главного! – резал правду-матку Скаловский. – Флот нужен не для защиты приморских крепостей, а для овладения морем!

Наконец высказывания командира «Пармена» дошли до ушей Грейга.

– Хорошо! – сказал он. – Пусть Скаловский на деле покажет, как он будет завоевывать господство на морском театре!

Спустя несколько дней, «Пармен», вспенив волну, взял курс к Босфорским теснинам. В кильватер ему клали руль линейный корабль «Иоанн Златоуст», бриги «Меркурий» и «Мингрелия». Впереди отряда дозорные фрегаты «Штандарт» и «Поспешный». Над «Парменом» ветер полоскал брейд-вымпел отрядного командира.

Неподалеку от пролива были усмотрены турецкие корабли. Но сразиться не удалось. Не приняв боя, турки сразу же бежали в Босфор.

– Ладно! – процедил сквозь зубы Скаловский. – Поищем удачи в другом месте!

Спустя день у местечка Шили, он настиг турецкий конвой. Огонь русских пушек был точен. Семь турецких судов взлетели на воздух, а оставшиеся два успели выбросить белые флаги...

Победа при Шили стала первой победой морской Черноморского флота. Но упрямый Скаловский на этом не успокоился. От пленных он узнал, что в турецком порту Пендераклия вооружается только что спущенный на воду линейный корабль, а неподалеку, в Акчесаре, готовится к спуску 26-пушечный корвет.

– Решаю произвести нападение на неприятеля до полного его уничтожения! – объявил командир отряда на капитанском совете.

Иных мнений не было.

Третьего мая 1829 года отряд Скаловского подошел к мысу Баба, что прикрывает Пендераклийский порт с севера. Ознакомившись с рейдом и изучив защищающие адмиралтейство береговые батареи, Скаловский решил атаковать ближайшей ночью.

– Медлить нельзя хотя бы по двум причинам! – делился он своими соображениями на шканцах «Пармена». – Прежде всего, любое промедление турки используют для своего усиления, а, кроме того, следует опасаться и «осторожности» нашего командующего. Ежели он, не дай Бог, прознает про нашу диверсию, то тут же погонит сторожить свою любимую Сизополь!

К вечеру оба линейных корабля встали напротив береговых фортов. Фрегат «Штандарт» напротив города, а его собрат «Поспешный» против почти достроенного турецкого линейного корабля.

Была ясная лунная ночь. Вдоль побережья горели сотни костров, то грелась турецкая пехота. Едва с наших линкоров спустили шлюпки с «охотниками», как они сразу же попали под сильный огонь с берега. Желая избежать лишних потерь, Скаловский вернул десант.

– Будем лупить артиллерией! – распорядился он.

Весь следующий день с раннего утра идо самой темноты ревели русские пушки, посылая ядра и брандскугели в неприятеля. К ночи удалось сбить большую часть береговых пушек. Бежала за холмы и турецкая пехота.

– Кличьте охотников! – велел командир отряда, когда солнце стало садиться за горизонт.

Из многочисленных добровольцев-офицеров он отобрал двоих: мичмана Трескина и штурманского кондуктора Черкасова. Первый молод и азартен, второй опытен и осмотрителен. Задача «охотников» была особая: незаметно подойти на шлюпке к борту неприятельского линейного корабля и поджечь его. Дело не только многотрудное, но смертельно опасное.

– Может, передумаете? – Спросил отважных Скаловский перед отплытием.

– Мы отходим, прощайте! – помахали те рукой.

Бесшумно опустились в воду весла, обернутые в уключинах ветошью. Гребцы работали веслами осторожно, чтобы не плеснуть ненароком водой. Разговаривать тоже было строжайше запрещено. Шлюпка незаметной проскользнула к самому борту турецкого корабля. Трескин с Черкасовым быстро прибили в нескольких местах к борту пеньковые кранцы, облили их смолой и зажгли. Едва шлюпка отошла от своей жертвы, как турецкий линкор вспыхнул огромным костром, а затем грянул взрыв... В огромном огненном вихре навсегда исчезли вместе с линейным кораблем стоявший подле него военный транспорт и полтора десятка коммерческих судов. Это был уже погром!

В это же время фрегат «Поспешный» разнес в щепки и достраивавшийся турецкий корвет.

– Кажется, больше нам здесь делать нечего! – покачал головой Скаловский, оглядевши горящий порт. – Выбирать якоря!

В это время подошла шлюпка. Скаловский встречал героев у шторм-трапа. Едва измученные греблей пропахшие порохом «охотники» взобрались на борт «Пармена», командир отряда их расцеловал.

– Спасибо вам, ребята! Вы настоящие герои! Я счастлив, имея под своим началом столь отважных моряков! – говорил растроганный капитан 1 ранга, не выпуская Трескина с Черкасовым из своих объятий.

– Что вы, Иван Семенович, – потупили те глаза. – Мы лишь ваши ученики! А пример для подражания брали с командира брига «Александр»!

Над Пендераклией стояли столбы густого черного дыма. То там. То здесь взметывались в воздух огненные факелы – это рвались артиллерийские погреба на батареях. Пендераклии, как военно-морской базы, более не существовало. Неприятельскому флоту был нанесен первый сокрушительный удар. Бывший командир легендарного брига еще раз показал, на что он способен!

Учинив погром вдоль всего Анатолийского побережья, Скаловский взял курс на Сизополь. К концу подходили вода и ядра. За время перехода – еще одна победа. На этот раз перехватили три крупных турецких транспорта.

Рейд капитана 1 ранга Скаловского вызвал мгновенную реакцию в Петербурге и Константинополе. Если Николай Первый, оставшись довольным действиями лихого командира, велел немедленно произвести его в контр-адмиральский чин, то султан Махмуд, узнав о Пендераклийском погроме, приказал своему флоту незамедлительно выходить в море и проучить дерзких гяуров.

В спешке турки покинули Константинополь и, поставив все паруса, устремились на поиск русских корабельных отрядов. Но едва те показались, как смелость мореходов султана сразу сошла на нет, и они не замедлили снова спрятаться в проливе.

На сей раз, османский флот отстаивался на рейде Буюк-дере вплоть до окончания Байрама. Но и это самое благоприятное время не было в полной мере использовано чересчур осторожным Грейгом. После ряда бесполезных выходов к турецким берегам, он вновь загнал флот в Сизопольский залив.

Прошел Байрам, и турки снова зашевелились. Снова началась старая игра в прятки: турки уходят в Босфор – наши подходят к проливу, Грейг уходит от Босфора, турки высовываются из пролива.

– Никак не могу поймать окаянных! Все время ускользают, больно уж хитры! – разводил руками командующий на совете флагманов.

– Никакой хитрости здесь нет и в помине! – не сдержался Скаловский. – Надо лишь постоянно держать у Босфора сильную эскадру, как

это делают балтийцы в Дарданеллах и тогда туркам канюк! Кто ищет боя. Тот всегда его находит!

Грейг отмолчался, но обиделся сильно.

23 июня командующий все-таки решился вывести в море весь Черноморский флот. Семь линейных кораблей, четыре фрегата и три брига устремились к Босфору. Скаловский был определен командиром авангардии. На подходе к проливу с дозорного фрегата доложили, что у входа в Босфор, не далее пяти миль, держатся несколько турецких кораблей. Время не ждало, и Грейг поднял сигнал командиру авангарда: «Гнать за неприятелем». Три передовых линкора сразу прибавили парусов и помчались по указанному курсу. Остальная же часть флота продолжила свой путь.

Атака Скаловского была, как всегда, лихая, и неприятель, несмотря на полное превосходство в силах, в последний момент все же ускользнул в пролив под защиту береговых флотов.

– Если бы Грейг с остальными силами хоть немного меня поддержал и поспешил бы на пересечку курса неприятелю, то сегодня мы праздновали бы победу достойную Ушакова и Сенявина! – сокрушался из-за упущенной возможности Скаловский.

Ничего не добившись, Черноморский флот повернул на осточертевший всем Сизополь. Грейг все же уступил упорным настояниям Скаловского и нехотя отпустил его с отрядом кораблей в самостоятельное крейсерство к берегам Анатолии.

– Пусть уж лучше в море обитается, чем у меня перед глазами мелькать и словами дерзкими раздражать мое терпение! – обосновал свое решение адмирал в кругу своих любимцев контр-адмирала Критского и флаг-офицера Рогули.

Новый рейд Скаловского напрочь отбил у турок последнюю охоту совершать даже самые незначительные каботажные рейсы. Об этом эпизоде из биографии бывшего командира брига «Александр» лучше всего сказал один из историков нашего флота: «Это 2-недельное крейсерство у Босфора и Анатолии отряда Скаловского было единственным временем действительной блокады пролива, вследствие чего не только турецкий флот не показывался в море. Но и было совершенно прекращено сообщение Константинополя с Анатолией. Но Грейг и этого не учел, так как имел в своем распоряжении в Сизополе 5 кораблей, 2 фрегата и мелкие суда. На смену ему (Скаловскому – В.Ш.) отправил всего один корабль, т.е. опять не для блокады, а лишь для пассивного наблюдения».

Это боевая операция стала для Ивана Скаловского последней в той войне.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ БУНТ

Вскоре после окончания войны Скаловскому был присвоен контр-адмиральский чин, и он получил назначение командиром бригады на Балтику. Но там у него служба не заладилась. Черноморцы вообще всегда плохо приживались на Балтийском флоте.

На Черном море к этому времени изменилось многое. Самым главным было то, что адмирал Грейг сдал дела командующего контр-адмиралу Лазареву, а сам отъехал в столицу. К новому командующему Скаловский давно питал большую симпатию.

Тридцатые годы 19-го века ознаменовались на русском флоте появлением первых пароходов, прозванных острословами за свои длинные тонкие трубы «самоварами». И хотя линейный флот все еще радовал адмиральский глаз ослепительной белизной парусов и расторопностью марсовых матросов, наиболее дальновидные уже с интересом поглядывали на пыхтящие сажей «самовары», прикидывая, что готовит флоту завтра эта грязная диковинка?

Два флота России, Балтийский и Черноморский – как две руки великой державы. Но уж очень были не схожи они на рубеже тридцатых... Не зря, наверное, балтийцы, переведенные на Черное море, с трудом уживались на новом месте, а черноморцы, в свою очередь, под любыми предлогами отрешивались от холодной Балтики. И дело здесь было вовсе не в личных амбициях. Флот Балтийский – флот придворный. Рядом министерство, столица и государь-император. Там, на Балтике, в мгновение ока, не выходя из кабинетов, можно было сделать блестящую карьеру, но также, в одно мгновение, и все потерять. По этой причине корабли балтийские больше стояли, нежели ходили, ведь карьера делалась совсем не на них. Нетерпеливым да непоседливым давали отдушину – кругосветные вояжи. Каждый год по одному судну покидало Кронштадт, отправляясь к дальневосточным берегам. Хочешь плавать? Плавай, но с глаз долой подальше!

На Черном море все обстояло по-иному. Об экзотических кругосветках там и не помышляли, ведь море наглухо закрыто турками. За то уж плавали черноморцы в волю! Ходили в море и в летний штить, и в зимние шторма, да не праздности ради. Черноморский флот был ответственен за Кавказское побережье. Там в горах вот уже много лет шла кровопролитная непрекращающаяся война, и моряки оказывали посильную помощь армии. Суда возили войска и припасы, поддерживали ар-

мейские батальоны на приморском направлении, высаживали десанта и перехватывали военную контрабанду. В делах этих передышки не было. Едва одна эскадры, истощив запасы, брала курс на Севастополь, как отсюда на смену ей уже спешила другая. На Черноморском флоте не было парадов и торжественных салютаций. Там шла тяжелая, черновая работа, внешне, может быть, не слишком приметная, без громких побед и высоких наград, но работа для России самая необходимая.

Окончанию службы на Балтике способствовал неприятный для Скаловского случай. Во время одного из смотров Николаем Первым кораблей на кронштадтском рейде флагман Скаловского не смог отсалютовать императору. Можно понять бешенство Скаловского и всю суматоху на корабле при неожиданном подъеме штандарта, а салютовать мы не могли вместе с другими – пушки не были заряжены». И хотя вина полностью лежала на командире корабля капитане 2 ранга Баскакове, Николай выразил свое большое неудовольствие Скаловскому. Иван Семенович, воспользовавшись моментом, стал просить о переводе на родной Черноморский флот. Николай не возражал. И на следующий год, сдав дела контр-адмиралу Хрущеву, Скаловский отправился в Севастополь.

И вот Иван Скаловский снова в родной черноморской семье. Должность ему предложили такую же, как и на Балтике, – командиром бригады линейных кораблей. Скаловский согласился без раздумий. Ведь здесь его ждали настоящие плавания, а не бессмысленные болтания в «Маркизовой луже»! Но контр-адмиралу предстояло еще одно испытание, и не в штормовом море, а на берегу в Севастополе...

В то время в городе было тревожно. Из-за чумного карантина севастопольская беднота вот уже несколько месяцев влачила полуголодное существование: через санитарные кордоны в город продукты не завозились, и люди перебивались, кто как мог. Русский народ долготерпелив, но наступает все же когда-то момент, когда и его терпению приходит конец. Настал день, когда истощилось оно и у севастопольцев, и тогда начался бунт!

Волнения охватили всю Корабельную сторону и так называемый Хребет беззакония – центральный городской холм, где издавна ютились в своих лачугах нищие и обездоленные. Недовольство началось, как это обычно бывает, с публичных поносительств начальства, затем в дело пошли камни, и, наконец, по улицам засвистали пули...

Насмерть перепуганный генерал-губернатор Столыпин созвал совещание старших должностных лиц. От армейцев был приглашен генерал Примо, от флота должен был быть Грейг, но командующий флотом поспешил дистанцироваться от происходящего и определил вместо себя Скаловского. – Скаловский.

– Вы, Иван Семенович, только что из столицы и мятеж декабристский знаете не понаслышке. Каково ваше мнение, как разогнать бунтовщиков, чтоб урок был преподан, и государь на нас не прогневался? – обратился к контр-адмиралу Столыпин.

– В делах карательных я не знаток! – отвечал тот. – Но думаю, что лучше иного будут переговоры!

– Хорошо! – после некоторого раздумья, решил губернатор. – К вам претензий у бунтовщиков не имеется, так вы к ним и поедете!

На Корабельную сторону Скаловский отправился в открытой коляске. Едва остановился на Бомборах, коляску обступила возбужденная толпа.

– Сюда! Сюда! – кричал кто-то надсадно. – Енерал прикатил! Пужать будет!

Скаловский встал на подножку. Невольно поежился под недобрый взглядом окружавших его людей, кашлянул в кулак:

– Не пугать я вас прибыл, а узнать о бедах ваших и просьбах!

Толпа тотчас буквально взорвалась криками. Люди, казалось, только того и ждали. Чтоб высказать наболевшее.

– Долго ли еще будут нас голодом морить?

– Пошто здоровых в карантинах месяцами томите?

– Отчего доктора зимой в море купаться силком сгоняют?

– Почему баб наших донага раздевают, а потом над ними гогочут?

– Все вами сказанное я передам губернатору немедля! – заявил Скаловский, когда поток претензий стал иссякать. – Думаю, он непременно накажет виновных, и должный порядок во всем наведет. Вы ж не бунтуйте, а расходитесь по домам.

Контр-адмирала провожали враждебным молчанием. В справедливость губернатора Столыпина никто не верил.

– Вот видите, Иван Семенович, сказывал я вам, что переговоры здесь никак не помогут! – недобро усмехнулся Столыпин, когда Скаловский рассказал ему о поездке.

– Но разве трудно наказать виновных в тех беззакониях. Что творились с людьми, ведь очевидно, что на Корабельной стороне голод! – наивно поинтересовался контр-адмирал.

– Я вам удивляюсь! – покачал головой Столыпин. – Непорядки у нас были и будут всегда, но исправление оных есть дело лиц чиновничьих. Согласен, что пока чумы в городе нет, что врачи переусердствовали, но ведь делали они все для пользы общей. Потому за сие их не наказывать, а награждать надобно. Что касается черни, то слушание ее, есть не

что иное, как самый настоящий бунт! Никаких переговоров более вести с бунтовщиками я не намерен, пришла пора штыков и картечи – это лучшее из всех лекарств!

– Честь имею кланяться! – сухо попрощался Скаловский.

Адъютанту он велел взять свои вещи на корабль, при этом сказал:

– Здесь нам более делать нечего! Моряки жандармам не товарищи!

А восстание охватывало тем временем все новые и новые улицы матросских слободок. В те минуты, когда в губернаторском доме совещались о том, какие меры лучше употребить на усмирение толпы, повстанцы уже во всю громили дом вице-адмирала Патаниоти. Оказавшийся там флаг-офицер черноморского флагмана, пытался, было, защитить адмиральское добро, крича:

– Наш адмирал хороший! Нельзя его разорять!

– Врешь! – ответили ему мастера. – Он нас плотников, по зубам лупцевал? Лупцевал! Теперь за евойные хфокусы и тебе врежем!

И врзали, да так, что незадачливый лейтенант едва уполз. Горели дома, то там, то здесь слышались выстрелы, крики, ругань.

По дороге на Графскую пристань коляску Скаловского внезапно остановили. Теперь толпа была настроена куда решительнее, чем при первой встрече. Это контр-адмирал понял сразу.

– А ну-ка выходи! – дернул его за рукав какой-то отставной унтер. – Щас мы те покажем!

С контр-адмирала сорвали эполеты, силой затащили в ближайшую церковь.

– Дай расписку, что чумы в городе нету! – кричали ему яростно.

– Я не врач! – пытался отнекиваться Скаловский.

Внезапно он увидел в толпе своего бывшего канонира с «Александра» Трофима Афанасьева. Тот едва заметно кивнул и схватил за рукав больше всех кричавшего, того, кто призывал собравшихся убивать всех начальников подряд без разбора.

– Что мелешь! – оттолкнул оратора в сторону. – Отличать надобно настоящих мироедов от невинных людей! Сей адмирал – Скаловский! Он в сенявинской средиземной кампании один с пятью французскими кораблями дрался и всех побил! А Егорий его не за порки шпицрутенами получил, а за храбрость военную!

Речь отставного канонира должно впечатление произвела. Внимание к Скаловскому ослабло. Повстанцы решили идти ловить настоящих мироедов. Воспользовавшись этим, Афанасьев помог контр-адмиралу покинуть церковь. Выбравшись на улицу, Скаловский примкнул к колонне солдат Орловского полка, направлявшегося на перекрытие улиц.

Вел колонну генерал-майор Турчанинов. Но вскоре встала и колонна. Восставшие окружили солдат. Те сразу побросали ружья. Мы против своих не вояки. Офицеры обнажили сабли.

– Что будем делать? – обратился к Скаловскому Турчанинов.

– Давать расписку! – ответил тот. – Главное сейчас не допустить крови!

Тут же на барабане Скаловский с Турчаниновым начертали: «1830 года, июля 3 числа, мы, нижеподписавшиеся, даем расписку жителям города Севастополя в том, что в городе Севастополе не было чумы, и нет, в удостоверение чего подписываемся. Турчанинов, Скаловский».

Лишь к вечеру добрался контр-адмирал на корабль, где и слег с приступом сердечным.

Через несколько дней, в город уже вступали верные престолу войска. Вел их граф Воронцов. Начались аресты, суды, казни. Свидетелем пытались привлечь к судам и Скаловского. Ведь контр-адмирала был среди повстанцев и должен был знать зачинщиков. Но Скаловский от участия в судилищах отказался наотрез. Когда же следователи наехали к нему на квартиру, он выставил их за дверь, заявив:

– Зачинщиков и зачинщиц я не заметил. Вся толпа упорствовала одинаково!

Это показание Скаловского осталось в материалах судебного дела.

Севастопольские события произвели на боевого контр-адмирала самое гнетущее впечатление. Чтобы, как можно скорее забыть все это, он старается с утра до вечера заниматься служебными делами, бывать на кораблях и ходить в море.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Походы к берегам Кавказа стали последней страницей богатой событиями жизни Ивана Семеновича Скаловского. По несколько раз в году он водил все новые и новые отряды кораблей туда. Где вздымались до горизонта синие горы, где пули горцев легко находили себе жертву. А подорванное службой здоровье все уходило. Все труднее становилось взбираться по крытым корабельным трапам, но, как и прежде, на бизань-мачте флагманского корабля очередной крейсерской эскадры развевался его флаг. Пришло время, и старый адмирал, как болит изношенное сердце. Командующий флотом адмирал Лазарев приехал, чтобы навестить больного.

– Штаб-лекарь весьма озабочен вашим состоянием! – произнес он, присаживаясь в изголовье больного.

Скаловский лишь слабо махнул рукой, и тотчас перевел разговор на другую тему:

– Волнует меня, что на «Варшаве» рангоут худо поставлен, а «Андрианополь» тимберовки требует!

– Будет тебе! – остановил его Лазарев. – Сейчас думай о своем здоровье и лежи!

– Нет уж, – привстал на локтях разобиженный Скаловский. – Мне нынче отлеживаться недосуг, мне корабли к берегам абхазским вести надобно!

И водил. Водил, когда уже отказывали ноги, и на шканцах он мог только сидеть на принесенном раскладном стуле, водил, когда стаканами валерьяновой настойки глушил боль в сердце.

– Умирать сегодня страшно! – отщучивался он от друзей, настаивавших на поездке на воды. – А когда-нибудь ничего!

– Пора уж тебе и отдохнуть от дел ратных, ведь и чин, и пенсия давным-давно имеется. Сколько я буду одна сидеть дома в окно на море глядячи? – плакала жена.

– На том свете и отдохновлюсь! – смеялся через силу Скаловский, трясая гривой седых волос. – Да и жив я еще только потому, что служу.

– Когда же теперь-то домой ждать? – вытерла платочком заплаканные глаза жена.

– Через пару месяцев, когда припасы кончатся! – был ей ответ.

– Ты уж там себя побереги! – попросила супруга, смирившись с неизбежным.

– Поберегу всенепременно! – поцеловал ее в соленую щеку муж. – Не волнуйся, не в первый раз!

Смерть пришла к старому адмиралу внезапно. Писал в каюте бумаги, почувствовал боль в сердце. Единственно, что успел – дернул за шнур сигнального колокольца. Когда адъютант вбежал в салон, Скаловский был уже мертв.

Гроб к месту последнего упокоения несли командиры кораблей: Нахимов, Корнилов, Новосильцев, Панфилов... Те, кто мужал под его началом.

– Так умирают праведники! – скакал на похоронах Лазарев, бросив ком желтой крымской земли в могилу. – Мир праху твоему!

На единственном дошедшем до нас портрете Скаловского, видно, что был он человеком достаточно суровым. Черты лица грубы и резки, горбатый нос и кустистые брови дополняют его мужественный облик.

Нам, живущем ныне, Скаловский памятен, прежде всего, своим легендарным боем на бриге «Александр», навсегда вошедшим в историю отечественного флота.

Вспомним же еще раз слова старого суворовца Ставракова: **«Не каждому и их генералов наших выпала честь числиться в личных врагах французского императора!»**

ДУШОЮ ЧИСТ И ЛЮБИТ МОРЕ...

Нахимов... Имя его давно стало олицетворением служения Отечеству для многих поколений россиян. С именем Нахимова связана целая эпоха нашего флота с победами при Наварине и Синопе, кавказскими десантами и великой Севастопольской эпопеей. Ни один из отечественных флотоводцев никогда не был столь обожаем и любим соратниками при жизни, как Нахимов. Ни один не удостоился такой общенародной любви после своей гибели, как он. Нахимова помнят, им восхищаются, его чтят. Что же такого совершил этот человек, что и сегодня в его честь называют военно-морские училища и улицы, боевые корабли и площади? Почему и сегодня молодые лейтенанты одевают свои фуражки с особым шиком «по-нахимовски», а седые адмиралы с гордостью носят на груди как высшую награду моряка Орден Нахимова. В чем же феномен этого человека, чье имя неотделимо от Севастополя? Того, чье обаяние мы ощущаем через века?

СТУПЕНИ ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЫ

Родился Павел Нахимов под Вязьмой в далеком 1802 году в семье отставного екатерининского секунд-майора. Жили скудно, а потому вскоре Павел был определен в Морской корпус на «казенный кошт». В пятнадцать лет Нахимов уже мичман. Бриг «Феникс» – его первое судно, а первым плаванием стало крейсерство по Балтике. Наверное, уже в это время начала проявляться и главная отличительная черта Нахимова. Морская служба сделалась для него не просто любимым делом, как для подавляющего большинства других флотских офицеров, она стала для него делом ЕДИНСТВЕННЫМ. Делом, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка, отказавшись во имя этого от всех мирских забот и даже личной жизни.

Вскоре на Нахимова обращает внимание один из самых выдающихся моряков той эпохи Михаил Петрович Лазарев. В то время мичман Нахимов совершил поступок, по мнению многих, совершенно глупый и безрассудный. Он отказался от перевода в престижный гвардейский экипаж, а попросился служить на новостроящийся корабль в неблизкий Архангельск.

Там Нахимов познакомился с человеком, преклонение перед которым он пронесет через всю свою жизнь. Вскоре на фрегате «Крейсер» под командой Лазарева он уходит в трехлетнее кругосветное плавание, ставшее прекрасной практической школой для молодого моряка. Канарские острова – Рио-де-Жанейро – Тасмания – Аляска – Сан-Франциско – Таити – Портсмут – вот основные этапы этого беспримерного похода. И на «Крейсере» Нахимов поражает своих сотоварищей совершенно истовым отношением к делу. Из воспоминаний сослуживца: «В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Нигде товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им, или, в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Во время плавания на «Крейсере» произошел случай, который как нельзя лучше характеризует Нахимова. В ненастную погоду упал за борт матрос. Быстро спустили шлюпку. Старшим в нее прыгнул, конечно же, Нахимов. Спасти матроса, к сожалению, не успели. Но на этом беды не кончились. Внезапно налетевшим шквалом шлюпку отнесло так далеко от фрегата, что ее потеряли из вида. Только после четырехчасового поиска в океане шлюпка возвратилась к фрегату. За свой самоотверженный поступок Лазарев представил Нахимова к награде. В докладной бумаге он написал: «Сию готовность Нахимова при спасении жертвовать собой я долгом почел представить на благоусмотрение господ членов государственной адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждой, что подвиг не найдется недостойным внимания...» Увы, в поощрении Нахимову Петербург отказал.

Из общего контекста блестящих характеристик Нахимова в этот период выпадает отзыв его соплавателя по «Крейсеру» будущего декабриста Дмитрия Завалишина. Завалишин упрекает Нахимова в чересчур подобострастном отношении к командиру. Что ж, Нахимов никогда не делал секрет из того, что обожал Лазарева, считая его своим главным учителем. Хорошо известна и язвительность Завалишина, который в своих воспоминаниях не щадил никого.

В кругосветные плавания (или как в то время говорили кругосветный вояж) Нахимов ушел еще совсем юным моряком, вернулся же возмужавшим морским волком, прошедшим три океана. Отныне и навсегда судьба Нахимова переплелась с судьбой Лазарева. В служебной характе-

ристике командир фрегата «Крейсер» написал о Нахимове: «...Душою чист, и любит море». Эти слова могли бы, наверное, стать девизом всей жизни Нахимова. Наконец, «Крейсер» вернулся в Кронштадт. Но задерживаться на берегу долго Нахимов уже не мог. Море снова звало его к себе. Вскоре вместе с Лазаревым он убывает в Архангельск принимать новостроенный 74-пушечный линейный корабль «Азов». Затем был трудный переход штормовыми морями в Кронштадт. На «Азов» Лазарев подбирал офицеров самолично. Вместе с Нахимовым пришли туда бывшие «крейсерцы» лейтенант Бутенев и мичман Домашенко, мичман Корнилов и гардемарин Истомин.

В это время резко осложнилась политическая ситуация в Средиземноморье. Турция утопила в крови восставшую против порабощения Грецию, и император Николай решает послать к греческим берегам эскадру, чтобы демонстрацией силы прекратить избиение единоверцев и поддержать повстанцев. В состав эскадры был включен и «Азов». А перед самым выходом в море, на «Азов» прибыл прославленный флотоводец, герой Афонского и Дарданельского сражений адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Когда-то Сенявин сам начинал свой ратный путь под флагом великого Ушакова. Теперь же от него эстафету служения Родине перенимало новое поколение: Лазарев и Нахимов, Корнилов и Истомин, те, кому судьбой было предопределено сохранять и преумножать славу российского флота дальше. ...Преемственность поколений, имен, подвигов... От Петра Великого к Спиридову, от Спиридова к Ушакову, от Ушакова к Сенявину, от Сенявина дальше, дальше и дальше... Непрерывающаяся связь времен и традиций... Впрочем, во время плавания на «Азове» произошел и неприятный случай с Нахимовым. За жестокое обращение с матросами он был наказан в Приказе самого Сенявина. Так в лице Нахимова столкнулись две морские школы: английская с ее равнодушным отношением к нижним чинам и старороссийская, пусть тоже барская, но видевшая в матросе не вербованного наемника, а соотечественника, служившего не за призовые деньги, а за живот. Отечественное Сенявинское «внушение» сыграло свою роль – отныне Нахимов навсегда не только поймет, что матрос тоже человек, но и постепенно настолько сроднится с ним, что впоследствии заслужит даже прозвище «матросского адмирала».

В Портсмуте эскадра простилась с Сенявиным. Прославленного адмирала отзывали в Петербург. Далее эскадру повел уже контр-адмирал Логин Гейден. Свой флаг он так же поднял на «Азове».

Соединившись с британской и французской эскадрами, наши корабли подошли к Наварину, где укрылся турецкий флот. Союзники не

желали кровопролития. Командующий турецким флотом был предупрежден о немедленном прекращении карательных экспедиций в Греции. Турки не ответили, и тогда в Наваринскую бухту вошли союзные корабли. Пятьдесят семь лет назад здесь уже грохотали пушки русских кораблей эскадры адмирала Спиридова, принесшие славу русскому оружию. Теперь сюда пришли сыновья героев тех лет, чтобы вновь сразиться за свободу братского народа. История подвига повторилась, сделав еще один виток...

Первыми ударили турецкие пушки, им незамедлительно ответствовали орудия с русских, английских и французских кораблей. Так началась знаменитая Наваринская битва. «Азов» сражался в самом пекле против пяти, а то и против шести противников сразу. От частых разрывов вода в бухте буквально кипела, в воздухе висел тяжелый пороховой дым. В один из моментов боя Лазарев увидел, что турки буквально расстреливают английский флагман «Азия». Не раздумывая долго, Лазарев тут же прикрывает своим бортом союзника, невзирая на большие повреждения от огня. Весь бой Нахимов сражается на баке. Там он командует артиллерийской батареей.

– Зажечь фитили, приготовить замки! Забить снаряды! – распорядился на баке "Азова" лейтенант Павел Нахимов. – Изготовиться к пальбе с обоих бортов!

Все готово к открытию огня. Последние минуты самые томительные. Наконец со шканцев прокричали:

– Открыть огонь!

– Батарея пали! – мгновенно отреагировал Нахимов и другие батарейные командиры.

"Азов" в одно мгновение окутывается дымом.

Вдалеке в сплошной туче черного дыма по самые клотики "Азия" Кодрингтона. Гейден с Лазаревым с беспокойством поглядывали на английский флагман: ведет огонь или горит? Разглядеть подробно было невозможно.

– Мы в точке определенной нам диспозицией! – доложил Лазареву штурман.

– Передайте на бак, чтобы клали дагликс! – велел командир «Азова» вахтенному офицеру.

Тот репетовал команду на бак линкора Нахимову:

– Приготовиться к положению якоря!

Тот в ответ поднимает вверх руку, мол, понял.

Из шканечного журнала линейного корабля "Азов": В 3 часа, пришел по назначенной диспозиции в свое место, на глубине 25 саж., грунт ил, брошен якорь "даглист" и, отдав канату до 50 саж., привели помощью шпринга правый борт корабля противу неприятельского двухдечного корабля и фрегата в расстоянии от первого на один кабельтов, и тогда открыли сильный огонь с правого борта).

Обнаженные по пояс матросы закладывали гандшпуги и ворочали ими, наводя пушки для очередного залпа. Внезапно случайная искра попала на сложенные пороховые картузы. Те мгновенно вспыхнули, и огонь быстро побежал по палубе. Часть матросов бросилась, было, в сторону.

– Стой! – закричал Нахимов. – Кому жизнь недорога за мной! Ободренные матросы кинулись за Нахимовым. Вместе с ними, оказавшись рядом, мичман Путятин и гардемарин Истомин. Общими силами они быстро потушили еще не разгоревшийся пожар.

Из шканечного журнала линейного корабля "Азов": «В 3 1/2 часа с неприятельского корабля сбиты были все мачты и перебиты канаты, которые и понесло за корму. В сие время совершенно открылся стоявший во 2 линии в интервале турецкий адмиральский двухдечный фрегат и некоторые корветы, продолжали пальбу с правого борта...»

– Залп! – выхватив сабли, кричали плутонговые командиры – Залп! Залп! Залп!

До турок было рукой подать, а против "Азова" обратили свои орудия сразу пять турецких судов. Едва ж азовцы успели в первый раз разрядить свои пушки, как корабль внезапно вздрогнул раз, затем еще и еще. Турецкие 6-фунтовые ядра в упор поражали русский флагман.

Бой был тяжел и яростен. У борта "Азова" стена фонтанов от падающих ядер. На самом корабле тоже жарко. То и дело вспыхивали пожары, рвались снасти, рушился такелаж. Но и азовцы в долгу не оставались. Прошло менее четверти часа с начала боя, как меткими выстрелами комендорами флагмана была разбита грот-мачта ближайшего турецкого фрегата. Верхняя ее часть рухнула в воду, по пути разнеся в щепки фальшборт. Упав, мачта потянула за собой паутиной вант весь фрегат. Турки кричали истошно. И было от чего! Судно сильно накренилось на борт, задрав в небо ближний к "Азову" борт. И очередной пушечный залп пришелся точно в небеса.

– Аллаху своему презент послали! – усмехнулся Гейден. – Теперь уж точно не видать им от него милостей!

Зато уж "Азов" не промахнулся, и через несколько минут превратил своего противника в горящую грудку дров. Вскоре, чадающий пожаром фрегат на буксирах оттащили под защиту береговых укреплений.

– Какие повреждения? – спрашивал Гейден Лазарева.

– Фок-мачту выбило из стесов. Едва держится на цепях! – Что с грот-мачтой? – Трещина до нижнего дека. От бизани, сами видите, одни обломки!

Мимо санитары тащили окровавленного матроса.

– Живой? – закричал им Лазарев.

– Куда там, – ответили санитары. – Наповал!

– Да, только начали, а уже жарко! – вздохнул Гейден и, взяв трубу, принимается рассматривать турецкий флот.

Ни Гейдену, ни Лазареву, однако, причин радоваться пока еще никаких не было.

Перед кораблем было еще четыре противника. Батарейные командиры лишь утерли рукавами пот, перенацелили пушки и все началось по новой.

Вскоре очередное меткое ядро, пущенное с "Азова", пробив борт, попало прямо в крыйт-камеру очередного корвета. Взрыв был оглушительный, и останки судна разметало по всей бухте. Высоко в воздухе в клубах дыма летели доски и снасти, головы и руки...

Бой продолжался. «В жару битвы палубы наших кораблей представляли зрелище одинаково ужасное: без мундиров, с завязанными или заткнутыми ушами, дабы совсем не оглохнуть, те люди, которые, за несколько часов (до боя) казались короткими и добрыми, теперь казались бешеными. С диким взором, с растворенными устами, не замечая никакой опасности, они бросались и опрометью бежали туда, куда приказывали. Храбрейшие возвышали голос; им охотно и стремительно повиновались, и никто не узнал бы робкого. Тяжелораненные и умирающие, одни лежали смиренно, другие ползли на перевязку, не произнося ни одного жалобного стопа. Вскоре крикливое «ура!» подменилось отчаянным молчанием, и тут-то каждый, можно сказать, работал за четверых, и силы по мере утомления. Казалось. Увеличивались. Томимые жаром, жаждой и усталостью матросы окачивались морской водою (коею в осторожность от пожара палубы наливааются), прикладывались к ядрам или держали свинцовые пули во рту, и тем освежали горящие губы и запекшийся язык. В таком положении ничто не утешало их; большой ужас возбуждал большую храбрость: каждый взрыв сопровождался радостным «ура»,

даже раненные на кубрике провозглашали сей символ славянской храбрости...»

– Не суетись ребята! – кричали азовские офицеры вошедшим в азарт артиллеристам. – Целься вернее под ватерлинию, чтоб тонул исправно!

Лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Владимир Корнилов и Ефим Путятин, гардемарины Дмитрий Шишмарев и Владимир Истомин – все при деле!

Над "Азовом" занимаются (в который уже раз) языки пламени. Их сбивают, аварийные партии мечутся от бака к югу.

...Очередной залп с турецкого фрегата и падает, заливая кровью палубу, лейтенант Бутенев. В горячке он пытается подняться. Из раздробленной ядром руки хлещет кровь. Лейтенант рвет зубами рубаху.

– Затяни узлом повыше! – хрипит он подбежавшему матросу. – И живо назад к орудию!

Еще некоторое время Бутенев руководит своей батареей, но силы оставляют его, и он падает на руки своим артиллеристам. Пушки среднего дека принимает под свое начало мичман Константин Истомин. Невозмутимо вышагивая среди свистящих ядер в сдвинутой на затылок фуражке, он подбадривает матросов:

– Это что, в аду, говорят, еще почище-то будет! Залпировать по моей команде! А целить под срез палубный!

Позднее Нахимов вспоминал: "...Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают марсовому уряднику, который прежде его был ранен..."

Теперь против "Азова" оставалось всего лишь три противника. Но радость экипажа линейного корабля была недолгой. На место выбитого из линии фрегата уже выходил откуда-то из-под берега другой, еще невредимый. На "Азове" же к тому времени повреждений хватало: шаталась во все стороны выбитая из степса фок-мачта, вышло из строя немало и пушек. В неразберихе боя кто-то по неосторожности, отбрасывая в сторону зажженный картуз, попал им в кучу других, приготовленных для пальбы. Начались взрывы и большой пожар. В конце концов, хотя и с большим трудом, но с ним все же справились.

Усмотрев, что русскому флагману приходится нелегко, на выручку ему поспешил капитан Ла-Бретоньер. Его "Бреслав", оставил назначенное ему диспозицией место, с которого французы почти не могли вести огня по туркам. Обрубив якорный канал, "Бреслав" сумел протиснуться в узкий промежуток между "Азовом" и стоявшим рядом британским "Аль-

бионом". С подходом Ла-Бретоньера положение Лазарева несколько улучшилось. "Бреслав" отвлек на себя сразу несколько турецких судов, и русские моряки смогли немного перевести дух.

В свою очередь азовцы, несмотря на свое, почти полное окружение, турками, умудрялись оказывать посильную помощь "Альбиону", сражавшемуся с 84-пушечным флагманом Мухарем-бея. Турецкий линкор сопротивлялся отчаянно, огонь его был на редкость точен. Но вот англичанам как-то удалось перебить его шпринг, и оставшейся без якоря турецкий корабль очередной порыв ветра внезапно развернул кормой к "Азову".

– Лупи его анфиладным! – не сдержавшись яростно крикнул Лазарев.

– Причешем строптивца, коль напрашивается! – репетовали в свою очередь матросам батареинные командиры.

– Держите, гололобые! – в азарте забивали пробойниками ядра и пыжи матросы. – Счас не нарадуетесь!

Первый же залп полностью смел в воду корму турецкого корабля. После второго корабль занялся огнем. В течение получаса сразу четырнадцать пушек верхнего дека сосредоточенно били по пылавшему турку, пока не превратили его в совершенное месиво. Не прекращавшийся огонь "Азова" лишил турок возможности тушить все разраставшийся пожар. Вот они уже принялись прыгать за борт, вначале еще ровно по одному, а затем посыпались десятками. Полыхающий языками пламени флагман Мухарем-бея понесло куда-то в сторону. Но вот, наконец, огонь достиг крюйт-камеры и 84-пушечный гигант разорвался с грохотом и треском.

Из донесения Гейдена Николаю Первому о Наварине: "...Командир французского корабля «Бреславль», заняв невыгодную при начале сражения позицию и усмотрев, что корабль Азов весьма много терпит от неприятеля, сражаясь в одно время против 5 военных судов, и почти не наносит им никакого вреда, немедленно обрубил свой канат и занял позицию между «Азовом» и английским кораблем «Альбионом», чрез что некоторым образом облегчил наше положение. «Азов», со своей стороны, тогда как сам был окружен турками, много помог английскому адмиралу, который сражался с 80-пушечным кораблем под флагом Мухарем-бея и когда сей последний, по причине перебитого у него шпринга, повернулся к «Азову» кормою, то 14 орудий на левом борту были немедленно отделены для действия против сего корабля и действовали с таким успехом, что через 1½ часа разбили ему всю корму и когда в констапельской каюте сделался пожар, и турки употребляли все усилия, чтобы пога-

сильное возгорание, сильный картечный огонь с «Азова» сему воспрепятствовал, турецкий корабль вскоре обнялся пламенем и, наконец, взорван на воздух; между тем один из английских бригов, который много в сражении потерпел и потерял свои якоря, взят на бакштов капитаном Хрущовым, командиром фрегата Константин и чрез то в продолжение целой ночи сохранен от всякого вреда".

"Казалось, весь ад развернулся перед нами, – писал позднее об этих минутах лейтенант Павел Нахимов. – Не было места, куда бы ни сыпались кнители, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться именно с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники)... О, любезный друг, кровопролитное и губительнее сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что при Абукире и Трафальгаре ничего подобного не было".

Наградой за мужество в Наваринском сражении стал для Нахимова внеочередной капитан-лейтенантский чин и Георгиевский крест. В наградном листе против фамилии Нахимова имеется приписка: «действовал с отличной храбростью». Вместе с ним получили свои первые боевые награды и Корнилов с Истоминым.

Вскоре после сражения Нахимов получает и новое назначение. Теперь он командир захваченного у турок корвета, названного в честь одержанной победы «Наварин». Можно только представить себе, как счастлив был он, получив под свое начало боевое судно. В кратчайшие сроки Нахимов приводит еще недавно запущенный и грязный корвет в образцовое состояние. Затем долгие месяцы крейсерских операций в Средиземном море и блокада Дарданелл. И снова Балтика. Боевые отличия не остались без внимания начальства, и Нахимов ждет новое назначение, на этот раз командиром строящегося фрегата «Паллада».

Наверное, ни один из судов парусного флота не получил такой известности, как «Паллада». Ее воспел в одноименном романе Иван Гончаров, а подвиги экипажа фрегата во время обороны Петропавловска-на-Камчатке давно стали легендой. Но первым командиром, вдохнувшим жизнь в это знаменитое судно, был именно Нахимов.

Командуя «Палладой», Нахимов еще раз находит возможность показать свои блестящие морские навыки. В ненастную погоду, идя в голове эскадры, он обнаруживает, что заданный курс ведет прямо на камни. Немедленно оповестив следом идущие корабли сигналом: «Курс ведет к опасности», Нахимов отворачивает в сторону. Надо ли говорить, какую

ответственность взял на себя молодой капитан, когда выявил ошибку такого знаменитого и сурового флотоводца, как адмирал Фаддей Беллинсгаузен, опытного моряка и первооткрывателя Антарктиды.

А затем новый поворот судьбы! И капитан 2 ранга Нахимов навсегда расстается с Балтикой. Отныне теперь его жизнь, смерть и бессмертие будут связаны с флотом Черноморским. Пока Нахимов пересекает на почтовых империю с севера на юг, приглядимся к нему внимательней. Внешне он ни чем не примечателен: высок, сутул, худощав и рыжеволос. В поведении и привычках весьма скромнен. Общеизвестно, что он никогда не разрешал писать с себя портретов. Единственная карандашная зарисовка Нахимова была сделана в профиль, со стороны и наспех. Таким его образ и остался для потомков. Всю жизнь Нахимов бережно хранит память о своем старшем товарище Николае Бестужеве, сгинувшем после восстания декабристов в сибирских рудниках. Он никогда не забывает своих друзей-однокашников Михаила Рейнеке и Владимира Даля. Он постоянен в своих привязанностях, не искушен в интригах, но в делах службы до педантизма требователен к себе и другим.

Назначению на Черное море Нахимов всецело был обязан своему учителю и наставнику Лазареву. Лазарев к этому времени уже полный адмирал и только что назначен командовать Черноморским флотом. Лазарев собирает к себе своих единомышленников, таких как контр-адмирал Авинов (женатый на сестре жены Лазарева), всех своих воспитанников, тех в кого верит, тех, на кого он может положиться в любом деле: Корнилова, Истомина и, конечно же, Нахимова.

Владимир Алексеевич Корнилов так же переведенный на Черноморский флот, имел к тому времени чин лейтенанта, два ордена, репутацию блестящего боевого офицера и эрудита. Лейтенант Владимир Иванович Истомин, приобретя к этому времени опыт крейсерских операций, также имел самые лестные отзывы. Так в 1834 году на Черном море собрались воедино все те, кому двадцать лет спустя, придется обессмертить здесь свои имена, пасть, но не отступить перед врагом.

Прибыв в Николаев, Нахимов получает многообещающее назначение командиром на строящийся линейный корабль «Силистрия». И сразу же, как всегда, энергично принимается за работу. Одному из своих друзей он пишет в это время: «В Кронштадте я плакал от безделья, боюсь, чтоб не заплакать здесь от дела». Тогда же за отличие в службе получает он и свой следующий чин капитана 2 ранга.

Естественно, что предводимая рукой столь ревностного командира «Силистрия» вскоре по праву становится лучшим кораблем Черномор-

ского флота. Поразительно, но Нахимов относился к своему кораблю, как к существу одушевленному, именуя его не иначе как «юношей». Когда же он по болезни вынужден на некоторое время отсутствовать, то в письмах очень переживает за то, в какие руки попадет его «юноша» и как пойдет его «воспитание» дальше.

Командуя «Силистрией», Нахимов участвует в высадках десанта против кавказских горцев при Туапсе и Псезуапе. В ходе этих операций на «Силистрию» неизменно держал свой флаг адмирал Лазарев. Там же был и начальник штаба эскадры только что произведенный в капитаны 2 ранга Корнилов. Рядом с флагманским кораблем неотлучно следовала и посыльная шхуна «Ласточка» под началом капитан-лейтенанта Истомина... Снова учитель настойчиво передавал знания и опыт своим ученикам, словно предчувствуя, какие страшные испытания выпадут на их долю...

И опять, как несколько лет назад на Балтике, поведение Нахимова рождает целые легенды. Во время одного из выходов в море на «Силистрию» наваливается неудачно маневрировавший корабль «Адрианополь». Тут же командир «Силистрии» бросается в самое опасное место, туда, где разлетается в щепу борт, и рвутся снасти. Когда же недоумевающие офицеры корабля спрашивают своего командира, зачем он подвергал свою жизнь опасности, то Нахимов невозмутимо отвечает:

«В мирное время такие случаи редки и командир должен ими пользоваться. Команда должна видеть присутствие духа в своем командире, ведь, может быть, мне придется идти с ней в сражение!

И здесь Нахимов идет своим, только ему присущим путем, и здесь он живет одним – подготовкой к возможной войне!

Впрочем, Михаил Петрович Лазарев своему ученику доверял безгранично, по праву считая его лучшим из лучших. В 1845 году Нахимов получает контр-адмиральские эполеты. Однако в жизни его ничего не меняется, все отдается только службе. Даже в редкие минуты отдыха он занят флотскими делами. Именно Нахимова избирают севастьяпольские офицеры общественным директором Морской библиотеки. Говорят, что любил он иногда выходить на Графскую пристань и в подзорную трубу подолгу рассматривать входящие и выходящие из бухты суда. От придирчивого взгляда адмирала нельзя было скрыть ни малейшую погрешность в такелаже.

Никогда не имя своей семьи Нахимов считал своей семьей матросов. А потому, зачастую все свои деньги отдавал им, их женам и детям. Зная доброту и отзывчивость адмирала, к нему шли все от молодых офицеров до старух вдов, и Нахимов старался помочь каждому. Вспомним, что тогда еще властвовало недоброй памяти крепостное право, и росси-

яне делились на бар и мужиков. Отношения между ними были соответствующие. Тем зримее для нас видна большая и добросердечная нахимовская душа, которая никогда не могла остаться равнодушной к чужому горю...

... Пушкин никогда не был в Севастополе и не был лично знаком ни с Нахимовым, ни с Корниловым. Он был почти рядом, в Георгиевском монастыре, где провел ночь, любуясь на Черное море с высоты взметнувшейся ввысь скалы. Однако и сам Севастополь не остался без внимания поэта. Сегодня мало кто знает, что старший брат будущего героя Севастопольской обороны Корнилова Александр был однокашником Пушкина по Царскосельскому лицей. Кроме этого именно в Севастополе служил в течение многих лет его ближайший лицейский друг Федор Матюшкин, еще мальчишкой, получивший прозвище «Плыть хочется» за неистовое стремление к морской службе.

ВО ГЛАВЕ ЭСКАДРЫ

На Черное море Матюшкин попал в числе иных «птенцов» адмирала Лазарева, а потому имя его стоит в одном ряду с именами Корнилова и Нахимова. Да и сам командующий Черноморским флотом всегда ставил их рядом: «...Я разумею преимущественно капитана 2 ранга Нахимова и капитана-лейтенанта Матюшкина... Они старательные и неутомимые по службе офицеры». С Корниловым и Нахимовым Матюшкин был дружен. И если с первым Матюшкина объединяла общая петербургская молодость, язвительный ум, то со вторым – холостяцкий быт и неистовое увлечение службой. Из писем Матюшкина: «Что сказать вам о своем быте? Вы знаете Севастополь. Живу я в доме поблизости гауптвахты... стена о стену с Нахимовым и Стодольским...» Еще письмо – и снова слова о Нахимове: «Я живу по-старому – каждый божий день в хижине и на корабле, вечером – в кругу старых братьев – Нахимова, Стодольского...»

В 40-е годы Нахимов очень сближается не только с Матюшкиным, но и с Корниловым. Одно время они с последним являются даже соперниками. Нахимов командует «Силистрией», Корнилов «Двенадцатью Апостолами». Между капитанами и кораблями идет нескончаемое соревнование. Кто быстрее поставит паруса, кто быстрее поймает ветер. Всякий раз, бывая в Николаеве, Нахимов неизменно останавливается в семье Корнилова, занимаясь и играя с его детьми. Корнилов же, будучи в Севастополе, всегдашний гость Нахимова. Соратники по наваринской эпопее,

они постепенно становятся не только друзьями, но и единомышленниками в деле развития Черноморского флота.

Из воспоминаний современников о Нахимове: «...Доброе, пылкое сердце, светлый пытливый ум; необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросами по душе, называя каждого из них, при объяснении, друг, и был действительно для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ».

Из рассказов князя Путятина: «По утрам, раз в месяц Нахимов приходит на пристань. Там его уже ожидают все обитатели Южной бухты из матросской слободки и безбоязненно, но почтительно окружают его. Старый матрос на деревянной ноге подходит к нему: «Хата продырявилась, починить некому». Нахимов обращается к адъютанту: «Прислать к Позднякову двух плотников». «А тебе что надо?» – обращается Нахимов к какой-то старухе. Она вдова мастера из рабочего экипажа, голодает. «Дать ей пять рублей». «Денег нет, Павел Степанович» – отвечает адъютант. «Как денег нет? Отчего нет?». «Да все уже розданы». «Ну, дайте пока из своих». Но и у адъютанта нет денег. Тогда Нахимов обращается к другим офицерам: «Господа, дайте мне кто-нибудь взаймы». И старуха получает просимую сумму».

Может, именно за эту простоту и любовь к простым матросам его недолюбливало столичное начальство, называя, порой за глаза то боцманским, а то и матросским адмиралом. Думается, Нахимов на это не обижался. Дел у него всегда было вдоволь.

Знаменитая картина Айвазовского «Смотр Черноморского флота». Сколько в ней скрытого смысла! Вот император Николай Первый, облокотившись на фальшборт, восторженно взирает на безукоризненный строй парусных линейных кораблей. За его спиной тесной сплоченной кучкой стоят те, кому через несколько лет придется лечь в склепе Владимирского собора: Лазарев, Корнилов и Нахимов.

Белизна наполненных ветром парусов ласкает взор императора. Увы, мощь его могучего и эффектного флота призрачна. Англия и Франция уже спешно спускают на воду паровые суда. Россия отстанет всего лишь на несколько лет, но цена этого отставания будет кровавой...

В 1850 году в Новороссийской бухте встретились два черноморских фрегата – «Кулевчи» и «Кагул». На первом держал свой флаг Корнилов, на втором – Нахимов. Думаю, что настроение у обоих друзей-соперников в тот день было прекрасным, да и обстановка, видимо, позволяла расслабиться. Неизвестно, кто из них первым предложил устроить гонку, да важно ли это! Участники этой удивительной гонки спустя много времени вспоминали, что азарт у всех ее участников был небывалый.

В облаках белоснежных парусов фрегаты мчались в Севастополь. «Кулевчи» только чуть-чуть опередил «Кагул». Кто мог тогда знать, что впереди друзей – адмиралов будет ждаться война и долгий бой за родной им Севастополь. Кто мог тогда знать, что смерть свою они примут в той же последовательности, в какой они мчались на всех парусах в ждущий их Севастополь: вначале Корнилов, а затем и Нахимов. Никому не дано предугадать своей судьбы...

В 1851 году после тяжелой болезни умирает Лазарев. Тело умершего в далекой Вене адмирала в Севастополь привозит младший из его наваринских учеников – Истомин. Командование Черноморским флотом переходит к престарелому адмиралу Берху, который тут же устраняется от всех дел, передав фактическое руководство всем в руки начальника штаба флота контр-адмирала Корнилова. Нахимов в это время командует флотской дивизией. Теперь именно они: Корнилов и Нахимов остаются в ответе за Черноморский флот, теперь именно по ним равняются все остальные, теперь им предстоит продолжить эстафету черноморской доблести и славы.

Эпоха Николая Первого... Время цензуры и солдатских поселений, шпицрутенов и жандармского всеислия. Огромная империя работает как единым механизмом, где каждый самый мелкий чин знает свое место и свои обязанности. Но механизм, даже самым совершенным, свойственно стареть. И вместо навсегда ушедшей эпохи «славного двенадцатого года» на Россию надвигается иная – эпоха Крымского погрома. Удивительно, но ослепленный собственным величием, Николай Первый сам провоцирует столкновение со всей Европой. Вначале он предъявит Турции требования по своему покровительству над православными подданными османской империи, а затем пришлет в Константинополь для переговоров князя Меншикова, и тот своим надменным поведением окончательно все испортит. Турки, чувствуя поддержку Лондона и Парижа, начнут упрячиться. И тогда Николай, запугивая их, двинет на Дунай армию. Так в 1853 году начнется война, вошедшая в историю под названием Крымской.

Сегодня мы забыли, но планы Англии и Франции во многом предваряли знаменитый «план Барбаросса». Союзники планировали отторгнуть от России Прибалтику и Белоруссию, Причерноморье, Украину и Крым. На Кавказе они мечтали создать под протекторатом Турции независимую Черкессию.

Тогда этим планам сбыться было не суждено. На пути союзников встал Черноморский флот и Севастополь. И пав в этой неравной борьбе, они все же сумели отстоять Россию.

...А политическая обстановка в Европе с каждым днем обостряется. Турция, подстрекаемая Англией и Францией, провоцирует войну. Не теряя времени даром, Нахимов с Корниловым, демонстрируют Стамбулу боевую мощь Черноморского флота, осуществляя блестящую операцию по перевозке за один рейс из Севастополя на Кавказ целой пехотной дивизии с лошадьми и артиллерией! И сегодня историки военно-морского искусства приводят эту операцию, как классическую.

Еще несколько месяцев и происходит окончательный разрыв отношений между Оттоманской Портой и Россией. Черное море, в который уже раз, становится ареной битв между флотами двух держав. Понимая ситуацию, Корнилов и Нахимов буквально осаждают морского министра и главнокомандующего вооруженными силами юга России князя Меншикова просьбой нанести удар непосредственно по турецкой столице, захватить Босфор и лишить англичан с французами всякой возможности проникновения в черноморские воды. Для этого у флота есть все: мощные корабли и умелые капитаны, десантные войска и опыт их высадки. Но Меншиков колеблется, а когда, наконец, решается, то уже поздно. А Нахимов уже уходит во главе эскадры в боевое крейсерство. Вице-адмирал ищет неприятельский флот, ищет, чтобы уничтожить его и тем самым решить исход войны. Корнилов тем временем готовит к походу остальные корабли; укрепляет береговую оборону.

Эскадра Нахимова держалась в море до полного истощения запасов воды до конца июня. "Наблюдая за Босфором, – писал один из современников, – эскадра крейсеров съела последний сухарь, тратя воду по порциям, пируя на одной солонине, сторожа денно и ночью неприятелей, не сбросивших еще своей личины, приготавливаясь к должному приему их упражнениями боевыми, под зноем летнего черноморского солнца". В те дни на кораблях эскадры распевали кем-то сочиненную песню о турках-лиходеях. Едва боцманы свистали "команде песни петь и веселиться", как на "Двенадцати апостолах" заводили:

*Турки наши лиходеи,
Христианских душ злодеи
За морем живут. Эх, живут!*

"Апостольских" песенников подхватывали на "Ягудииле" и "Варне":

*Кораблей наших боятся,
Моряков наших страшатся:
В море не идут. Эх, не идут!*

Нахимов всегда любил вникать во все мелочи. Прогуливаясь по шканцам и глядя на обучение молодых матросов, он частенько сам брал на себя обязанности учителя.

Из воспоминаний современника лейтенанта Зарудного:

« – Что за вздор-с, – говорил он (Нахимов – В.Ш.) офицерам: – Не учите их, как попугаев, пожалуйста, не мучьте и не пугайте их; не слова, а мысль им передавайте.

– Муха! – сказал Павел Степанович одному молодому матросу, имевшему глуповатое выражение лица, – чем разнится бомба от ядра?

Матрос дико посмотрел на адмирала, потом ворочал глазами во все стороны.

– Ты видал бомбу?

– Видал.

– Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро? Матрос молчал.

– Ты знаешь, что такое булка?

– Знаю.

– И пирог знаешь, что такое?

– Знаю.

– Ну, вот тебе: булка – ядро, а пирог – бомба. Только в нее не сыр, а порох кладут. Ну что такое бомба?

– Ядро с порохом, – отвечал матрос.

– Дельно! Дельно! Довольно с тебя на первый раз».

Дозорная служба безоблачной не была. Периодически из пролива появлялись турецкие, а то и английские суда, которые имитировали обстрелы наших судов. Наши отвечали тем же и пока этим дело кончалось. Когда провокации стали учащаться, Нахимов произвел рокировку. Вперед к проливу он выдвинул уже более тяжелые фигуры – фрегаты, а бриги, наоборот, оттянул к главным силам.

Жизнь на крейсирующей эскадре шла своим чередом, авралы чередовались с ученьями парусными и артиллерийскими, а нескончаемые вахты с редкими минутами отдыха. Это был свой особый мир, скрытый от взоров и понимания непосвященных. Чтобы разнообразить жизнь своих офицеров, а заодно преподать им уроки тактики, Нахимов ежедневно приглашал корабельных офицеров к себе на обед, причем предпочтение

отдавал молодежи. Эти «нахимовские обеды» эти офицеры запомнили на всю оставшуюся жизнь.

Из рассказа лейтенанта В. Зарудного об обеде у адмирала Нахимова: «В этот день Павел Степанович пригласил к своему столу, по обыкновению, несколько офицеров. Командир фрегата постоянно обедал вместе с ним. Этот раз были приглашены Александр Александрович, вахтенный лейтенант, несколько мичманов, и я в том числе.

Когда мы вошли в каюту, то застали адмирала в веселом расположении духа: он смеялся, ходя взад и вперед по каюте, и тотчас же рассказал Александру Александровичу происшествие, которое его так развеселило. Дело было в том, что ютовой матрос сказал адмиралу какую-то добродушную грубость, отличавшуюся простонародной остротой. Жалею, что забыл содержание анекдота; мы невнимательно слушали Павла Степановича, потому что были заняты созерцанием стола с изящным убранством и гостеприимным содержанием.

– Сегодня арбуз будет, – сказал мне У. шепотом, толкая меня в бок.

Павел Степанович услышал его и быстро обратился к нам с вопросом: – Откуда взяли, что арбуз будет? Вы ошибаетесь, арбуза не привозили с берега.

– Я уже видел в шкафе, – ответил У., показывая рукой то направление, на котором, действительно, виднелся привлекательный предмет чрез полуоткрытые дверцы шкафа. Мы взглянули на него с особенною нежностью.

Происшествие это огорчило Александра Александровича. Мичман У. служил при авральных работах на грот-марсе. Иногда при досадных для старшего офицера неудачах на грот-марсе Павел Степанович советовал старшему офицеру не давать мичману У. арбузов. И без того раздраженный Александр Александрович отвечал: какое мне до него дело, пусть себе ест, что хочет.

– Нет-с, нет-с, – говорил Павел Степанович; – вы не сердитесь, а согласитесь со мной, что мичману У. не следует давать арбузов-с: хуже этого для него нельзя ничего придумать.

С удовольствием сели мы за стол.

– Просматривал я газеты, полученные с последней почтой, – сказал Павел Степанович, садясь за стол. – Думал найти в фельетоне что-нибудь о новой книжке «Морского сборника». Нет ни слова, а как много пишут они пустяков! Споры ни на что не похожи-с; я был заинтересован последним спором, захотел узнать, из чего они бьются, – как скучно ни было, прочел довольно много. Дело вот в чем-с. Один писатель ошибся, слово какое-то неверно написал-с; другой заметил ему это довольно кол-

ко, а тот вместо того, чтобы поблагодарить его за это, давай браниться! И пошла история недели на две; что ни почта, то все новая брань. Нет, право-с, эти литераторы непонятный народ-с, не худо бы назначить их хоть в крейсерство у кавказских берегов, месяцев на шесть, а там пусть пишут, что следует.

Все засмеялись, и Павел Степанович также.

– Да не досадно ли, право-с, – продолжал адмирал: – ведь вот хоть бы «Морской сборник», – радостное явление в литературе! Нужно же поддержать его, указывая на недостатки, исправляя слог не в специальных, а в маленьких литературных статьях. Наши стали бы лучше писать от этого-с.

– Как критиковать начнут, так и охота пропадет писать, – сказал один из мичманов хриплым голосом.

– Не то, не то вы говорите-с: критиковать – значит указывать на достоинства и недостатки литературного труда. Если бы я писал сам, то был бы очень рад, если бы меня исправлял кто-нибудь, а не пишу я потому, что достиг таких лет, когда гораздо приятнее читать то, что молодые пишут, чем самому соперничать с ними.

– У нас и без того хорошо пишут, – ответил тот же хриплый господин.

– Едва ли так-с. Мне, по крайней мере, кажется, что у нас чего-то недостает: сравните с другими журналами, увидите разницу, иначе и быть не может. Всякое дело идет лучше у того, кто посвятил на него всю свою жизнь. Что же хорошего в нашем журнале, когда он весь покрыт одной краской, когда не видишь в нем сотой доли того разнообразия, которое мы замечаем на службе?

Я решился возразить Павлу Степановичу и заметил ему, что, по моему мнению, в специальном журнале все должно быть подведено под одну форму.

– Не в том дело-с, господин Корчагин (так именует себя в рассказе Зарудный – В.Ш.), не о форме говорю я, а о содержании.

– Да и на службе все однообразно, здесь каждый день одно и то же делается.

– Неужели вы не видите-с между офицерами и матросами тысячу различных оттенков в характерах и темпераментах? Иногда особенности эти свойственны не одному лицу, а целой области, в которой он родился. Я уверен, что между двумя губерниями существует всегда разница в этом отношении, а между двумя областями и подавно. Очень любопытно наблюдать за этими различиями, а в нашей службе это легко: стоит толь-

ко спрашивать всякого замечательного человека, какой он губернии: через несколько лет подобного упражнения откроется столько нового и замечательного в нашей службе, что она покажется в другом виде.

Мысль эта необыкновенно поразила меня. В первый раз я услышал ее от Павла Степановича, и с тех пор она не выходила из моей головы. Наблюдения над людьми, в особенности, когда они спорят; исследование нрава человека, с которым мы сами приведены в столкновение, – очень любопытны. Преодолевая порывы собственного негодования, и отстраняя влияние пристрастия, можно упражнять наблюдательные способности свои, – тогда, не допуская помрачения ума, случающегося в минуту вспыльчивости, можно с удивительною ясностью определить отличительные черты характера и темперамента людей. В этом отношении, действительно, каждая губерния и каждый человек должны иметь свою особенность, зависящую от климатических и других внешних условий, особенность, которую безбоязненно можно назвать оригинальностью. Павел Степанович Нахимов обладал в высшей степени подобною наблюдательною способностью, которая развивается житейской практикой, следовательно, нелегко приобретается.

Кроме того, Нахимов, как народный юморист, имел доступ ко всякому подчиненному; кто говорил с ним хоть один раз, тот его никогда не боялся и понимал все мысли его и желания. Такие качества составляют не простоту, понимаемую в смысле простодушия, а утонченность ума и энергию светлой воли, направленных к известной цели. Этими обстоятельствами и объясняется очевидное могущественное влияние Нахимова на большие массы разнохарактерных людей. Как специалист и превосходный практик, он быстро достигал своей главной цели: приучить и приохотить подчиненных ему матросов и офицеров к военному морскому ремеслу.

Счастливым результатом куплен им ценою бесчисленных неприятностей и самых разнообразных огорчений, употребленных в пользу философии твердого ума, который не избегал, а искал неприятностей, когда ожидал от них хороших последствий. Подобные характеры, редкие по своей силе и настойчивости, развиваются не под влиянием надзора товарищей и нравочений начальников, а, напротив, укрепляются под гнетом зависти и злобы первых и себялюбивых угнетений последних. Ничто не в состоянии подавить творческую силу природы хорошо созданного человека, силу, которая подобно стальной пружине выпрямляется при малейшем облегчении.

Вот выгодная сторона службы на море, вот что развивает характеры многих моряков. Но та же причина убивает энергию молодых, не окрепившихся умов и дает им ложное направление в жизни.

– Мало того, что служба представится нам в другом виде, – продолжал Павел Степанович, – да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми и в видах поощрения бичевать всех без различия словами и линьками. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего со всеми подчиненными, и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно. Представьте себе, что вдруг у нас на фрегате сменили бы меня и командира фрегата, а вместо нас назначили бы начальников англичан или французов, таких, одним словом, которые говорят, пожалуй, хорошо по-русски, но не жили никогда в России. Будь они и отличные моряки, а все ничего не выходило бы у них на судах; не умели бы действовать они на наших матросов, вооружили бы их против себя бесплодной строгостью или распустили бы их так, что ни на что не было бы похоже. Мы все были в корпусе; помните, как редко случалось, чтобы иностранные учителя ладили с нами; это хитрая вещь, причина ей в различии национальностей. Вот вся беда наша в том заключается, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель. Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого ни слова не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться до такой степени всем чуждым, чтобы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда русских журналов не читают и хвастают этим; я это наверно знаю-с. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками – простолюдинами. А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее – уже их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина того, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним страхом хотят действовать. Могу вас уверить, что так. Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отста-

ли, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своим пренебрегают, чужому завидуют и своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится.

Павел Степанович вспыхнул; яркий румянец покрыл его лицо, и он быстро начал мешать ложкой в супе.

Эта мысль, удивившая меня тогда еще больше той, которая ей предшествовала, сменилась скоро другими впечатлениями и недолго держалась в голове; в одно ухо вошла, а из другого вышла. Но когда эхо Синопского боя долетело до этих самых ушей, когда весь мир был поражен неслыханным в истории фактом, – истреблением крепости и значительной эскадры в несколько часов полдюжиной парусных линейных кораблей, – тогда возобновилась в уме моем давно забытая мысль и отозвалась в сердце каким-то упреком.

В Нахимове могучая, породистая симпатия к русскому человеку всякого сословия не порабощалась честолюбием; светлый ум его не прельщался блеском мишурного образования, и горячее сочувствие к своему народу сопровождало всю жизнь его и службу. Неужели мы будем приписывать одной сухой науке успех победы, зависевшей от энергической деятельности множества людей?

Во время этой беседы с адмиралом, несмотря на мои двадцать лет от роду, я вследствие особенных обстоятельств и условий нашего воспитания находился еще в том периоде жизни, когда запас школьных познаний ставит человека в странное положение на службе: при недостатке опытности честолюбие, искусственным образом развитое системой школьного образования, мешает иногда нам верно оценить свое положение в обществе и видеть множество ступеней, отделяющих нас от людей, много проживших и много сделавших. По школьной привычке мы судим еще о достоинстве людей, измеряя его экзаменным масштабом, как будто все достоинство человека заключается в количестве его ученых познаний, а не в полезных действиях его жизни. Имея эту слабость, общую почти всем молодым людям нашего века, я давал слишком важное значение скудному запасу своих познаний, не убедившись опытом, как легко все забывается и как много уже мною забыто. Этому обстоятельству я приписываю излишнюю смелость в обращении с сановниками, недопустимую условиями общественных приличий, смелость, которая внезапной импровизацией часто поражала меня самого больше, чем других. Удивительно, как медленно развивается иногда нравственное начало в человеке и как быстро совершаются в нем перевороты, изменяющие взгляд его на самого себя и на окружающую сферу.

Приписывая вспышку Павла Степановича тому, что он рассердился на меня за возражение, я надулся. Чего тут, думаю себе, обижаться возражениями; разговор неслужебный; значит, всякий может иметь свое мнение. Отчего же Александр Александрович всегда может спорить, а я не могу? – я не виноват, что я мичман.

Возобновление разговора о литературе очень скоро примирило меня с Павлом Степановичем; по выражению добрых его глаз я убедился, что он нисколько не сердится на меня за участие в споре.

– Все неудачи в литературе, – говорил Павел Степанович, – при доказанной опытности писателей происходят от того-с, что все одни и те же лица пишут. Сидит себе человек на одном месте, выпишет из головы все, что в ней было, а там и пойдет молоть себе что попало. Другое дело-с, когда человек описывает то, что он видел, сделал или испытал, и притом поработал довольно над своей статьей, и отделал ее, как следует-с. Боюсь я за «Морской сборник», чтобы с ним не случилась та же оказия-с. Когда возьмутся писать два-три человека каждый месяц по книге, то выйдет ли толк? Нужно всем помогать, особенно вам, молодые люди, вас это должно интересовать больше, чем нашего брата-старика, а выходит обратно-с. Ну, чтобы вам, например, г. Фермопилов, написать что-нибудь для «Сборника» о подъеме затонувшего судна; ведь вы сами там работали, так можете описать все как следует...

Вечером в этот день случилось со мною происшествие, оставившее неизгладимое впечатление в моем уме и сердце. Когда бора стихла, тотчас подняли рангоут и вечером после заката солнца спускали брам-реи и брам-стенги. Сойдя с марса на палубу, я увидел, что поднимают шлюпку на боканцы, и тут же наблюдал за работой. В этот день шлюп-боканцы были выкрашены, и потому лопарь талей был загнут через борт и завернут на марса-фальном кнехте. Мат не был подведен под лопарь, отчего и стиралась краска на сетках. Старший офицер был занят чем-то на шканцах, и Павел Степанович заметил вскользь об этой неисправности командиру фрегата. Абасов (командир фрегата – В.Ш.) обратился прямо ко мне, хотя на юте был офицер старше меня, которому по справедливости и должно было сделать замечание, а не мне, так как я только что сошел с марса, где мог бы еще оставаться, если бы захотел избегать работ.

– Ступайте на бак, – сказал мне Абасов, раздосадованный тихим замечанием адмирала.

– Не за кусок ли стертой краски приказываете идти, куда не следует?

На фрегате вдруг все стихло; все слушали с величайшим вниманием, что будет дальше. Некоторые матросы смотрели с марсов вниз: к ним

долетели отголоски небывалой сцены. Павел Степанович тотчас же прекратил объяснение.

– Ступайте, – сказал он мне твердым, решительным, но спокойным голосом, – за краску или другое что, вы должны помнить, что на вас смотрят и слушают вас другие.

Я пошел на бак, туда, где держат под арестом и наказывают матросов. Я пошел не потому, чтобы сознавал в этом необходимое условие военной дисциплины, а просто повинуюсь магическому влиянию власти человека, могучего волей и опытностью, чувствуя нравственное превосходство его над собою и свое бессилие. Не успел я дойти до бака, как меня догнал Александр Александрович, чтобы передать приказание адмирала о том, что с меня арест снят. Я сошел вниз; кают-компания была наполнена офицерами; у всех были бледные лица, и все громко и горячо о чем-то говорили. Я не слышал ничего; ушел в свою каюту и заплакал от злости.

Теперь только я могу спокойно вспоминать и разбирать обстоятельства прошедших невзгод, а тогда я обманывал себя разными умозаключениями, опасаясь пристально заглянуть в свое сердце и сознаться в том, что я еще не узнал себя хорошо. Всех и все унижал я перед собою и оправдывал себя во всех отношениях. С ненавистью смотрел я на бледные лица сослуживцев и только впоследствии с удовольствием думал о том, что эта драматическая сцена доказывала успех воспитания нашего общества. Успокоившись несколько от первого порыва негодования, я пошел к адмиралу объясниться: твердою рукою взялся за ручку двери адмиральской каюты, с нетерпением желая увидеть человека, который всегда превозносил достоинство дворянина и так унижил его сегодня.

Павел Степанович был сильно взволнован и быстрыми шагами ходил по каюте.

– А, это вы, Корчагин, очень рад вас видеть.

– Ваше превосходительство, я пришел покорнейше просить вас списать меня на один из крейсеров вашей эскадры.

– Зачем-с?

– После сегодняшнего происшествия я не могу служить на фрегате с охотою и усердием.

– Вы читали историю Рима?

– Читал.

– Что было бы с Римом, если бы все патриции были так малодушны, как вы, и при неудачах, обыкновенных в тех столкновениях, о которых вы, вероятно, помните, бежали бы из своего отечества?

Я молчал, потому что не был подготовлен к экзамену в таком роде.

– Нам не мешает разобрать подробнее обстоятельства неприятного происшествия. За ничтожную неисправность вам сделали приказание, несообразное с обычаями и с честью, а вы поторопились сделать возражение, несогласное с законами. Внимание всей команды было возбуждено в присутствии адмирала; неужели вы поступили бы иначе на моем месте в настоящее время, когда у нас нет устава; при таком условии начальник рискует потерять право на уважение общества и быть вредным государству вследствие своей слабости.

Сердце мое мгновенно освободилось от тяжкого бремени, и я вздохнул свободнее.

– Господин Корчагин, нужно иметь более героизма и более обширный взгляд на жизнь, а в особенности на службу. Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля; матрос бросится на бордаж, ежели понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу, как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных, как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр, вздор-с, весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость своего неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это воспитание и составляет основную задачу нашей жизни; вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неуспынно и, видимо, достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня; я этою привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков-с. У многих командиров служба не клеится на судах, оттого что они неверно понимают значение дворянина и презирают матроса, забывая, что у мужика есть ум, душа и сердце, также как и у всякого другого.

Эти господа совершенно не понимают достоинства и назначения дворянина. Вы также не без греха: помните, как шероховато ответили вы мне на замечание мое по случаю лопнувшего бизань-шкота? Я оставил это без внимания, хотя и не сомневался в том, что мне ничего не значит заставить вас переменить способ выражений в разговорах с адмиралом;

познакомившись с вашим нравом, я предоставил времени исправить некоторые ваши недостатки, зная из опыта, как вредно без жалости ломать человека, когда он молод и горяч. А зачем же ломать вас, когда, даст бог, вы со временем также будете служить, как следует; пригодятся еще вам силы, и на здоровье! Выбросьте из головы всякое неудовольствие, служите себе, по-прежнему, на фрегате; теперь вам неловко, время исправит, все забудется. Этот случай для вас не без пользы: опытность, как сталь, нуждается в закалке; ежели не будете падать духом в подобных обстоятельствах, то со временем будете молодцом. Неужели вы думаете, что мне легко было отдать вам, то приказание, о котором мы говорили, а мало ли что нелегко обходится нам в жизни?

Не без удивления выслушал я монолог адмирала. Куда девался тон простака, которым Павел Степанович беседовал с мичманами наверху по вечерам? Откуда взялись этот огненный язык и увлекательное красноречие? Эти вопросы задавал я себе, выходя из адмиральской каюты совершенно вылеченный от припадка нравственной болезни, с которой вошел в нее. Как опытный лекарь, Павел Степанович умел подать скорую и верную помощь; а это было ясным доказательством того, что он был великий моралист и опытный морской педагог...»

Что ж, великое счастье, что в столь трудный для России час у руля ее флота были такие флотоводцы, как Нахимов. Пройдет совсем немного времени и именно им предстоит остановить объединенную Европу, но вначале надо было дать по рукам зарвавшимся туркам.

Стояла уже глубокая осень 1853 года. Непрерывно штормило. Нахимов по-прежнему упорно искал турок. Упорство и терпение его было, в конце концов, вознаграждено. Турецкий флот под командой Осман-паши был обнаружен в Синопской бухте. Немедленно блокировав бухту, Нахимов, несмотря на недостаток сил, готовится к сражению. По его просьбе к Синопу подходит эскадра контр-адмирала Новосильского. Теперь можно и атаковать! В преддверии сражения на шканцах нахимовских кораблей перед командами читают адмиральский приказ: «...Не распространяясь в наставлениях, я выскажу мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающем нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело...»

Приказ заканчивался словами: «...Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Под началом Нахимова к этому времени имелись корабли: «Императрица Мария», «Париж», «Три Святителя», «Константин», «Ростислав» и «Чесма» с двумя фрегатами. Турецкий флот насчитывал четырнадцать парусно-фрегатов, фрегатов, корветов и других судов. Стоящий на якорях у берега флот прикрывался мощными береговыми батареями. Противник был не из легких, но отступить Нахимов намерен не был.

СЛАВА СИНОПА

В полдень 17 ноября русская эскадра держалась под парусами в нескольких милях к северо-востоку от Синопа. По сигналу с «Марии» было уменьшено расстояние между кораблями. Эскадра легла в дрейф. Затем по сигналу флагмана эскадра построилась в две колонны. Нахимов сигналом приказал командирам кораблей «заметить порядок ордера похода 2-х колонн». Первую колонну составили корабли «Императрица Мария», «Константин», «Чесма», вторую – «Париж», «Три святителя» и «Ростислав».

Ближе к вечеру последние тренировки команд и приготовления были закончены. Старший артиллерийский офицер по эскадре капитан Яков Морозов доложил Нахимову:

– Ваше превосходительство, по докладам с кораблей артиллерия к бою готова и люди отработаны!

– Хорошо-с! – кивнул Нахимов, вымерявший что-то в это время на карте.

Он только что, в сопровождении своего адъютанта Острено, обошел «Императрицу Марию» и объявил благодарность капитану 2 ранга Барановскому «за быстрое приведение нового корабля в боевой порядок». Такой же похвалы удостоился и командир «Великого князя Константина» Ергомышев.

Ночь на 18 ноября русская эскадра провела в 10,5 мили к северо-востоку от Синопского перешейка. Ночь перед сражением была мрачная, ветреная и дождливая. Утренняя заря медленно пробивалась сквозь закрывавшие небо свинцовые тучи. Над нашей эскадрой ревел порывистый ветер с мелким холодным дождем... Для атаки турецкой эскадры нам надлежало вначале держать курс на норд-вест ветер, для этого был почти попутный, однако для последующей постановки на шпринг он представлял серьезное неудобство.

Из воспоминаний участника сражения: «После ужина... кто писал письма, кто тихо передавал друг другу свои последние мысли, свои по-

следние желания. Тишина была торжественная. У всех было одно слово на уме: «завтра...»

Ночь эскадра провела под парусами в 10 милях к норд-осту от Синопского перешейка. Спал ли кто из русских моряков в эту ночь нам не известно. Утро 18 ноября было мгlistым. Моросил мелкий противный дождь. Видимость оставляла желать много лучшего. Однако при этом к утру установился тихий ОНО, который способствовал сближению с неприятелем.

Отслужив молебен, эскадра, с развевающимися на брам-стенгах национальными флагами, взяла курс на Синоп. На ходу, по сигналу, эскадра перестраивалась в две колонны. На кораблях зачитывали последние слова из приказа командующего: «Государь Император и Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота; от нас зависит оправдать ожидания». Матросы кричали «ура».

В батарейных палубах заканчивались последние приготовления. Канониры раскрепили пушки, оставив их только на боковых и задних таях. К орудиям поднесли банники, ганшпуги, приборники, и пыжи. В ведра налили воду, у люков сложили запасные колеса и тали, предназначенные для замены поврежденных. В камбузе затушили огонь, на палубах приготовили баки с водой для питья, батарейные палубы полили водой и посыпали песком, чтобы не скользить по крови. Трюмные унтер-офицеры с плотниками спустились вниз, чтобы быть в готовности заделывать пробоины. На салинги поднялись мичмана для наблюдения за действиями артиллерийского огня.

В 7 часов 15 минут эскадра окончательно построилась в две колонны. Правую, наветренную возглавил Нахимов на "Императрице Марии". В кильватер «Марии» держал "Великий князь Константин", следом за ним неотступно "Чесма" и коневым фрегат "Кагул". Левую подветренную колонну возглавлял Новосильский, держащий, по-прежнему, свой флаг на «Париже». Следом за ним шли "Три Святителя", "Ростислав" и "Кулевчи". Двигавшаяся ранее на зюйд-вест-тень-вест, эскадра затем изменила курс на зюйд-ост. По сигналу с «Марии» на кораблях отдали рифы у марселей, и эскадра сразу начала набирать скорость.

– Каков ход? – поинтересовался Нахимов у вахтенного офицера мичмана Вальда.

Тот прометью метнулся к лотовому унтер-офицеру:

– Шесть узлов, ваше превосходительство!

– Это хорошо-с, – буркнул Нахимов себе в усы.

В 8 часов утра Нахимов дал приказ по входу в бухту, быть готовыми встать на якорь со шпрингом. С кораблей отрепетовали о его приеме.

Четверть часа спустя эскадра по сигналу Нахимова легла в дрейф и на воду спустили гребные суда. На воде шлюпки и баркасы во время боя будут целее, чем на палубе, к тому же у них много своих дел: заводка шпринга, доставка донесений, спасение погибающих. В баркасы и полу-баркасы сложили верпы с кабельтовыми для быстрой постановки на шпринг.

В 9 часов 30 минут все шлюпки были спущены, корабли снялись с дрейфа и продолжили движение прежним курсом. На фалах «Императрицы Марии» рассыпались новые флаги: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд».

В 9 часов 45 минут команды пообедали. Ели наскоро, без обычных шуток и прибауток. Некоторые отказывались от обеда, говоря:

– Коль ядро в брюхо попадет, а оно пустым будет, то намного лучше, чем, когда щами да кашей набито!

– Лучше тебе уже тогда не будет! – говорили их сотоварищи, ложки облизывая. – Эх, хорошо я сегодня две пайки уговорил! Что б еще кто отказался!

– Дураков более нету! – отвечали ему, сидевшие вокруг бака артельщики философски. – С чего ento ядру турецкому обязательно нам в брюхо лететь? Оно может и в голову, и в ногу, чего ж тогда лишать себя обеда сытного!

В 10 часов 30 минут на кораблях пробили тревогу. Каждое орудие зарядили двумя ядрами, чтобы первый залп был всепокрушающим. Кое-кто из строевых офицеров засомневался было, выдержат ли такой заряд стволы. Но артиллеристские офицеры заверили: выдержат!

К этому времени эскадра уже обогнула Синопский полуостров.

– Мы на траверзе мыса Боз-Тепе! – доложил Барановскому корабельный штурман, визировавший береговую линию в пель-компас.

– Есть! – коротко отозвался командир «Мари» и поспешил к командующему.

– Павел Степанович, мы на траверзе Боз-Тепе!

– Хорошо! – кивнул головой Нахимов.

Корабли двигались медленно и в полном молчании. Лишь тихо по-свистывал в такелаже ветер, да плескала за бортами волна. В этом безмолвном движении было некое священнодействие, ощущение высшей торжественности наступающей неотвратимости. И офицеры, и матросы целовали нательные кресты, творили молитвы. Каждый в эти минуты из них думал о чем-то своем, о самом для него дорогом. Каждый понимал,

что с первым выстрелом его судьба более ему не подвластна. И как знать, доведется ли встретить следующее утро...

Судьба порой, будто, специально играет людьми, сводя их в схожих ситуациях снова и снова. Вот и сейчас при Синопе она вновь свела старых противников – вице-адмирала Павла Нахимова и вице-адмирала Османа-пашу. В 1827 году они уже сражались друг против друга при Наварине, правда, будучи еще далеко не в адмиральских должностях: Нахимов лейтенантом на линейном корабле «Азов», а Осман-паша – капитаном небольшого брига. И вот теперь, спустя более четверти века, им предстояло, по существу, переиграть старую партию. Каждый из них двоих прекрасно помнил Наварин, каждый из них двоих имел за плечами огромный опыт, каждый много лет готовился к этой битве. Как сложится все на этот раз? Этого пока не мог сказать никто...

Ветер по-прежнему был попутным, и все также моросил мелкий холодный дождь. В двенадцатом часу дня обе колонны русских кораблей, следуя движениям флагмана, легли на курс в центр Синопского рейда. На «Марии» подняли приказ: «Учитывая порывистый ветер, адмирал приказывает при постановке на шпринг вытравить цепи на 10 сажень больше, чем было указано накануне». Нахимов оставался самим собой и старался предусмотреть каждую мелочь.

По расчетам Нахимова против его колонны должно было прийти шесть турецких судов и батарея против колонны Новосильского четыре и береговая батарея на набережной. Каждой из колонн, кроме того, предстояло выдержать и подавить батареи, прикрывающие вход в бухту. Еще две батареи Нахимов рассчитывал обойти стороной, огибая полуостров так, чтобы остаться вне зоны их огня.

Несколько минут спустя фрегат «Кагул» запросил у адмирала, держаться ли ему у рядом, на что Нахимов сигналом отвечал «да». Немного ранее фрегату «Кулевчи» было велено держаться по левому борту левой колонны.

С салинга «Марии» мичман Ваня Манто прокричал срывающимся мальчишеским голосом:

– Впереди ясно вижу турецкую эскадру! Располагается в боевой линии полумесяцем под берегом. Вижу семь фрегатов и три корвета

– Есть! – коротко отреагировал на доклад Барановский.

Ветер снес последние остатки тумана, и теперь даже с палубы было хорошо видно, что турецкие суда были поставлены на близком расстоянии от берега, береговые батареи прикрывают фланги и центр боевой линии. У якорей некоторых фрегатов были видны шлюпки, там копошились люди. Похоже, турки тоже заводились на шпринги, но почему они

этого не сделали раньше? – Нахимов прохаживался вдоль фальшборта, сложив руки за спиной. Десять шагов в одну сторону, десять в другую. Наверное, если сложить все пройденное им за службу расстояние, получится едва ли не кругосветное плавание...

– Никак на целую милю растянулись! – подал голос из-за спины верный Остено

– Да уж! – хмыкнул вице-адмирал, продолжая движение. Десять шагов в одну сторону, десять в другую.

Нахимов приложил к глазам зрительную трубу прошелся ей вдоль турецкой линии и, затаив дыхание, остановил трубу. В предметном стекле был отчетливо виден большой фрегат. Неужели это «Фазли Аллах»? Не может быть? Нахимов еще раз придирчиво осмотрел корпус и рангоут. Действительно он! Ну, наконец-то, встретились. Теперь-то он его не упустит.

Командир «Марии» Барановский вынул из кармана сюртука серебряный «мозер». Ногтем открыл крышку с двуглавым орлом. Было без пяти минут двенадцать. Спрятал часы. Нахимов по-прежнему прохаживался у фальшборта, посматривая в сторону турок.

– Вон видите, Петр Иванович, на турецких пароходах пары разводят, никак нас атаковать намереваются! – кивнул вице-адмирал, подходящему к нему командиру «Марии».

– Ваше превосходительство, двенадцать выходит! – обратился Барановский к командиру.

– Корабельный устав никто не отменял! Велите поднять эскадре полдень! – распорядился Нахимов и, взяв зрительную трубу, снова принялся разглядывать дымящие пароходы.

Вахтенный мичман быстро отобрал нужные сигнальные флаги. Сигнальщики сноровисто прицепили их к фалу. Вот свернутые флаги медленно поползли вверх по фалу грот-брам-стеннге и наконец, в вышине рассыпались разноцветным сигналом.

Очевидец пишет: «Взоры всех устремлены на «Марию». Какую команду даст сейчас флагман? Внезапно по фалам линейного корабля взлетели вверх сигнальные флаги. Все напряглись. Наверное, адмирал собрался сообщить что-то весьма важное. Когда же читают сигнал, то оказывается, что Нахимов сообщает: «Адмирал указывает полдень». Поступок чисто нахимовский! Сколько в нем глубокого смысла. Командующий успокаивает людей, показывает им, что все идет своим чередом и он, их адмирал, уверен в исходе предстоящего сражения».

Уже позднее бывший в Синопе австрийский консульский агент Пиргенц, сообщил, что перед началом боя русский адмирал дал знать турецкому адмиралу, что желает вступить в переговоры, и даже хотел послать шлюпку. Разумеется, на самом деле ничего этого не было. Нахимов входил на Синопский рейд сражаться, а не вести переговоры. Скорее всего, незадачливый агент принял за сигнал к примирению сигнал полдня.

Между тем с каждой минутой все более приближался скалистый берег, все ближе был виден частокол турецких судов и пики городских минаретов. Эскадра приближалась к центральной части Синопской бухты.

В двенадцатом часу дня обе колонны русских кораблей, следуя движениям флагмана, легли на курс в центр Синопского рейда. На «Мари» подняли приказ: «Учитывая порывистый ветер, адмирал приказывает при постановке на шпринг вытравить цепи на 10 саженой больше, чем было указано накануне».

И вот он, первый залп! От гулко-го эха взметнулись дремавшие в волнах чайки. На наших кораблях коротко переглядывались, никак началось!

Это был первый выстрел, который дал турецкий флагман "Ауни-Аллах". Корабельные хронометры показывали 12 часов 28 минут. Так началось Синопское сражение.

– Каков ход? – поинтересовался Нахимов у вахтенного офицера мичмана Вальда.

Тот опрометью метнулся к лотовому унтер-офицеру:

– Шесть узлов, ваше превосходительство!

– Это хорошо-с, – буркнул Нахимов себе в усы.

К этому времени эскадра уже обогнула Синопский полуостров.

– Мы на траверзе мыса Боз-Тепе! – доложил Барановскому корабельный штурман, визировавший береговую линию в пель-компас.

– Есть! – коротко отозвался командир «Мари» и поспешил к командующему.

– Павел Степанович, мы на траверзе Боз-Тепе!

– Хорошо! – кивнул головой Нахимов.

Корабли двигались медленно и в полном молчании. Лишь тихо по-свистывал в такелаже ветер, да плескала за бортами волна. В этом безмолвном движении было некое священнодействие, ощущение высшей торжественности наступающей неотвратимости. И офицеры, и матросы целовали нательные кресты, творили молитвы. Каждый в эти минуты из них думал о чем-то своем, о самом для него дорогом. Каждый понимал, что с первым выстрелом его судьба более ему не подвластна. И как знать, доведется ли встретить следующее утро...

С салинга «Марии» мичман Ваня Манто прокричал срывающимся мальчишеским голосом:

– Впереди ясно вижу турецкую эскадру! Располагается в боевой линии полумесяцем под берегом. Вижу семь фрегатов и три корвета

– Есть! – коротко отреагировал на доклад командир «Марии» капитан 2 ранга Барановский.

Ветер снес последние остатки тумана, и теперь даже с палубы было хорошо видно, что турецкие суда были поставлены на близком расстоянии от берега, береговые батареи прикрывают фланги и центр боевой линии. У якорей некоторых фрегатов были видны шлюпки, там копошились люди. Похоже, турки тоже заводились на шпринги, но почему они этого не сделали раньше? – Нахимов прохаживался вдоль фальшборта, сложив руки за спиной. Десять шагов в одну сторону, десять в другую. Наверное, если сложить все пройденное им за службу расстояние, получится едва ли не кругосветное плавание...

– Никак на целую милю растянулись! – подал голос из-за спины верный Остено

– Да уж! – хмыкнул вице-адмирал, продолжая движение. Десять шагов в одну сторону, десять в другую.

Наши сближались по-прежнему в полном молчании. В этом молчании сквозило какое-то высшее презрение к смерти и уверенность в победе. Дойдя до неприятеля, правая колонна должна был развернуться на шпринге и палить по турам правым бортом, а левая – левым. Все, на первый взгляд, очень просто, но эта простота кажущаяся. За ней опыт многих поколений российских моряков, опыт их нынешнего флагмана.

На подходе к рейду Нахимов приказал уменьшить ход.

– С большого хода линейным кораблям при попутном ветре будет трудно, согласно диспозиции, встать на якорь! – пояснил вице-адмирал свою мысль стоявшему подле него старшему адъютанту Остено.

На кораблях одновременно убрали брамсели, отдали марса-фалы. Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» с разрешения флагмана отделились от главных сил, и пошли в назначенные для них места у входа в бухту. Их задача – прикрыть эскадру со стороны моря от всяких неожиданностей.

С линейных кораблей до шканцев «Императрицы Марии» доносились дробь барабанов и протяжные звуки сигнальных горнов. Это по приказу командующего на эскадре играли боевую тревогу.

Нахимов настолько ювелирно рассчитал курс входа в бухту, что береговые батареи № 1 и № 2 оказались слишком далеко от русских кораблей, а прислуга № 3 и № 4 батарей опоздала, так как спала в другом месте, опоздала

к моменту прохода эскадры мимо этих батарей. Поэтому с началом боя нам мешали становиться на шпринг только батареи № 5 и № 6.

После первого залпа с турецкого флагмана огонь открыла уже вся турецкая эскадра. Офицеры и матросы наскоро рвали паклю и запихивали ее в уши. Теперь для подачи команды на палубе надо было показывать жестами или кричать на самое ухо. Впрочем, так было в морских сражениях всегда. Вскоре появились первые попадания, корабли несли ущерб, как от фрегатов, так и от батарей. Появились первые раненные и убитые.

На подходе к расписанным по диспозиции местам, наши корабли попали под сильнейший перекрестный огонь турецкой эскадры и береговые батарей. Стоявшие на левом фланге боевой линии турок фрегаты «Навек-Бахри», «Несими-Зефер», батареи № 3 и 4 били что есть силы по правому борту подходящих к ним линкоров. Одновременно фрегаты «Ауни-Аллах», «Дамиад», «Кайди-Зефер», «Низамне» и батарея № 6 поражали русские корабли особо опасными продольными залпами.

Осман-паша, наблюдая за входящей в бухту русской эскадрой, все еще надеялся, что москвиты не выдержат столь сосредоточенного и яростного огня и повернут вспять. Но москвиты были настойчивы и их корабли приближались неумолимо. Что касается наших, то они стремились как можно быстрее прорваться сквозь зону заградительного огня, стать на якорь и начать прицельный огонь.

Историк пишет: «По счастью нашему, вместо того, чтобы сосредоточивать продольный огонь на палубы, а боковой – на подводную часть русских судов, турецкая артиллерия – в надежде замедлить наступательное движение русских и в ожидании, что наши команды пойдут по мачтам убирать или закреплять паруса, – била преимущественно вверх, по мачтам и по всему такелажу. Но у наваринского героя П.С. Нахимова были свежи в памяти поучения прошедшего: ему был известен свойственный турецким морякам расчет, и потому судам был дан приказ взять на гитовы, то есть уменьшить давление ветра на паруса».

Однако с каждой минутой огонь турок усиливался. Турецкие ядра летели вверх, ломали на наших кораблях рей и стеньги, дырявили паруса, рвали фалы и ванты. Появились первые повреждения, пролилась первая кровь. Огонь турок был столь ожесточен, что уже через несколько минут после начала боя на головной «Императрице Марии» была перебита большая часть рангоута и стоячего такелажа. Беспомощно повисли на разбитых реях фалы, а на грот-мачте осталась лишь одна невредимая ванта. Флагман Нахимова, принявший первый удар противника, почти лишился возможности передавать сигналы. Бой только начался, а связь между флагманом и эскадрой была уже затруднена. Как это скажется на дальнейшем развитии

событий, не мог предсказать никто. Получил свое и шедший вслед за флагманом «Великий князь Константин». Борт линейного корабля принял подряд несколько залпов ядер, книпелей и картечи.

Несмотря на серьезные повреждения, «Мария» уверенно продолжала идти вперед, увлекая за собой эскадру.

Наконец, над «Марией» взвился долгожданный сигнал: «Открыть огонь».

И тогда разом грянуло! Грохот шестисот пушек потряс Синопскую бухту. Все заволочло дымом. Где-то в турецкой линии взметнулось кверху пламя, полетел разнесенный взрыв такелаж. Теперь уже наши корабли один за другим проходили вдоль турецкой линии, осыпая неприятельские фрегаты и корветы бомбами и ядрами, стараясь занять положенные им по диспозиции места.

Проходя мимо фрегата «Навек-Бахри», флагман Нахимова воздал ему должное и накрыл фрегат полновесным бортовым залпом. Не останавливаясь, «Мария» прошла дальше, вглубь бухты, осыпав по пути градом ядер и бомб еще один попавшийся ей на пути другой фрегат.

Позднее историками будет подсчитано, что бортовой залп шести российских линейных кораблей из 312 пушек весил 5627 кг против 2706 кг из 262 корабельных и береговых турецких орудий. Имели мы превосходство и в тяжелой артиллерии. Мы имели 44 бомбических и 206 36-фунтовых пушек против 5 бомбических на берегу и на «Таифе», и 80 32-фунтовых на турецких фрегатах. Перед боем, разумеется, соотношение сил могли лишь прикидывать весьма приблизительно.

Из воспоминаний участника боя лейтенанта А. Сатина: «... Но вот на турецком адмиральском фрегате показался клуб дыму, раздался первый выстрел, и не успело ядро просвистать, как неприятельская эскадра опоясалась белой пеленой, и ураган ядер проревел над нами. За первым залпом последовал всеобщий батальный огонь. Турки, кажется, этого не ожидали. Они воображали, что, бросив якоря, мы пошлем людей по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнем и при густом дыме им было трудно взять верный прицел... Что было первые пять, десять минут, сказать трудно. Мы стреляли, по нас стреляли. Не только в батареях, но даже с палуб ничего в дыму не было видно... Гром выстрелов, рев ядер, откат орудий, шум людей, стоны раненых – все слилось в один общий адский гвалт. Бой был в разгаре...»

Сам командующий находился неотлучно на шканцах «Марии», там, где чаще всего падали ядра. Из рассказа матроса «Императрицы Ма-

рии» Антона Майстренко: «А Нахимов! – вот смелый, ходит по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога! Другой бы ходил по юту? нет, я вам скажу...»

Вскоре кусок стены, разбитой ядром, рухнул вниз, прямо на плечо Нахимову. Вице-адмирала спасла от перелома плеча лишь толстая шинель и эполет сюртука. На постоянно сыпавшиеся сверху Мелкие щепки, куски разорванных парусов и вант внимания никто и не обращал. Эка невидаль!

Интересно, что на ряде картин, посвященных Синопу, Нахимова изображают почему-то в пальто. Это не соответствует действительности. На самом деле свое пальто Нахимов снял перед боем и повесил тут же на гвоздик. Спустя несколько минут оно было полностью изорвано турецким ядром.

Ну вот, кажется, скоро и определенное диспозицией место напротив адмиральскому фрегату «Ауни-Аллах». Подойдя к нему на расстояние около 200 сажень, вице-адмирал приказал стать на шпринг.

– Мы в точке! – наконец доложил корабельный штурман Родионов.

– На шпринг становиться! – подал команду с «Марии» Барановский.

Из-за повреждений рангоута, «Мария» и следовавший за ней «Великий князь Константин», не мудрствуя лукаво, встали на шпринг так, как и шли, курсом норд-вест. Что касается «Чесмы», «Парижа», «Грех Святителей» и «Ростислава», то они становились на шпринг, повернувшись носом к ветру, на норд-ост.

Находившаяся на бакштове шлюпка с заводным верпом, сразу устремилась вперед. Матросы во главе с флаг-штурманом Иваном Некрасовым мастерски вытравили якорь-цепь, уладили шпринг, и адмиральский корабль стал разворачиваться, готовясь открыть огонь всеми орудиями правого борта. На все про все ушло какая-то четверть часа.

Почти одновременно встал на шпринг и «Париж». Командир «Парижа» Истомин ювелирно вывел свой корабль в указанную ему позицию. «Париж» встал против центра боевой линии турок и начал разворачиваться против фрегата «Дамиад» и корвета «Гюли-Сефид».

Глядя, как быстро и точно стал на шпринг «Париж», Нахимов хотел было поднять сигнал с благодарностью Истому за отличную работу, но поднять сигнал оказалось невозможным – все фалы были перебиты.

Вслед за «Императрицей Марией» и «Парижем» становились на шпринги и другие корабли нахимовской эскадры. Корабль «Великий князь Константин» стал против турецких фрегатов «Навек-Бахри» и

«Несими-Зефер», «Чесма» – против береговой батареи № 4. Корабли левой колонны, равняясь по флагманскому кораблю и следуя за кораблем Новосильского, также занимали места согласно намеченному плану.

Шедшие за «Парижем» «Три Святителя» и «Ростислав», развернувшись веером влево от головного корабля, заняли места против правого фланга турецкой эскадры. «Ростислав» встал против мыса Киой-Хисар, на котором была расположена береговая батарея № 6, а «Три Святителя» – против неприятельского фрегата «Низамие» и корвета «Фейзи-Меабуд». Учитывая глубину Синопского рейда и ост-зюйд-остовый ветер, почти все корабли нахимовской эскадры встали против боевой линии турецкой эскадры на расстоянии 150-200 сажений. Это была дистанция пистолетного выстрела!

Шканечные журналы лаконично отметили, что корабли эскадры открыли огонь только после того, как два передовых мателота встали на шпринг.

Тем временем, «Мария» уже развернулась к стоявшему напротив нее турецкому фрегату всем бортом. Это был «Ауни-Аллах». Вместе с близстоящей батареей № 5 он палил по «Марии» из всех своих пушек.

– Открыть огонь правым бортом! – скомандовал Барановский. – Пальба по декам, начиная с нижнего!

– Залп! – кричал командир нижнего дека лейтенант Петр Прокофьев.

– Залп! – кричал командир среднего дека Дмитрий Бутаков.

Впоследствии Нахимов напишет, что оба проявляли «личную храбрость и распорядительность во время боя, при метком и быстром действии их деков»

Спустя мгновение борт русского линейного корабля озарилось вспышками и клубами дыма. Оглушительный грохот. Это почти разом ударили все 42 орудия правого борта, включая 68-фунтовые бомбические нижнего дека. Было отчетливо видно, чертящие свой гибельный след бомбы и ядра не пролетели мимо цели. Над турецким фрегатом взметнулась часть такелажа, на палубе заплясали языки огня. Но турки сдаваться не собирались. Ответный залп с фрегата, и вот уже на «Марии» стонут раненные и в палубные шпигаты ручьем сбегает пузырящаяся черная кровь.

Новый залп флагмана русской эскадры и зарево пожара над «Ауни-Аллах». Турецкому фрегату удастся сделать еще несколько залпов, после чего он уже весь в огне. Откуда-то из этого огня еще слышны выстрелы – это отдельные турецкие артиллеристы еще пытаются отстреливаться. Горящему «Ауни-Аллаху» пытались помочь рядом стоящий «Фазли-Аллах» и береговая батарея.

Но спасти горящий «Ауни-Аллах» им уже не дано. С «Марии» следует еще один всеокрушающий залп. На «Ауни-Аллахе» расклепывают якорную цепь в надежде, что прижимной ветер и волны выбросит пылающее судно на прибрежную отмель. Но туркам отчаянно не везет. Лишившегося якоря и, не имеющего возможности управляться, «Ауни-Аллах», однако, не выбросило сразу на берег. Прибрежным течением его понесло вдоль берега, в результате чего пылающий фрегат попал под продольный бортовой залп, встававшего на шпринг рядом с «Марией» «Парижа». Этого для истерзанного «Ауни-Аллаха» было уже более чем достаточно. Почти полностью разрушенный, заваленный трупами, он, в конце концов, выбросился на мель под самой батареей № 6 и там чадно догорал. Таким образом, спустя каких-то полчаса после начала сражения, турецкая эскадра уже лишилась своего флагмана. Дрейф горящего адмиральского фрегата, на виду у всей эскадры произвел ошеломляющее впечатление на турок. Но отдадим должно, драться никто из них не прекратил!

Разделавшись с первым фрегатом, артиллеристы «Марии» немедленно перенесли огонь на второй. Это был «Фазли-Аллах». Нахимов не скрывал своего возбуждения. Теперь он безотрывно смотрел в зрительную трубу, с удовлетворением отмечая про себя каждое новое попадание. Вице-адмирал был удовлетворен, что судьбой именно ему выпала честь поставить точку в давней и постыдной истории с «Рафаилом». Вскоре над «Фазли-Аллахом» заплясали языки пламени. Еще несколько всеокрушающих залпов бомбических орудий и позор русского флота будет навсегда смыт!

Но и «Марии» тоже пришлось нелегко. Она все время была под перекрестным огнем. Помимо огрызающегося «Фазли-Аллаха» по линейному кораблю вел огонь и пристрелявшаяся береговая батарея. В какой-то момент «Императрице Марии» перебили шпринг, но благодаря предусмотрительности Нахимова быстро завели новый верп, и корабль, без всякого перерыва, продолжал стрельбу.

Начав сражение залпами, наши вскоре перешли к непрерывному батальному огню. В отличие от турок корабли Нахимова били их в корпус бомбами и ядрами, поливали палубы картечью. Позднее историки придут к выводу, что именно первые точные залпы во многом решили исход сражения, ибо затем в густом пороховом дыму точно наводить орудия было уже весьма сложно.

Несмотря на низкий прицел, изначально много наших ядер летело очень высоко, при этом часть их падала в море за перешейком, на расстоянии более километра.

Нахимов внешне был совершенно спокоен. Заметив частые перелеты, он подзвал к себе Барановского:

– Петр Иванович, распорядитесь снизить прицелы! Чтобы не было перелетов цельте под ватерлинию!

Не многим легче чем «Марии», пришлось стоящему неподалеку «Парижу». Бортовые залпы линейного корабля следовали с четкостью хронометра. «Париж» дрался одновременно с фрегатом "Дамиад" и корветом "Гюлли-Сефид". Между делом Истомин добил и дрейфовавший мимо него «Авни-Аллах». Бой был яростный и ожесточенный. Турки дрались умело и зло. Но вот в час пять минут пополудни в вихре пламени и страшном грохоте взлетел на воздух корвет "Гюлли-Сефид". Меткий выстрел с «Парижа» поразил открытую кюйт-камеру турецкого судна. Зрелище разорванного в ключья корвета настолько жутко, что на мгновение артиллеристы «Парижа» прекратили огонь, смотря, как густо падаю в воду ошметья корпуса, такелаж и человеческих тел, все то, что еще несколько мгновений назад называлось корветом «Гюлли-Сефид». Но вот пушки «Парижа» заговорили снова. Теперь подвернувшись на шпринге, «Париж» полностью развернулся к следующему своему противнику фрегату "Дамиад". Последний всеми пушками поддерживал турецкий флагман "Низамиэ". Даже с палубы «Марии» было видно, как ядра турок точно поражают корпус «Парижа», видны падающие на палубе люди. Бой был в самом разгаре. Залп по противнику. Ответный залп. Залп по противнику. Ответный залп. Страшная и смертельная чехарда, в которой кто-то должен победить, а кто-то погибнуть. Третьего здесь просто не дано.

"Императрица Мария" тем временем сосредоточила весь свой огонь на фрегате "Фазли-Аллах"; вскоре на последнем вспыхнул пожар и, следуя примеру своего флагмана, он также отклепал якорную цепь и бросился к берегу у самого города. Нои это его не спасло от возмездия. «Мария» по-прежнему продолжала рушить ядрами и бомбами фрегат-отступник. Выброшенный к берегу, "Фазли-Аллах" вскоре был объят пламенем. Таким образом, исполнился приговор определенный бывшему «Рафаилу» двадцать пять лет назад императором Николаем Первым: "Предать фрегат "Рафаил" огню, как недостойный носить русский флаг, когда возвращен будет в наши руки..." Позорное пятно с репутации Черноморского флота была смыто навсегда.

Покончив с "Фазли-Аллахом", Нахимов хотел было придти на помощь "Парижу", но тот, к этому времени, уже добивал своего третьего противника. Не выдержав огня «Парижа», фрегат "Низамиэ" с перебитыми мачтами и заваленной трупами палубой, отклепал свою якорную цепь

и выбросился на берег. Вскоре он запылал, подоженный бежавшей на берег командой. Уничтожив все стоявшие против них суда, т.е. четыре фрегата и корвет, «Императрица Мария» и «Париж», поворотившись параллельно батарее № 5, сосредоточили против нее весь свой огонь.

Вслед за головными флагманами Нахимова и Новосильского остальные корабли эскадры один за другим становились на якорь, и продолжали пальбу, удерживаясь на шпринге. В правой колонне, против корабля "Великий князь Константин", стояли два 60-пушечных турецких фрегата, "Навек-Бахри" и "Незими-Зефер", и 24-пушечный корвет "Неджми-Фешан", а также батарея N 4.

Пристально наблюдая за действиями «Парижа», Нахимов повернулся к Барановскому:

– Не правда ли, отлично-с действует сегодня Владимир Иванович! Один фрегат-с к берегу лихо отбросил, а теперь и второй расстреливает всем бортом? Поднимите ему мою благодарность.

Барановский, скользнув взглядом по оборванным вантам и фалам, покачал головой:

– Сами видите, ваше превосходительство, что пока никаких флагов поднять не можем!

Нахимов кивнул головой:

– Что ж, на войне, как на войне!

Подозвав к себе Острено, он велел ему, не откладывая времени, идти шлюпкой и передать Истомину благодарность флагмана.

– Может быть, отложить сие до окончания боя? – робко заикнулся старший адъютант.

– Никак невозможно-с, – покачал головой Нахимов. – Все должно делаться в свое время, ни раньше и не позже!

Спустившись по мусингам в стоявшую под бортом шлюпку, Острено скомандовал:

– На весла!

– Куда хоть идем, ваше благородие? – спросили гребцы.

– На «Париж»!

Матросы дружно перекрестились.

– Весла на воду! И ра-а-аз!

Буквально через несколько минут после убывтия Острено пролетевшим совсем рядом ядром контузило в грудь, стоявшего на верхней палубе капитана 2 ранга Барановского. Из последних сил Барановский оперся на планширь, его шатало.

– Петр Иванович! – ступайте в лазарет! – кричал ему на ухо Нахимов. – Без вас справимся!

Барановский отрицательно помотал головой. Было видно, что ему очень плохо, но он держался. Спустя несколько минут обломок мачты на излете ударило ему в ноги, переломав их. Барановский молча упал на палубные доски.

– Санитаров! – крикнул Нахимов.

Подбежали санитары Федор Жемари и Иван Дмитриев. Оба в чужой крови и в собственном поту. Санитарам тоже достается, и раненных в лазарет несут, и ядра из трюма к орудиям, причем все «с особым рвением и смелостью». Подхватив под руки командира линейного корабля, санитары потащили его в корабельный лазарет.

В командование «Императрицей Марией» вступил старший офицер капитан-лейтенант Коцебу.

Почти одновременно одному из флаг-офицеров Нахимова мичману Костыреву оторвало осколком гранаты два пальца на левой руке; кроме него, ранено было еще два молодых офицера и человек шестьдесят матросов. Шестнадцать матросов оказалось убито.

Нахимов подозвал к себе старшего из своих адъютантов Острено.

– Вот что, Феофан Христофорович, Барановский ранен, и, в случае моей смерти или ранения, заканчивать сражение придется тебе! С замыслами моими ты знаком, потому и карты в руки!

«Я передал ему, – писал впоследствии Нахимов, – мой план сражения, и он бы довел его до конца, если б меня не стало».

Помимо Острено рядом с Нахимовым неотлучно флаг-штурман эскадры капитан корпуса флотских штурманов Иван Некрасов и старший артиллерийский офицер эскадры капитан корпуса корабельной артиллерии Яков Морозов – они глаза и уши командующего. Относительно капитана Некрасова Нахимов напишет в представлении на награду следующее: «Во время боя оказал примерную храбрость и мужество и под сильными неприятельскими выстрелами завез верп как нельзя было лучше желать».

А раненых и убитых становилось все больше. Вот потащили в лазарет находившегося у флага прапорщика Павла Плонского, которому ядром оторвало руку. Из окровавленной культи ручьем лилась кровь. В аффекте Плонский пытался вырваться из рук санитаров и куда-то бежать.

– Быстрее тащите в лазарет! – кричали санитарам матросы. – А то кровью изойдет!

Нахимов со зрительной трубой под мышкой, прохаживался по шканцам, наблюдая, как работают артиллеристы. Многих из них, те, кто были старослужащими, Нахимов давно знал. Вот распоряжаются у своих

пушек неразлучные друзья Григорий Савин и Алексей Самотаев. У дома и семьи в матросской слободке «Бомборы», что на Корабельной стороне. Вот Артемий Попов пьяница и матерщинник, но канонир от Бога. На нижних деках сейчас наводят орудия и палат бывшие сослуживцы еще по «Силистрии» Иван Кондратьев, Петр Верещагин и Василий Стрельников.

Свой бой «Императрица Мария», завершила в 14 часов пополудни, когда перед ней больше не было достойных целей.

Матросы лили на обжигающе-горячие орудийные стволы воду с уксусом. Стволы шипели, как гигантские змеи. Здесь же прямо у пушек садились на палубу и вытирали черные от гари лбы:

– Хосподи, неужели уже все кончено!

* * *

Левую колонну вел за собой в бой «Париж» под флагом младшего флагмана. Контр-адмирал Новосильский был личностью на флоте Черноморском известной и всеми почитаемой. Когда-то старшим офицером под началом Казарского, он дрался он на героическом бриге «Меркурий», за что получил орден, чин и пистолет в фамильный герб, затем спустя несколько лет тем же бригом и командовал. Водил эскадры, командовал дивизией и вот теперь он ведет за собой колонну боевых кораблей в главное морское сражение своей жизни.

Рядом с высоким и худым Новосильским, командир «Парижа» крепко сбитый и курносый Истомин. Командир «Парижа» еще мичманом прошел Наварин, а затем всю жизнь считался одним из любимейших учеников адмирала Лазарева. «Парижем» он командует уже четыре года с момента спуска корабля на воду, а потому и корабль, и команду знает, да и в себе уверен.

Уверенность командира передается и остальным. На шканцах «Парижа» царит полная тишина, а если кто и говорит, то только вполголоса. Громко подаются лишь общекорабельные команды. Так заведено на «Париже» с первого дня, так происходит и сейчас в бою.

Старший офицер «Парижа» Павел Перелешин время от времени поглядывал на окутанный уже первыми порохowymi клубами «Великий князь Константин». Где-то там, среди вспышек орудий сейчас сражался его старший брат Михаил, в такой же должности старшего офицера и в таком же чине капитан-лейтенанта. Братья представители старого морского рода. Шутка ли, но одновременно на флоте в ту пору служило России сразу пять братьев Перелешиных! Мало этого, на «Париже» при Павле еще и племянник Николай – 16-летний юнкер, пусть обвыкает!

За «Парижем» грузно ворочал в бухту «Три Святителя», коневым мателотом в колонне «Ростислав».

Корабли второй колонны нашей эскадры противостояли правому флангу турецкой боевой линии. Едва головной «Париж» вышел на дистанцию огня, Новосильский повернулся к Истомуину:

– Владимир Иванович пора!

– По местам! – кричали, срывая голоса, батарейные офицеры. – Жай!

Заряжающие ловко засовывали в разгоряченные стволы пороховые картузы, быстро принимают от подавальщиков ядра. Секунда и черные шары тоже исчезли в пушечных жерлах, затем туда же досылаются в два удара прибойниками и пыжи. Пушки разом накатываются в порты.

– Готово! – кричит прислуга.

– Пальба по порядку номеров! – несется откуда-то сверху сквозь клубы пороховой гари.

– Пали! – кричат батарейные офицеры и линейный корабль сотрясается от одновременного залпа десятков орудий.

«Париж» открыл огонь сразу же после «Марии», поражая турецкий корвет «Гюли-Сефид», фрегат «Дамиад» и центральную береговую батарею № 5. Первый залп был самым сокрушительным и страшным. Матрос Антон Майстренко вспоминал: "Он ("Париж") как подтянулся, залпом как дал (60 орудий сразу), так батарею и разбил – только пыль пошла. Она, батарея, стояла как бы над самой водой, а тут в море и повалилась со всем запасом».

Одновременно «Париж» встал и на шпринг, на что ему потребовалось всего 4,5 минуты – результат недоступный большинству даже на ученьях!

На первый взгляд правое крыло турецкой эскадры, состоящее из трех фрегатов и корвета под общим началом Гуссейна-паши, выглядело несколько слабее левого, но его поддерживали весьма мощные батареи № 5 и № 6. В то время как "Париж" вел перестрелку с корветом "Гюли-Сефид" и отражал яростный огонь фрегатов "Дамиада" и "Низамиз", его задний мателот корабль "Три Святителя" сошелся в поединке с фрегатом "Каиди-Зефер". На долно же "Ростислава", помимо корвета "Фейзи-Меабуд" пришлось и батарее № 6

Орудия правого борта «Парижа» работали безостановочно. Позднее будет подсчитано, что «Париж» выбросил бомб больше, чем любой другой корабль – 7011. Не мудрено, что через полчаса после начала сражения турецкий корвет «Гюли-Сефид», стоявший рядом с фрегатом

Османа-паши и оказывавший ему огневую поддержку против флагманского корабля Нахимова, был уже сильно избит русскими снарядами, потерял фок-мачту и несколько орудий. Командир корвета Сали-бей оставил свой корабль и предпочел спастись бегством. Вскоре на корвете возник пожар, и огонь стал постепенно добираться до крыйт-камеры. Наконец, в 1 час 15 минут пополудни раздался сильный взрыв и «Гюльн-Сефид» взлетел на воздух. Уничтожив неприятельский корвет, Истомин оказал непосредственную поддержку своему флагманскому кораблю.

Историк пишет: «Капитан I ранга Истомин, увидев, что флагманский корабль Нахимова находится под жестоким огнем нескольких турецких судов, избрал основной мишенью для орудий «Парижа» не правый фланг турецкой боевой линии, против которого он должен был действовать по диспозиции, а корвет «Гюли-Сефид», стоявший против «Императрицы Марии». Только после того, как положение русского флагманского корабля улучшилось в результате уничтожения и выхода из строя трех неприятельских судов («Навек-Бахри», «Гюли-Сефид», «Ауни-Аллах»), Истомин перенес огонь на правый фланг противника».

Пренебрегая опасностью, под градом неприятельских ядер, кнпелей и картечи, матросы во главе со шкипером Иваном Яковлевым исправляли такелаж и заделывали пробоины. Раненые отказывались уходить с боевых постов.

Мичман Коля Ребиндер с верхней батареи никак не мог из-за плотного дыма разглядеть цель. Увидев на юте штурмана Родионова, закричал ему

– Укажите направление батареи!

Из-за пушечных выстрелов Родионов Ребиндера скорее понял, чем расслышал. С юта ему действительно было, лучше видно, так как дыма в корме было значительно меньше.

– Сейчас! – крикнул Родионов и начал высматривать цель для Ребиндера, но тут вдруг очередное ядро попало в стоящий около него катер. Летящая от него во все стороны щепка вонзилась сразу в нескольких местах в лицо штурмана. Родионов левой рукой обтер кровь с лица, а правую протянул, чтобы показать направление мичману. В этот момент следующее ядро ударило в руку, оторвав ее.

Покончив с неприятельским корветом, «Париж» мимоходом обстрелял продольным огнем дрейфовавший мимо «Ауни-Аллах», а затем сосредоточил огонь по фрегату «Дамиад» и береговой батарее № 5. Бомбические снаряды русского корабля производили сильные разрушения на батарее и на неприятельском фрегате. лейтенант Никитин, руководивший огнем бомбических орудий, проявил «отличное мужество и превос-

ходные распоряжения при действиях бомбической батареи». Вскоре фрегат «Дамиад», не выдержав меткой прицельной стрельбы русских комендоров, обрубил цепь и вышел из боевой линии турецкой эскадры. Течением и ветром его отбросило к юго-западному берегу полуострова. Турецкая эскадра лишилась еще одного фрегата.

Турки ожесточенно сопротивлялись. Поворотившись на шпринге «Париж» обратился свой левый борт против наиболее мощного турецкого фрегата на этом фланге «Низамие» над которым трепетал флаг Гуссейн-паши. Младший флагман турецкого флота дрался отчаянно и яростно. Уже второй час оба дека фрегата «Низамие» озарялись вспышками выстрелов, и корпус судна содрогался от непрерывной стрельбы. Некоторые орудия «Низамие» были исковерканы еще в результате обстрела «Ростиславом», но младший флагман Гуссейн-паша (человек не робкого десятка!) решил сражаться до последней возможности. Конец «Низамие» пришел от «Парижа». К 2 часам пополудни несколько залпов «Парижа» разворотили турецкий фрегат окончательно. С треском рухнула и полетела в воду фок-мачта, вслед за ней фрегат лишился и бизани. Для флагмана Гуссейн-паши все было кончено. На «Низамие» творилась что-то невообразимое, смерть была всюду, ядра и бомбы разносили в щепы верхнюю палубу и галереи, крушили переборки, взламывали наружную обшивку. В начале третьего часа пополудни горящий «Низамие» бросился к берегу. Ни о каком сопротивлении речи уже не шло. Сотни турок кинулись к выходным трапам, прыгая за борт. Гуссейн-паша, тоже старый наваринец, как и его старший флагман, до последнего не покидал шканцев и сошел в шлюпку, когда пожар подобрался к нему уже вплотную. Спустя несколько минут горящий остов «Низамие» ветром вынесло на берег и навалило на еще огрызающийся фрегат «Дамиад», который к этому времени также испытал на себе силу орудий «Парижа».

Моряки «Парижа» посылали последние снаряды по турецким судам, и командующий эскадрой, наблюдая за ходом боя, высоко оценивал умелые действия капитана I ранга Истомина. «Нельзя было налюбоваться, – доносил впоследствии П. С. Нахимов, – прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж»; я приказал изъявить ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты». Адьютант Феофан Острено, подойдя на шлюпке к борту «Парижа» под непрерывным обстрелом противника, передал морякам Истомина благодарность командующего, которая была воспринята криками «ура».

Расправившись с фрегатами, «Париж» сосредоточил внимание на батарее № 5, после чего судьба ее была так же predetermined.

Из воспоминаний очевидца: «...Картина была восхитительная. По середине рейда, как громадные кресты над могилами, торчали мачты потопленного фрегата с реями поперек. На отмели горел турецкий пароход. Город пылал в нескольких местах... Русские корабли в дыму, как в облаках, извергали смерть и огонь. Турки не могли более бороться, они начали садиться на гребные суда, спасаясь на берег; другие, расклепывая цепи, бросались на отмели и оттуда спасались вплавь. В 4-м часу все было кончено; только два фрегата, свалившись с мели... продолжали бой, наконец, и их турки начали оставлять, лишь несколько фанатиков отстреливались из трех орудий... Федор Михайлович Новосильский рассердился. «Париж» дал залп и Синопский бой отошел в историю».

К исходу первого часа перешел перелом в сражении и боевая линия турецкой эскадры была окончательно расстроена. Фрегаты «Ауни-Аллах», «Несими-Зефер», «Дамиад», «Каиди-Зефер» выбросились на берег. От «Наеек-Бахри» и корвета «Гюли-Сефид» остались к этому времени лишь плавающие обломки. «Посредине рейда, как громадные кресты над могилами, торчат мачты потопленного фрегата с реями поперек» — писал очевидец.

Крепко досталось и другим судам, над которыми поднимался дым пожаров. Однако турки продолжали оказывать сопротивление. Начальники, подбадривая матросов, кричали им о помощи из Босфора, которая вот-вот должна подойти. Некоторое время это позволяло удерживать турок у своих пушек. Против наших кораблей вели огонь к этому времени фрегаты «Фазли-Аллах», «Низамие», корветы «Фейзи-Меабуд», «Неджми-Фешан», пароходы «Гаиф», «Эрекли», и береговые батареи № 3, 5 и 6.

Тем временем, на горящем «Ауни-Аллах» происходили события поистине драматические. Еще в начале боя Осман-паша получил тяжелое ранение ноги. Несмотря на это, он до последней минуты поединка «Ауни-Аллаха» с «Императрицей Марией» оставался наверху и командовал фрегатом. Когда же «Ауни-Аллах» приткнулся к отмели, Осман паша пытался, было, навести на судне хоть какой-то порядок, а самом попытаться перенести флаг на какое-нибудь дерущееся судно. Но не тут-то было! Команда вышла из повиновения. Вчера еще робкие матросы-галионджи, которые дрожали при одном взгляде на своего адмирала, теперь они с явным удовольствием плевались ему в лицо. Когда де Осман-паша пригрозил им расправой и гневом султана, они и вовсе разъярились. Раненного Осман-пашу пинали ногами, харкали ему в лицо. Затем с него сорвали с плеч дорогую шубу, которой некогда флотоводца одарил

сам султан, затем стянули шелковые шальвары, сорвали с пальцев золотые перстни, забрали ключ от каюты, которую тут же и разграбили. На прощанье матросы попинали своего командующего ногами, а затем и вовсе выкинули за борт. Напрасно взывал Осман-паша к их милости и состраданию. Никто не обращал на него уже никакого внимания. Кое-как Осман-паша доплыл до остова флагманского судна, обхватил на плававшую у борта мачту и, шепча молитвы, бессильно взирал, как один за другим взрываются его суда. Эскадры его больше не существовала, а сам он, избитый и ограбленный собственными матросами, был предоставлен теперь самому себе.

Мимо Осман-паши проплывали обезглавленные и растерзанные трупы. Бухта пылала и чадила.

– О, Аллах, забери меня к себе в райские кущи! Я исполнил свой долг до конца! Вина же моя в том, что я не был сегодня счастлив! Даруй же мне быструю смерть, как избавление от позора! – шептал старый моряк.

Но судьба в тот день отказала ему даже в этой малости...

* * *

А на Синопский рейд уже входили пароходы вице-адмирала Корнилова. Его флаг развевался на мате «Одессы». На подходящих к эскадре пароходов офицеры и матросы кричали "ура". "Одесса" сбавила ход подле «Императрицы Марии». Корнилов, вооружившись рупором, беспокойно спрашивал у всех: "Здоров ли адмирал?" Выехавший на катере навстречу Корнилову командир "Константина" Ергомышев первый порадовал его:

– Слава богу, Павел Степанович жив!

Подле «Императрицы Марии» «Одесса» сбавила ход. Со шканцев линейного корабля начальнику штаба махал рукой Нахимов. Увидев наконец-то друга, Корнилов перебрался на «Марию» и сразу бросился обнимать Нахимова:

– Поздравляю вас, Павел Степанович, с победою, которую вы оказали большую услугу России и прославили свое имя в Европе!

Из воспоминаний Корнилова: «Мы могли наблюдать, как турецкие фрегаты один за другим взлетали на воздух. Ужасно было видеть, как находившиеся на них люди метались на горевших палубах, не решаясь, вероятно, кинуться в воду. Некоторые же сидели неподвижно, ожидая смерти с покорностью фатализма. Подойдя к нашему флагману «Марию», мы переправились на сей корабль...»

Увидев Нахимова, Корнилов кричал ему издали:

– Bravo, Павел Степаныч!

И махал приветственно фуражкой.

Лейтенант Барятинской свидетель встречи Корнилова с Нахимовым, вспоминал: «Мы проходим совсем близко вдоль всей линии наших кораблей, и Корнилов поздравляет командиров и команды, которые отвечают восторженными криками ура, офицеры же машут фуражками. Подойдя к кораблю „Мария“, мы садимся на катер нашего парохода и отправляемся на корабль, чтобы его (Нахимова. – Е. Т.) поздравить. Корабль весь пробит ядрами, ванты почти все перебиты, и при довольно сильной зыби мачты так раскачивались, что угрожали падением. Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг другу, мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен, фуражка на затылке, лицо обогрено кровью, новые эполеты, нос – все красно от крови, матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от порохового дыма...»

– Поздравляю вас, Павел Степанович, с победой! – обнял Корнилов, пропавшего порохом и гарью Нахимова. – Вы оказали большую услугу России и прославили свое имя в Европе!

– Да ведь я тут причем же? – вполне искренне удивлялся Нахимов.
– Ведь это все команды сделали, а я только стоял на юте и смотрел-с!

– Команды? А команды кто так обучил – не вы ли?

– Нет-с, – покачал головой скромный Нахимов. – Это все дело рук Михаила Петровича Лазарева

– Ах, скромник! Ах, какой вы скромник, Павел Степаныч! – тряс ему руку восторженный Корнилов – Ну уж, так ли, иначе ли, а победа славная! Гораздо выше Чесмы победа! Что Чесма? Выше Наварина!

Вместе с Корниловым на борт флагмана поднялся и Бутаков, исполнявший должность его флаг-офицера. Узнав об обстоятельствах победного боя «Владимира» с «Перваз-Бахри», Нахимов так растрогался, что тут же сняв собственный, полученный еще за Наварин, Георгиевский крест, одел его на сюртук капитан-лейтенанта.

– Ты уже для меня Георгиевский кавалер, а пока не пришлют твой из Петербурга, носи мой! – сказал он, расцеловав при всех хребца.

Что касается фрегатов, то получив сигнал Корнилова о соединении с эскадрой «Кагул» и «Кулевчи» легли на курс зюйд-вест. В 14 часов 37 минут «Кулевчи» подошел к эскадре и лег в дрейф. Спустя десять минут по сигналу Нахимова «Оказать помощь поврежденному кораблю» капитан-лейтенант Будищев направил свой фрегат к «Трем Святителям», но, заметив, что на «Императрице Марии» вот-вот может упасть перебитая

мачта, встал под кормой флагмана и, помогая ему, открыл огонь по турецким фрегатам.

К 2 часам 30 минутам пополудни воды Синопской бухты приняли еще несколько турецких судов. Затонули транспорты «Фауни-Еле», «Ада-Феран» и купеческие бриги, которые, как оказалось, были гружены порохом, оружием и снаряжением для кавказской армии и горцев. Последним досталось хуже всего, оставленные бежавшими командами, они просто взрывались от снарядов и горящих обломков турецких судов. Пароход «Эрекли» выбросился на берег, спасаясь от обстрела русской артиллерии. «Бой в 2 часа 30 мин. почти прекратился, – записано в шканечном журнале линейного корабля «Три Святителя». – Правый фланг, не имея у себя ни одного противника, умолк, между тем как на левом были слышны изредка выстрелы с фрегата «Дамиад», который, лежа на мели под прикрытием навалившегося на него фрегата «Низамие», снова открыл огонь; мы и «Париж» по ним действовали, но в 3 часа все смолкло и бой был окончен совершенно: неприятельской эскадры не существовало».

Тогда же прекратили сопротивление и последние береговые батареи № 5 и 6, на которых к исходу сражения уцелело только несколько орудий. «Париж», «Ростислав», а также подошедшие позднее «Кагул» и «Кулевчи» добились эти батареи последними залпами.

Теперь вдоль берега на камнях лежали и горели девять судов, тогда как остальные уже перестали существовать.

«Неприятельские суда, брошенные на берег, – писал позднее Нахимов, – были в самом бедственном состоянии. Я велел прекратить по ним огонь, хотя они и не спускали флагов, как оказалось, от панического страха, которым были объята экипажи...»

К 15 часам прекратилась всякая ответная стрельба с турецких фрегатов.

Затем еще в течение часа «Париж», «Три Святителя», «Ростислав», «Императрица Мария» и «Кулевчи» продолжали еще время от времени стрелять, сокрушая последние очаги сопротивления. Прежде всего, береговые батареи, которые все еще вели огонь калеными ядрами. В это время загорелись турецкие суда у берега. Взрывы «Фазли-Аллах», а затем «Неджми-Фешан» вызвали многочисленные пожары в турецкой части города. Жителей охватила паника. Еще в начале сражения губернатор Синопа Хуссейн-паша бежал на заранее подготовленных лошадях; его примеру последовали жители-мусульмане, и остались лишь греки, считавшие русских друзьями. Пожары никто не тушил.

Историк Богданович пишет: «...Брошенные на берег неприятельские суда были в самом бедственном состоянии, и потому было приказано прекратить огонь. Из показаний пленных выяснилось, что только панический страх воздержал их спустить флаги, т.е. сдаться. На фрегате "Незими-Зефер" флаг был немедленно спущен, без сопротивления, по требованию проезжавшего мимо парламентаря, посланного для объявления городскому начальству, что эскадра пришла для истребления военных судов, но не желает вредить городу. Транспорты и купеческие суда затонули от попавших в них снарядов; фрегаты "Фазли-Аллах", "Низамиз" и "Каиди-Зефер", корвет "Неджи-Фешан" и пароход "Эрекли" – все были объаты пламенем; по-видимому, большая их часть была зажжена оставявшими их командами. По мере того как огонь доходил до крюк-камеры, суда взлетали на воздух. Взрыв фрегата "Фазли-Аллах" покрыл горящими обломками турецкую часть города. Это произвело сильный пожар, значительно увеличившийся от взрыва корвета "Неджи-Фешан". Пожар продолжался во все время пребывания нашей эскадры в Синопе. В городе некому было тушить его: все жители разбежались. По словам г. Базанкура, парламентаря, не найдя никого, вручил встретившемуся ему австрийскому консулу прокламацию командира русской эскадры».

На остатках «Ауни-Аллаха» был найден избитый командующий турецкой эскадрой Осман-паша. Нашел его мичман Панютин с «Императрицы Марии». С перебитою ногой, избитый в кровь и ограбленный своими же матросами, он сидел по пояс в воде, держась руками за пушечный канат-брюк, почти в бессознательном состоянии. Пришлось Косте Панютину самому прыгать в воду, чтобы вытащить полумертвого старика. Командующий турецкой эскадрой неминуемо бы погиб, если бы его не сняла с горящего фрегата наша шлюпка. В числе других пленных находились еще два капитана, также ограбленные и брошенные на горящих судах своими командами – тяжело раненый командир фрегата "Фазли-Аллах" и капитан одного из корветов.

Позднее капитан «Фазли-Аллаха» на допросе расскажет, что лично видел, как русское ядро попало в шлюпку, на которой переправлялся на берег с тонущего "Низамиз" младший флагман Гуссейн-паша. От удара ядра шлюпка перевернулась кверху килем, и Гуссейн-паша, побарахтавшись в воде, утонул.

К вечеру Синопская бухта представляла печальное зрелище. Фрегат «Ауни-Аллах» и корвет «Фейзи-Меабуд» приткнулись к отмели у батареи № 6, восточнее к мели приткнулись фрегаты «Низамие», «Дамиад», «Каиди-Зефер», далее виднелся пароход «Эрекли» и вблизи него мачты двух затонувших торговых судов. Под батареей № 5 лежал на боку кор-

вет «Неджми-Фешан», у турецкого предместья виднелись останки «Фазли-Аллаха», а у греческого – «Несими-Зефера».

Отметим, что турки бежали с разбитых судов так быстро, что даже не удосужились спустить свои флаги, что спасло бы их от дальнейшего обстрела. Впрочем, видя бедственное состояние горящих и полузатопленных судов, наши и так прекратили огонь. Только на «Несими-Зефер» турки все же спустили флаг по требованию проходившего мимо к берегу мичмана Манто.

Турецкие корабли лежали на мели и горели. Когда огонь добирался до крыйт-камер, они взлетали на воздух. Вдоль берега валялись десятки и сотни убитых турок. Отовсюду раздавались стоны раненых, едва успевших выбраться с погибших кораблей. «Мы видели у берега остатки и раскиданные обломки взорванных на воздух судов и среди них массу трупов. По мере нашего приближения живые турки, занятые разграблением убитых товарищей, покидают свою добычу и уползают с награбленным имуществом» – писал очевидец. В беспорядочном нагромождении лежали груды ядер, разбитые пушки, всюду царила смерть и разрушение.

От горящих обломков, взрывающихся в близости от берега судов, пожары в городе увеличивались с каждой минутой. Восточный ветер разносил головешки в город, и языки пламени быстро пожирала дома, местно адмиралтейство, склады и казармы. «Взрыв фрегата «Фазли-Аллах» покрыл горящими обломками турецкий город, обнесенный древней зубчатой стеной; это произвело сильный пожар, который еще увеличился от взрыва корвета «Неджин-Фешан»: пожар продолжался во все время пребывания нашего в Синопе, никто не приходил тушить его. и ветер свободно переносил пламя от одного дома к другому» – писал очевидец событий.

К 9 часам утра 19 ноября лишь обломки турецких, плавающие по рейду, да торчавшие над водой перебитые мачты, напоминали о минувшем сражении.

Всего в результате сражения турки потеряли десять боевых судов, пароход, два транспорта; были потоплены также два торговых судна и нейтральная шхуна. По сведениям неприятеля, турок погибло в день сражения до четырех тысяч человек. В воспоминаниях Осман-паши отмечены и полторы тысячи бежавших. Кроме самого вице-адмирала в плен попали еще три капитана фрегатов и около двух сотен матросов. Больше просто не брали, так как их некуда было размещать. Прибывшие

несколько дней спустя в Синоп англо-французские пароходы нашли в городе и его окрестностях еще более двух сотен тяжелораненых турок.

С нашей стороны были убиты: корпуса штурманов прапорщик Высота и 37 нижних чинов, ранены: командир корабля "Императрица Мария" капитан 2 ранга Барановский, мичманы Зубов, Костырев и Варницкий; корпуса штурманов штабс-капитан Родионов, прапорщик Плонский, морской артиллерии поручик Антипенко и 233 нижних чина. Более всего поредели команды кораблей «Императрица Мария» и «Ростислав», потери которых ранеными и убитыми составили 185 человек. На кораблях были подбиты 13 орудий и десяток станков.

«Ведомости о числе убитых и раненых в Синопском сражении» от 29 ноября 1853 года показывают, что на первый подвергшийся обстрелу корабль «Императрица Мария» приходится 16 убитых (42%) и 59 раненых (40%) из числа потерь эскадры. Второе место по потерям занимает «Ростислав» с 5 убитыми (12%) и 105 ранеными (45%); однако половина раненых появилась от разрывов собственных орудий, а другие могли явиться следствием стрельбы высоко расположенной батареи. На корабле «Великий князь Константин», вторым попавшем под огонь, насчитывалось 8 убитых (20%) и 24 раненых (24%); потери прочих экипажей были меньше. Если учесть, что в числе раненых насчитывалось немало легко пострадавших, оставшихся в строю, потери оказываются еще меньше. В частности, при сравнении ведомости состава моряков на эскадре 18 и 25 ноября 1853 года видна разница всего в 80 человек. Так как вряд ли за неделю, включавшую переход в Севастополь, поступили значительные пополнения, следует полагать, что число убитых, умерших от ран и определенных в госпиталь не превышало сотни.

Позднее специалисты определяют, что эффект от действия бомб мог оказаться больше, если бы Нахимов перед боем не рекомендовал по возможности не наносить ущерб консульским домам. Увы, но иного выхода у командующего эскадрой просто не было. Вице-адмирал пытался сделать все возможное для сбережения города, прекрасно понимая, что это может стать поводом к конфликту с Лондоном и Парижем. В письме австрийскому консулу Нахимов писал, что искренне сожалеет о невольном разрушении города, и только необходимость подавить батареи, заставила его стрелять бомбами. В подтверждение этим словам следует вспомнить, что с «Императрицы Марии» выпустили всего лишь пять бомб. Другие командиры не были столь щепетильны, ибо в любом случае

Вскоре преодолев штормовое море, Черноморская эскадра уже входила в Севастопольскую бухту. Главная база Черноморского флота торжественно встречала победителей.

Известие о Синопской победе вызвало бурю восторга по всей России. Вице-адмирал Нахимов был награжден Георгиевским крестом II степени, младшему флагману Новосильскому было присвоено звание вице-адмирала, а командир героического «Парижа» Истомин стал контр-адмиралом. Получили награды и другие участники сражения.

Однако Синопский погром внезапно явил и обратную сторону медали. ...После истребления турецкой эскадры, Европа, как бы, фактически лишалась своего действенного влияния на весь ход событий в этом важнейшем куске земного шара, в том числе и своего скрытого влияния на русское завоевание Кавказа, ведь именно турки не без ведома англичан и французов поставляли на своих кораблях оружие и боеприпасы отрядам Шамиля. Это был провал всей европейской политики, и это было прямое оскорбление!

Из письма Наполеона Третьего императору Николаю Первому: «До сих пор мы были просто заинтересованными наблюдателями борьбы, – Синопское дело заставило нас занять более определенную позицию. Синопское событие было для нас столь же оскорбительно, как и неожиданно. Пушечные выстрелы при Синопе болезненно отозвались в сердцах тех, кто в Англии и во Франции обладает живым чувством национального достоинства».

Как явно напоминают нам те, казалось бы, далекие события день сегодняшний, когда во имя неких надуманных «зон национальных интересов» в мире творится произвол и беззаконие! Ничто не ново под луной! Поняв, что Турция войну России уже фактически проиграла, решили действовать англичане и французы. Война из русско-турецкой отныне становилась войной европейской. В Черное море вошел огромный паровой англо-французский флот. Первой подверглась бомбардировке беззащитная Одесса. А 13 сентября 1854 года Нахимов и Корнилов с вышки севастопольской морской библиотеки увидели на горизонте несметную массу судов. Окутанный дымом флот медленно направлялся к Евпатории. Адмиралы долго стояли молча, понимая, что столкновение с этой армадой кораблей и войск неизбежно...

БАСТИОНЫ ЧЕСТИ

Спустя день союзники уже высадились у Евпатории, а еще через шесть дней произошла кровавая битва на реке Альме. Несмотря на храбрость русских войск, оно было проиграно. Главнокомандующий Крым-

ской армией князь Меншиков увел армию к реке Кача, оставив неприятелю, по существу, беззащитный Севастополь.

Из письма князя Меншикова князю Горчакову: «Любезный князь, из Петербурга, Варшавы и Вены меня извещают, что главные силы англо-французов направляются против Севастополя, как к главной цели войны – истребить здешнее адмиралтейство и уничтожить Черноморский флот. И приказание, и долг повелевают мне защищать их до последней капли крови, но вместе с тем предвижу, что буду раздавлен».

Из обращения адмирала Корнилова к морякам-черноморцам: «Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах? Он привел двойное количество таких, чтобы наступать с моря. Нам надо отказать от любимой мысли – разбить врага на воде. К тому же, мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства. Главкомандующий решил затопить несколько старых кораблей на фарватере. Они временно преградят вход на рейд и, вместе с тем, усилят войска. Грустно уничтожать свой труд. Но надо покориться необходимости. Москва горела, а Русь от этого не погибла».

Из донесения генерала Тотлебена: «Наше положение критическое, ежеминутно готовимся мы встретить штурм вдесятеро сильнейшего неприятеля и, по крайней мере, умереть с честью. Начертание укреплений и расположение войск определил мне генерал-адмирал Корнилов вместе с храбрейшим адмиралом Нахимовым, но случаются дни, когда мы все теряем даже малейшую надежду».

Союзниками было решено, обойдя Севастополь, напасть с юга, чтобы иметь в своем распоряжении главные гавани, которых не было с северной стороны. Эта была громадная стратегическая ошибка, поскольку северная часть была практически не защищена. Если бы они атаковали с севера, город был бы взят, безусловно. Впрочем, и с русской стороны были свои проблемы – воровство и мздоимство, и некоторые исследователи приписывали наше поражение в Крымской войне, прежде всего тому, что все запасы хлеба, сена, овса, рабочего скота и лошадей, всего, что могло дать население – все было направляемо туда только на бумаге, а на деле было разворовано. Деньги, отпускаемые из столицы миллионами, оседали в карманах интендантских и полковых начальников.

Из воспоминаний артиллерийского офицера: «Прихожу в канцелярию, спрашиваю: «Вы управляющий?» «Так точно. Что Вам угодно?» «Могу ли я получить деньги для бригады?» «Деньги Вы можете получить, но это будет зависеть от Вас самих». «Как сие понимать?» «А

сколько Вы дадите процентов?» Это был грабеж – абсолютно бесстыдный и холодный.

Из воспоминаний командира батареи: «Не можем сладить с мортирами. Поставили вчера на бастион мортиру, в которую не лезет бомба, равно как и бомбовые трехпудовые орудия не выдерживают пальбы».

Из донесения казачьего офицера: «Кзаки просят сапог, а также жалования, которое в последний раз я и не упомяну, когда им выдавали».

Телеграмма из Петербурга: «Если Севастополь еще не взят, приступите к усилению его защиты».

Телеграмма из Петербурга: «Ввиду скорой сдачи Севастополя, уничтожить все, что нельзя вывезти».

Из донесения князя Меншикова: «В Севастополе я не могу сделать никакого распоряжения об уничтожении материальной части, матросы видят в защите этой крепости, защиту своего рода собственности и защиту флота».

Из воспоминаний пехотного офицера: «От начала бомбардировки и, можно сказать, до самого конца, четвертый бастион находился более всех под выстрелами неприятеля, и не проходило дня, который бы оставался без пальбы. Даже в праздники французы на свои места сажали турок и этим не давали нам ни минуты покоя». В Париже и Лондоне ждали известия о падении города со дня на день, но так и не дождались!

Все произошло совсем по-иному. Когда неприятельские авангарды подошли к внешнему обводу города, они были поражены. Впереди ошестинившись сотнями стволов, их ждали только что воздвигнутые укрепления. Пораженные увиденным, командующий французской армией генерал Конробер и английский лорд Роглан от немедленного штурма отказались. Не менее удручающая картина ожидала союзников у Севастополя и со стороны моря. Вход в Севастопольскую гавань был надежно перекрыт.

Так что же происходило в эти дни в Севастополе? Брошенный князем Меншиковым город был оставлен даже без руководителя-единоначальника. Все руководство по собственной инициативе взяли на себя Корнилов и Нахимов, взяли фактически самовольно и властно. Первый отвечал за оборону Северной стороны города, а второй – Южной.

На второй день после Альминского сражения Корнилов собрал на совещание командиров кораблей. Вице-адмирал предложил выйти в море и атаковать неприятеля. Гибель черноморского флота была бы при этом почти неизбежной, но Корнилов рассчитывал нанести немалый урон и союзникам, заставив их отказаться от действий в Крыму. Меншиков вы-

ходить в море флоту не разрешил, приказав затопить часть кораблей на входе в бухту, а Корнилову велел отправляться в Николаев. История донесла до нас ответ Корнилова:

– Остановитесь! Это самоубийство... К чему вы меня принуждаете! Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелем – невозможно!

Утром следующего дня на входе в бухту, преграждая путь возможному прорыву неприятельского флота, легли на дно семь судов. Обходя на катере обреченные суда, Корнилов говорил плачущим матросам:

– Грустно уничтожать свой труд!.. Но надобно покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла!

Экипажи затопленных кораблей с пушками и абордажным оружием были сразу направлены на создаваемые бастионы. Там уже во всю трудились солдаты гарнизона и местные жители. На бастионах неотлучно находились и Корнилов с Нахимовым. Они же назначили своего младшего товарища контр-адмирала Истомина командиром важнейшей оборонительной позиции города – Малахова кургана.

Душой обороны Севастополя стал Корнилов. Его, как и Нахимова, видели всюду. Скромный Нахимов, не раздумывая, признал старшинство своего младшего товарища и помогал ему во всем, не зная ни сна, ни отдыха.

В чем же главная заслуга вице-адмирала Корнилова? Да, прежде всего в том, что именно он вдохнул веру в защитников брошенного на произвол судьбы города, именно он сумел задать столь высокий дух патриотизма и мужества, что его с лихвой хватило до конца обороны. Сошедшие по его приказу на берег моряки, привнесли на бастионы то особое отношение к выполнению своего долга, каким во все времена славился наш флот. Бастион воспринимался ими не иначе, как корабль, ведь командовали там их же командиры кораблей, а служба правилась согласно, морского устава по боцманским свисткам. А потому дрались моряки за бастионы, как за свои корабли, на которых ни при каких обстоятельствах нельзя спускать Андреевского стяга. Впоследствии с каждым днем обороны количество матросов на бастионах из-за больших потерь уменьшалось, но их боевой дух и морские традиции оставались неизменными.

Подойдя к городу, союзники начали окапываться и устанавливать осадные батареи. И вот грянуло 5 октября – день первой генеральной бомбардировки Севастополя. Едва началась пальба Корнилов и Нахимов были уже на линии огня. объезжая под выстрелами линию обороны, они встретились на Пятом бастионе. Затем Корнилов поспешил на Малахов курган. Мог ли кто тогда знать, что адмиралы видятся последний раз?

Буквально через час, только что прибывший на курган Корнилов будет смертельно ранен ядром в пах. Упав наземь, он успеет еще прошептать, подбежавшим к нему офицерами:

– Отстаивайте же Севастополь!

Буквально на следующий день матросы выложили из ядер на месте гибели адмирала памятный крест. Позднее же здесь будет поставлен памятник: умирающий Корнилов, показывающий рукой на раскинувшийся у подножья кургана город, а ниже его слова, обращенные потомкам: «Отстаивайте же Севастополь!» А сам Малахов курган матросы станут теперь называть не иначе, как Корниловским бастионом.

Они были очень разными людьми Нахимов и Корнилов.

И если первый был матросским любимцем, то второй отличался аристократизмом и романтичностью. Ранний портрет Корнилова. Он капитан брига «Фемистокл». Элегантно расслабленная поза, «байроновский» платок, небрежно обвязанный вокруг шеи. Нахимова представить таким просто невозможно. Карьера Корнилова была столь стремительна, что он обошел многих, в том числе и старшего возрастом Нахимова.

После смерти Лазарева, Корнилов номинальный начальник штаба Черноморского флота, но фактический его командующий. Еще год-два и он поднимет на грот-мачте полный адмиральский флаг.

Отношения двух великих флотоводцев не были, увы, столь идеальными, как их пытаются представить некоторые историки. Корнилов, признавая талант Нахимова, и по-человечески любя его, в то же время ревновал Нахимова к славе.

Еще когда они вдвоем планировали десантную операцию на Босфор, Корнилов предлагает Меншикову убрать Нахимова с эскадры, назначив его командиром Севастопольского порта. Эскадру на Босфор Корнилов хотел вести сам. Начальник штаба флота мечтал о личной победе. Именно поэтому он, бросив все на пароходо-фрегате, мчится к Синопу, чтобы успеть вступить в командование эскадрой до начала сражения. Но опаздывает. Нахимов уже победитель. И его имя, а не Корнилова, отныне занесено в скрижали истории. Но Корнилов не успокаивается. Всю жизнь он мечтал о подвиге, а потому вновь хочет выйти во главе флота, теперь уже на бой с англичанами и французами. И лишь «холодный душ» Меншикова возвращает его к реальности. Именно затопление кораблей на входе в бухту меняет Корнилова. От былого байроновского романтизма не остается и следа. Все мелкое, наносное как-то сразу отступает в нем прочь, оставляя место лишь самому главному – желанию,

во что бы то ни стало отстоять Севастополь, защитить от врага эту малую, но святую для него пядь отеческой земли.

Именно в Севастополе Корнилов обретет свою славу, уже совершенно не заботясь о ней. Здесь он примет смерть и станет бессмертным.

«... Будем держаться до последнего. Отступать нам некуда – сзади нас море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный бой. Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня...» Из обращения В.А. Корнилова к гарнизону Севастополя.

Роковую весть о смерти друга Нахимов узнал, когда неприятельский огонь уже начал слабеть. Вечером его видели у гроба Корнилова. Не стесняясь своих слез, Нахимов плакал и целовал павшего товарища.

Из рассказов капитан-лейтенанта Асланбекова: «Нахимов, узнав о гибели Корнилова, поехал проститься с ним и, войдя в зал, где лежало его тело, стал целовать мертвого Корнилова и горько плакать».

По распоряжению Нахимова останки Корнилова погребли во Владимирском соборе подле могилы Лазарева. Глядя, как опускают гроб, Нахимов сказал:

– Здесь хватит места еще на одного. Этим третьим буду я!

Как отмечают современники, вице-адмирал не желал пережить обороны Севастополя, твердо решив погибнуть здесь, но не отступить...

Теперь их, тех, кто с самого начала вдохновлял немногочисленный гарнизон, тех в кого истово верили защитники черноморской твердыни, осталось всего лишь двое: Нахимов и Истомин. Им двоим, отныне, приходилось рассчитывать лишь на себя, ибо князь Меншиков (метко прозванный матросами «анафемой») похоже вообще махнул на Севастополь рукой.

Из письма Меншикова военному министру В. Долгорукову: «Севастополь падет в обоих случаях: если неприятель, усилив свои средства, успеет занять бастион № 4, и также, если он продлит осаду, заставляя нас издерживать порох. Пороху у нас хватит только на несколько дней...»

Однако севастопольцы думали иначе! Главная власть в городе после смерти Корнилова как-то сама собой перешла к Нахимову. Он создает новые бастионы, занимается снабжением и организацией огня, формирует морские батальоны, вникая всегда в каждую мелочь.

Тем временем Меншиков проиграл союзникам еще одно сражение, на этот раз при Инкермане. А Севастополь продолжает держаться.

2 марта 1855 года Нахимов бывший до сих пор официально лишь помощником начальника гарнизона, наконец-то стал командиром Сева-

стопольского порта и военным губернатором города. Меж тем каждый день обстрелов уносил все новые и новые жизни.

7 марта защитников города постиг тяжелый удар, погиб от попадания ядра в голову бессменный комендант Малахова кургана контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. Нахимов тяжело переживает смерть еще одного своего верного соратника. В письме к его брату Константину он пишет: «Общий наш друг Владимир Истомин убит неприятельским ядром; Вы знали наши дружеские с ним отношения, и потому я не стану говорить о своих чувствах, о своей глубокой скорби при вести о его смерти. Спешу Вам только передать об общем участии, которое возбуждала во всех потеря товарища и начальника, всеми любимого. Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергиею и геройской решимостью... Даже враги наши удивляются грозным корниловским бастионам. Посылаю Вам кусок георгиевской ленты, бывшей на шее у покойного в день его смерти, сам же крест разбит вдребезги.

По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая, вместе высокая жертва защиты Севастополя – покойный Владимир Алексеевич. Я берег это место для себя, но решил уступить ему...»

Теперь из трех наваринцев, стоявших у истоков Севастопольской обороны, Нахимов остался один. Ежедневно он направляется на самый страшный Четвертый бастион и обреченные почти на неизбежную гибель тамошние матросы и солдаты сияли, когда видели своего любимца.

27 марта 1855 года Нахимов был произведен в полные адмиралы. В своем приказе по Севастопольскому порту он пишет: «Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию. Мы сдружились давно, я горжусь вами с детства...»

Из рассказов капитана Асланбекова: «Как сейчас вижу Нахимова, его незабвенный тип, верхом на казацкой лошади, в адмиральских эполетах, в фуражке, надетой на затылок, в панталонах, сбившихся от верховой езды чуть ли не до колен, так, что было видно даже исподнее белье. «Здравия желаю, Павел Степанович!» «Не надобно нам поклонов, нагайку лучше подайте, милостивый государь, у нас здесь порядок должен быть иного рода!» «Вы ранены?» «Неправда-с, – отвечал Нахимов, но,

заметив на своем лице кровь, прибавил, – Чепуха, слишком мало-с». «Поцелуй и поклон Вам от императора», – выкрикнул тогда флигель-адъютант. – «Благодарю Вас покорно, но я и от первого поклона был целый день болен-с». Затем он сделал себе папироску и стал ее курить буквально под пулями, чтобы придать своим матросам куражу и доказать им, что противник плохо стреляет. А потом и вовсе вышел из завала и прошел мимо всех неприятельских траншей с левого на правый фланг».

Из воспоминаний пехотного офицера: «На пятом бастионе мы нашли Павла Степановича Нахимова, который распоряжался на батареях, как на корабле, и ядра свистели около, отдавая нас землей и кровью убитых».

Из записей адмирала Нахимова: «В последние дни, после заката солнца, когда в Севастополе наступает совершенная тишина в воздухе, неприятель бросает к нам конгревовы ракеты; вчера выпустили шестьдесят. Ракеты, бросаемые неприятелем, разрывные и с сильным зажига-тельным составом».

Из воспоминаний артиллерийского офицера: «Каждый из защитников после жаркого дела осведомлялся, прежде всего: жив ли Нахимов, и многие из нижних чинов не забывали своего отца-начальника даже и в предсмертных муках. Так, во время одного из штурмов, рядовой полка графа Дибича-Забалканского лежал на земле близ Малахова кургана. «Ваше благородие! А, ваше благородие!» – кричал он офицеру, скакавшему в город. Офицер не остановился. «Постойте, ваше благородие!» – кричал тот же раненый в предсмертных муках: – «Я не помощи хочу просить, а важное дело есть!» Тогда офицер возвратился к раненому. «Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?» «Нет», – отвечал офицер. «Ну, слава Богу! Я могу теперь умереть спокойно... " Это были последние слова умирающего».

Оборона Севастополя продолжается: бомбардировки сменяются атаками, а атаки новыми бомбардировками. Огромна убыль в людях, в тылу процветает воровство и спекуляция, но бастионы по-прежнему держатся. Достается и союзникам. Болезни, холод и русские ядра наносят и им немалый урон.

Кровопролитные бои идут постоянно за передовой Камчатский люнет. В один из дней, когда судьба люнет был почти захвачен внезапной атакой французов, туда прибыл Нахимов. Присутствие любимого начальника, удесятряло силы. Всюду кипела рукопашная. Нахимов как-то чудом оставался еще жив. Французы тем временем обошли люнет с тыла. Теперь адмирал с горсткой матросов оказался в полном окружении. В этот критический момент на выручку Нахимову устремляется генерал Хрулев. С криком: «За мной благодетели!» он увлекает случайно

оказавшихся рядом солдат. Камчатский люнет переходит несколько раз из рук в руки. Наконец французам удается его окончательно захватить. Но адмирал в окружении верных матросов все же пробивается на Малахов курган, где немедленно организует обстрел захваченного люнета. В бою за Камчатский люнет Нахимов был сильно контужен, но, зная, какое гнетущее впечатление произведет это известие на подчиненных, старательно скрывает свою контузию.

А 6 июня началась генеральная бомбардировка города. Главный удар союзники на этот раз решили нанести по Селенгинскому, Волынскому редутам и Камчатскому люнету, прикрывавших Малахов курган. По этим маленьким укреплениям была почти вся артиллерия союзников. А затем начался штурм. В атаку на бастионы бросилось более сорока тысяч человек. На редутах и люнете после жестокой бомбардировки оставалось не более шестисот защитников... Бой был отчаянный. Матросы дрались штыками и банниками. Французский командующий генерал Пелисье еще пять раз поднимает войска на приступ, но каждый раз они отбрасываются с огромными потерями. Союзников громят пушки с бастионов, их накрывают бомбические орудия с маневрирующих по бухте кораблей и пароходов. Штурм буквально захлебывается кровью. Первыми, не выдерживая, откатываются англичане, за ними французы. Севастополь одержал еще одну победу!

Буквально через несколько дней из Петербурга следует указ о новом награждении адмирала. Нахимова награждают ... денежной арендой. Узнав об этом, адмирал был искренне раздосадован:

– Да на что мне аренда? – бросил он в сердцах. – Лучше бы они мне бомб прислали!

Жить Нахимову оставалось совсем немного. Смерть, которой он каждодневно бросал вызов за вызовом, уже стояла за его спиной...

И вот он наступил роковой день 28 июня 1855 года. Утром Нахимов с адъютантами верхом отправился осматривать бастионы. Давая указания, он доехал до Малахова кургана. Поговорив с матросами, взял подзорную трубу и поднялся на банкет. Его высокая фигура в адмиральских эполетах была прекрасной мишенью для стрелков неприятеля. Бывшие рядом офицеры попросили его поберечься. Нахимов им не ответил, продолжая молча рассматривать в трубу позиции неприятеля. Рядом с ним просвистела пуля.

– Они сегодня довольно метко стреляют! – заметил Нахимов.

В этот момент грянул новый выстрел, и адмирал без единого стоны упал на землю.

Из воспоминаний казачьего офицера: «28 июня 1855 года, на Малаховом кургане, Нахимов отдал приказания начальнику батареи и пошел прямо на вершину бастиона. Его догнали офицеры и стали всячески удерживать, зная, как он в последнее время ведет себя под огнем. Но Нахимов отстранил их и взял подзорную трубу. Его высокая сутулая фигура в золотых эполетах была бросающейся в глаза мишенью прямо перед французской батареей. Офицеры и адъютант сделали еще последнюю попытку предупредить несчастье и стали убеждать Нахимова хотя бы понизе нагнуться или зайти за мешки, чтобы смотреть оттуда. Нахимов не отвечал, и все смотрел в трубу в сторону французов. Просвистела пуля, уже явно прицельная, и ударилась около самого локтя Нахимова в мешок с землей. «Они сегодня довольно метко стреляют», – сказал Нахимов. И в этот момент грянул новый выстрел. Адмирал упал на землю как подкошенный и без единого стога. Штуцерная пуля ударила прямо в голову, пробила череп и вышла у затылка». В сознание Нахимов уже не приходил. Его перенесли на квартиру. Прошел день, ночь, снова наступил день. Нахимов лишь изредка открывал глаза, смотрел неподвижно и молчал. Утром 30 июня его не стало. Вокруг дома в молчании стояла толпа моряков и горожан. Вдали грохотали пушки.

А затем были похороны. Адмирала погребли там, где он и желал, в ногах у своих боевых товарищей: Лазарева, Корнилова и Истомина. Гроб с его телом был покрыт прострелянным и изорванным флагом «Императрицы Марии», под которым он вел эскадру в день Синопа...

Верил ли Нахимов, что можно отстоять Севастополь? Те, кто близко знал адмирала в те дни, говорят однозначно: нет, не верил. В узком кругу с Корниловым Нахимов не раз и не два говорил, что удержать город невозможно, но невозможно и отдать его. Есть ли еще выход? Оказывается, есть – это смерть. Сомнения в возможности защиты ни на минуту не оставляют Нахимова. Но вот гибнет самый близкий из соратников Корнилов, и Нахимов преображается. Теперь больше никто никогда не услышит от него и намека о невозможности защиты Севастополя. Вдохновляя и одобряя, адмирал уже сделал свой страшный выбор. Теперь он спокоен душой. Он знает, что непременно, рано или поздно, ляжет подле своих товарищей. Теперь ему остается лишь до конца исполнить свой долг перед живыми и павшими.

Смерть Нахимова потрясла всю Россию. «Нахимов получил тяжелую рану! Нахимов скончался! Боже мой, какое несчастье!» – эти роковые слова не сходили с уст в Петербурге и Москве, Смоленске и Оренбурге...

Лишенный своего вождя Севастополь будет держаться еще несколько месяцев, а затем его защитники перейдут на Северную сторону бухты, куда союзники сунутся уже не решаться. Так завершится многомесячная героическая оборона города русской славы. Лев Толстой одним из первых понявший все величие битвы за Севастополь, напишет: "Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, героем которой был русский народ".

Прошло почти сто лет, и в 1944 году учреждены орден и медаль Нахимова. В статуте ордена Нахимова было записано: «Орденом Нахимова награждаются офицеры военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен противнику значительный урон и сохранены свои основные силы».

Академик Е. В.Тарле о Нахимове и Севастопольской битве: «С самого начала Нахимов не верил в возможность спасти Севастополь. Но с самого начала он принял для себя единственное решение: он, Нахимов, не желает пережить Севастополь. И даже окружающие как-то чутьем понимали, что-либо Нахимов и Севастополь погибнут в один день, либо Нахимов погибнет перед гибелью Севастополя. Следовательно, делая все зависящее, чтобы отсрочить падение крепости, он тем самым боролся за продление своего существования. Твердыня, за которую Нахимов отдал жизнь, не только стоила врагам непредвиденных ими ужасающих жертв, но и своим, почти год длившемся, отчаянным сопротивлением, которого решительно никто не ожидал ни в Европе, ни у нас, полностью изменило былое унастроение Запада, заставив его немедленно после войны искать дружбы с Россией, и принудила этот Запад, к величайшему для него раздражению и разочарованию, отказаться от самых существенных требований и претензий, фактически сведя к ничтожному минимуму русские потери при заключении мира».

Когда приходишь поклониться праху адмиралов к Владимирскому собору, то невольно останавливаешь взгляд на мраморных досках с их именами в стенах храма. Все они буквально иссечены осколками. То память уже об ином времени и о другой войне. Эти доски хранят память уже о другой войне. Никого из них не пощадили вражеские осколки.

Не так давно на раскопках в Херсонесе была найдена икона, сделавшая настоящую сенсацию в научном мире. Редкостна по качеству исполнения и сохранности, она вот уже на протяжении целого ряда лет служит эмблемой многих международных археолого-исторических вы-

ставок в Европе и Америке. Изготовленная из камня-стеатита, она именуется специалистами, как "Коронование Христом святых воинов мученическими венцами". На иконе изображена знаменитая триада драконоборцев. Вот слева Федор Стратилат с его узнаваемой канонической бородой, рядом посредине Георгий Победоносец в шапке густых, зачесанных в два ряд, волос. Справа от них демоноборец Дмитрий Солунский, с традиционно несколько оттянутыми мочками ушей. Все трое держат в руках миндалевидные щиты и длинные копья, все трое напряженно всматриваются вдаль, ожидая врага.

Когда я в первый раз увидел икону, мне сразу же невольно вспомнились "Богатыри" Васнецова. Как много общего в сюжете между иконой и картиной! Как много общего между людьми, изображенными на них! Но ведь была и еще одна тройка адмиралов-мучеников, павших за православие и обретших бессмертие на севастопольской земле!

Минут многие десятилетия, но имена Корнилова, Нахимова и Истомина, тех, кто легли под плиты Владимирского собора, станут легендой. В России будет еще немало иных прекрасных адмиралов и флотоводцев, немало сделавших для ее флота, но такой плеяды великих мужей моря у нее уже не будет никогда.

Литературно-художественное издание

Владимир Виленович Шигин

**Герои Черноморского флота
XVIII–XIX веков**

Текст публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор – Игорь Витюк

Вёрстка – Игорь Витюк

Дизайн обложки – Александр Кабин

Формат 60x84 1/16.

Условных печатных листов – 11. Авторских листов – 9,5.

Гарнитура Times.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства

«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»

Министерства обороны Российской Федерации

129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1